

"Запах денег"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Майское солнце, заливая Париж бриллиантовыми лучами, делало город еще краше. Через громадное окно своего кабинета Джон Дорн, шеф французского отделения ЦРУ, любовался изумрудной листвой деревьев, красивыми девушками в нарядных костюмах и запруженной, как обычно, толпой народа площадью Согласия. Весь его вид излучал довольство.

Бросив рассеянный взгляд на несколько досье, веером разложенных на столе, и отметив, что ничего срочного в них нет, он удобнее устроился в кресле и снова повернулся к окну.

Прослужив тридцать девять лет в ЦРУ, Дорн в свои шестьдесят шесть был еще довольно крепким мужчиной и имел все основания гордиться своей карьерой. Он занимал ответственный пост директора французского отделения ЦРУ — по существу, его уговорили продолжить свою деятельность, несмотря на то, что он уже давно перешагнул через пенсионный возраст. Это было несомненным доказательством, что его работа была и остается безупречной и он вправе считать себя здесь незаменимым.

Дорн был мужчиной небольшого роста, подвижным и немного смахивал на птицу. Из-за стекловидных очков без оправы живо поблескивали его глаза. Он больше походил на преуспевающего банкира, чем на шефа всемогущей организации. Тем не менее, это был хитрый и решительный директор чрезвычайно эффективной по своей деятельности организации, влияние и финансовое могущество которой были столь значительны, что только идиот мог не понимать масштабы и значительность его власти.

В тот момент, когда Дорн любовался девушкой в мини-юбке, пережидая красный свет светофора, чтобы перейти улицу, и являющейся как бы живым воплощением этого весеннего утра, на столе зазвонил телефон.

Дорн недовольно поморщился. Телефон был сущим проклятием в его жизни. Всякий раз, когда он пытался воспользоваться предоставившейся минутой отдыха, звонок разрушал атмосферу покоя. Сняв трубку, он раздраженно произнес:

— Да?

Мэвис Пол, личный секретарь, доложила:

— Капитан О'Халлаген на линии. Соединить?

Капитан Тим О'Халлаген курировал действия всех секретных агентов ЦРУ в Европе, был правой рукой Дорна и его другом. Дорн вздохнул. Каждый раз звонок Тима возвещал об очередных неприятностях.

— Соединяйте... Слушаю, Тим!

— Доброе утро, шеф. Включите систему защиты от подслушивания.

Тон капитана не оставлял сомнений в серьезности сообщения.

«А ведь это действительно неприятности!» — с сожалением подумал Дорн, включая систему

защиты.

— Сделано, Тим... Так что там у вас случилось?

— Я только что получил сообщение от Алека Хаммера. Это наблюдатель в аэропорту Орли. Он сказал, что Генри Шерман только что прилетел ночным самолетом из Нью-Йорка. Он заgrimирован и путешествует с фальшивым паспортом.

Дорн мигнул. У него мелькнула мысль, а не ослышался ли он. Ведь что ни говори, а шестьдесят шесть лет приличный возраст.

— Как вы сказали? Кто прибыл?

— Генри Шерман. Тот самый Генри Шерман!

Дорн вдруг почувствовал, как вся кровь бросилась ему в голову.

— Что вы здесь мелете? Подшутить надо мной решили, черт возьми!

— Генри Шерман только что покинул аэропорт Орли и направляется в Париж, — терпеливо повторил О'Халлаген.

— Но это же невозможно! Здесь какая-то ошибка! Шерман в Вашингтоне. Я...

— Я осведомлен, где он должен находиться в настоящий момент, сэр, но все же в это мгновение он приближается к центру Парижа. Хаммер в этом абсолютно уверен. Как вы помните, прежде чем поступить к нам на службу. Хаммер четыре года был личным телохранителем Шермана. Шерман имеет привычку размахивать руками и покачивать головой, и эти жесты столь характерны, что ошибиться невозможно. Этот человек носит усы, черные очки и прибыл туристским классом из Нью-Йорка. Здесь не может быть ошибки, Хаммер абсолютно уверен, что это действительно он. Алек является лучшим моим агентом и до сих пор не допустил ни единой ошибки.

— Но вам же известно, что Генри Шермана и днем и ночью охраняют агенты ФБР. Не успел бы он покинуть Вашингтон, как нас немедленно бы известили об этом. Нет, Хаммер ошибается...

— Увы, сэр, — в который раз терпеливо возразил О'Халлаген. — Существует и еще одна немаловажная деталь. Этот человек путешествует с паспортом на имя Джека Кейна. Этот Кейн весьма похож на Шермана. Генри раза два или три даже пользовался его услугами, чтобы отделаться от назойливых журналистов, которые порядком досаждали ему. К тому же по непонятной причине Кейн отпустил усы.

— И вы совершенно уверены, что этот человек не Кейн?

— Абсолютно. Да это я уже и сам проверил. В настоящий момент Кейн пребывает в госпитале с переломом ноги. Его угораздило попасть в автомобильную аварию. Официально Шерман в самом деле должен находиться дома и даже якобы болен гриппом. Все обставлено так, что только жена может его видеть. К нему сейчас никого не пускают. Так что, как видите, Шерману удалось провести своих охранников, а жена утверждает, что он находится в своей постели. Я убежден, что Хаммер не ошибается, и Шерман в настоящий момент находится в Париже.

— И вам известно, где он остановился?

— Пока нет, сэр. К сожалению, Хаммер потерял его след в аэропорту, когда Шерман уехал на единственной стоявшей на стоянке машине. Сейчас он ожидает возвращения в аэропорт водителя того такси, но шансы на это весьма сомнительны. Не пора ли навести справки в отелях?

Дорн некоторое время колебался, лихорадочно раздумывая, что бы такое предпринять.

— Подождем, — решил он наконец. — У Шермана имеется багаж?

— Только небольшой чемодан.

— Тогда пока ничего не предпринимайте и прикажите Хаммеру, чтобы он молчал. Если же ему удастся увидеть водителя такси, пусть поинтересуется, куда он отвез своего пассажира. Но все это необходимо проделать строго конфиденциально. Не исключено, что это весьма деликатное дело. Не отходите от телефона, Тим, возможно вы мне будете нужны.

Дорн аккуратно положил трубку, откинулся в кресле и некоторое время сидел неподвижно, бездумно глядя в пустоту. Мысли вихрем кружились в его мозгу. «Если этот человек действительно Шерман, то какого дьявола ему понадобилось приезжать в Париж?» — думал он. Дорн почти не сомневался, что Хаммер не ошибся, и этот человек действительно Генри Шерман. Но его поступки явно не укладывались в рамки здравого смысла.

Дорн попытался отбросить эту мысль. Скорее всего именно Мэри Шерман помогла мужу осуществить это опасное и таинственное путешествие. Это наводило на мысль, что они оба замешаны в каком-то очень серьезном деле личного характера, вынудившем Шермана тайно приехать в Париж.

Дорн вытер повлажневшие ладони платком и тяжело вздохнул.

«А если пресса узнает об этой истории? Генри Шерман, как простой человек, изменил внешность и путешествует с фальшивым паспортом!»

У Дорна были все основания тревожиться, так как Шерман был кандидатом на пост президента США и на сегодняшний день являлся несомненным фаворитом у избирателей. И не только потому, что казался наиболее подходящим претендентом на столь высокий пост, но и потому, что был одним из богатейших людей в Штатах. Президент Американской стальной корпорации, объединенных американских и европейских авиалиний, почетный председатель бесчисленных компаний, он являлся другом почти всех членов правительства, в настоящий момент находящегося у власти. До сих пор он был безупречен в личной жизни, и его жена была бы замечательной хозяйкой Белого дома, с чем никто не спорил. Дорн знал Шермана уже сорок пять лет. Будучи студентами Йельского университета, они жили в одной комнате, и Дорн отдавал себе отчет, что только благодаря Шерману он до сих пор занимает столь высокий пост, вместо того, чтобы умирать от скуки, находясь на пенсии. Признавая, что Шерман довольно часто был груб, имел талант легко наживать врагов, Дорн все же испытывал безмерную признательность этому человеку, так много сделавшему для него. И если бы предоставилась возможность в чем-то помочь Шерману, Дорн не колебался бы ни секунды. Но что он может сделать в подобной ситуации? Ведь Шерман и сам далеко не дурак и понимает, чем рискует, приехав в Париж инкогнито. Если его опознают, разразится грандиозный скандал.

Дорн размышлял еще несколько минут, потом принял решение. Если он действительно хочет помочь Шерману, то пока не следует предпринимать никаких действий. Генри и сам способен выкрутиться из любой ситуации. Итак, необходимо предупредить О'Халлагена, а Хаммер и так будет молчать. Пусть приезд Шермана останется в тайне. Даст Бог, он сделает дело, ради

которого пустился в столь опрометчивое путешествие, и побыстрее вернется в Вашингтон. Если не возникнет никаких непредвиденных случайностей, то пусть все так и останется. Но если предположить, что кто-либо все же узнает его?.. Дорн бросил взгляд на залитые солнечным светом зеленые деревья, но на этот раз их вид не доставил ему удовольствия. Предположим, французская полиция арестует Шермана, инкриминировав ему использование фальшивого паспорта? Предположим, какой-нибудь придурок, ненавидящий его, — а многие ненавидели его, — опознает Шермана и совершит террористический акт?.. Предположим...

Дорн поморщился. Все что угодно может случиться с такой важной особой, как Шерман. Но что же делать?

И как бы в ответ на этот вопрос звякнул телефон.

— Кому я нужен? — раздраженно спросил Дорн, недовольный, что перебили его мысли.

— Кто-то пытается позвонить вам, сэр, — ответила Мэвис Пол. — Он не назвал своего имени. Он сказал только, что вы вместе учились в Йелле.

Дорн судорожно вздохнул.

— Соедините его со мной.

Короткая пауза, затем мужской голос произнес:

— Это вы, Джон?

— Да. Не называйте себя, мне известно, кто вы. Я полностью к вашим услугам. Чем могу помочь?

— Я хочу вас видеть... Это очень срочно.

Дорн бросил быстрый взгляд на лежащее перед ним расписание. Две встречи назначены на ближайшие два часа, но не настолько важные, чтобы их нельзя было отменить.

— Где вы?

— Отель «Парк». Рю Меслей.

— Я буду у вас через двадцать минут. Пожалуйста, оставайтесь в номере. Мне спросить Джека Кейна?

— Да, но...

— Это моя работа, сами понимаете.

Дорн поднялся, надел пиджак и торопливо вышел из кабинета.

Мэвис Пол, смуглая, прекрасно сложенная и очень уверенная в себе девушка, прекратила печатать и посмотрела на шефа. Она работала с Дорном немногим более года и была весьма довольна им, так же, как и он был доволен тем, что взял себе такую исполнительную секретаршу. Но Мэвис еще никогда не видела Дорна таким встревоженным.

— Я вернусь часа через три, — сказал он. — Объясните посетителям, что у меня появились неотложные дела. Все будет хорошо.

Мэвис проводила начальство удивленным взглядом и уже собралась было продолжить работу, как зазвонил телефон. Это был О'Халлаген. Мэвис сообщила ему, что Дорн только что ракетой промчался мимо нее, пообещав вернуться часа через три.

Дорн подъехал в своем «ягуаре» к отелю «Парк», маленькому неприметному зданию возле площади Республики. Он удовлетворенно отметил, что Шерман поступил осмотрительно, поселившись здесь. Никому и в голову не может прийти, что будущий президент США мог остановиться в такой дыре. С трудом найдя место для машины, Дорн подошел к грязной, обшарпанной двери отеля, толкнул ее и оказался в вестибюле, пропахшем чесноком и потом.

Толстый лысый мужчина сидел за конторкой и с рассеянным видом листал «Фигаро». Позади него висела доска с ключами, а рядом небольшой телефонный коммутатор.

— Господин Джек Кейн проживает у вас? — спросил Дорн, останавливаясь возле конторки.

Служащий сонно посмотрел на Дорна.

— Как вы сказали?

Дорн снова назвал имя.

Служащий неохотно пододвинул к себе журнал регистрации жильцов, некоторое время листал его, потом буркнул:

— Номер 66, третий этаж, — и вновь погрузился в чтение газеты.

Дорн поднялся по ступенькам, покрытым выцветшим зеленым ковром, зажимая нос, так как вонь стала непереносимой. На третьем этаже он прошел по коридору и остановился перед номером 66. Он не спешил стучать, пытаясь унять бешено колотившееся сердце. Непонятно было, от чего оно так расшалилось — то ли от быстрого подъема, то ли от чрезмерного волнения.

Он осторожно постучал, и после короткой паузы дверь отворилась.

— Входите, Джон.

Дорн прошел мимо Шермана в маленькую убогую комнату, а Генри тотчас же запер дверь ключом.

Мужчины молча посмотрели друг на друга.

Шерман был весьма импозантным мужчиной высокого роста, с широкими плечами. У него было загорелое лицо, пронизательные глаза и тонкий жесткий рот. Несомненно образец красивого мужчины, в котором, к тому же, чувствовалась сильная личность. Но за те пять лет, что они не виделись, Шерман заметно сдал. Вид у Шермана был усталый, под глазами набрякли мешки. Слишком много неприятностей, похоже, в последнее время свалилось на его плечи.

— Рад вас видеть снова, Джон, — сказал Шерман. — Спасибо, что приехали так быстро. Он помолчал, глядя на Дорна, потом продолжил: — Как вы узнали, что я приехал под именем Джека Кейна?

Дорн снял пальто. Так как Шерман сел на кровать, он устроился в единственном кресле.

— Вас засекли, едва вы прилетели в аэропорт Орли, — спокойно ответил Дорн. — И тут же проверили вашу регистрационную карточку. О'Халлаген сразу же позвонил мне, но я велел ему пока ничего не предпринимать.

Шерман провел рукой по лицу. Его массивные плечи поникли.

— Но каким образом меня смогли узнать? — спросил он, глядя на Дорна в упор.

— Алек Хаммер ведет наблюдение за аэропортом Орли. Вы помните его? Он узнал вашу походку.

Шерман пожал плечами, и его лицо прояснилось.

— На вас работают прекрасные люди, Джон.

— Да. Когда вы собираетесь возвращаться, сэр?

— Я уже заказал билеты на следующий рейс, через три часа. Но почему вы не интересуетесь, зачем я прилетел сюда?

Дорн покачал головой.

— Мне это ни к чему. Но, уверен, это очень важное и не терпящее отлагательства дело, раз вы приехали сюда. Вы очень рискуете... Впрочем, нет нужды напоминать вам об этом.

Шерман снова утомленно улыбнулся.

— Я знаю это, но Мэри и Кейн сговорились. Иначе я никогда бы не смог приехать сюда, — он наклонился вперед, и его толстый палец едва не уперся в грудь Дорна. — Я здесь, потому что вы единственный человек, на которого я здесь могу положиться, если надеюсь удержаться в гонке за президентское кресло... Я прекрасно знаю это.

Дорн сменил позу в кресле, но его лицо осталось непроницаемым.

— Для меня будет большим удовольствием, сэр, помочь вам наилучшим образом. Что я должен сделать?

Шерман внимательно посмотрел ему прямо в глаза.

— Вы серьезно говорите это?

— Да... Самым серьезным образом.

— Я знал, что могу положиться на вас, Джон. Боже мой! Вы и я — старые друзья. Когда выплыла на свет эта грязная история, я сказал Мэри, что вы единственный человек, к которому я смогу обратиться за помощью и кому могу полностью доверять. Мэри согласилась со мной. Без нее я никогда бы не смог появиться здесь. — После некоторого молчания Шерман сказал: — У меня слишком мало времени, Джон. Я хочу показать вам кое-что, а потом мы продолжим разговор.

Он поднялся, открыл свой чемодан и извлек восьмимиллиметровый проектор в чехле из голубой кожи. Он быстро установил аппарат, заправил в него пленку и направил объектив на стенку. Затем зажег ночник и опустил шторы на окнах.

Дорн наблюдал за ним с некоторой тревогой. Шерман настроил проектор на резкость и сказал:

— Я уже видел это и не имею ни малейшего желания смотреть повторно.

Шерман пересек комнату, на мгновение его тело закрыло освещенное пятно на стене, но в последний момент он, видимо, передумал уходить, уселся на кровать, обхватив голову руками и уставясь взглядом в пол.

Дорн смотрел фильм. Один из тех, которые так популярны в Америке на холостяцких вечеринках: непристойный, грубый, без малейшего намека на сюжет. Дорн смотрел его с отвращением. У партнера-мужчины на голове была черная сетка, полностью скрывавшая лицо. Лицо девушки было открыто. На вид ей было около двадцати двух лет, брюнетка, загорелая, прекрасно сложенная, обладающая какой-то чувственной красотой. Фильм длился около пяти минут, и Дорн с облегчением вздохнул, когда пленка кончилась. Он довольно часто слышал, что существуют порнографические фильмы, но до сего времени никогда их не смотрел. Он был шокирован тем, что мужчина и женщина могут вести себя столь отвратительным образом, и не понимал, чего ради Шерман показал ему эту гадость.

Едва фильм закончился, Шерман встал, поднял шторы и выключил проектор. Затем повернулся в сторону Дорна. Джон снял очки и отвел глаза в сторону.

Голосом, полным нескрываемого волнения, Шерман проговорил:

— Девушка в этом фильме — моя дочь!

* * *

Если капитан Тим О'Халлаген был доволен наблюдательностью своего агента Алека Хаммера, так четко вычислившего Шермана, то и Серж Ковски, руководитель парижским отделением КГБ, мог быть доволен своим агентом Борисом Дриной, также опознавшим Генри Шермана.

Дрина — толстый, вечно потный, безликий мужчина лет сорока — большую часть своего времени проводил в аэропорту Орли. Ковски поставил его на это место, так как хорошо знал, что Дрина труслив, ленив и совершеннейший дурак. Но у него было одно замечательное качество — феноменальная фотографическая память на лица. Ему было достаточно раз увидеть человека, чтобы его черты, походка, даже голос навсегда запечатлевались в памяти — сколько бы времени ни прошло.

Четыре года тому назад Генри Шерман со своей женой прилетал в Орли, чтобы присутствовать на приеме у президента Франции. Дрина как раз был в аэропорту и видел этого веселого массивного человека, а камера в его голове сфотографировала жесты, мелкое подергивание головы и другие характерные особенности облика американца. Они оставались в виде негатива в памяти до того момента, пока Шерман, но теперь уже с усами и в черных очках, не прошел мимо него за барьером таможни, быстро направившись к стоянке такси.

Дрина сразу же сообразил, что человек, которого он только что видел, — и есть будущий президент США, только слегка изменивший свою внешность. В отличие от Алека Хаммера, некоторое время колебавшегося, не веря в то, что он видит, Дрина абсолютно доверял своей памяти и действовал более решительно. Он последовал за Шерманом к стоянке такси и подошел к единственной машине практически одновременно с ним, успев услышать названный Шерманом адрес.

Дрина сделал вид, что пытается тоже сесть в такси. Заметив это, Шерман сухо сказал:

— Я занял эту машину, месье.

— Извините... — Дрина отошел, приняв огорченный вид, но едва такси тронулось с места, сразу же устремился к телефону-автомату. Он был настолько толст, так как страдал ожорством, да к тому же был не дурак выпить, что даже это небольшое усилие вызвало у него одышку. Задыхаясь, он передал Ковски сообщение.

Его рапорт взволновал Ковски. Прекрасно зная заслуживающую доверия фотографическую память своего агента, он не стал терять времени на уточняющие вопросы, сразу исключил возможность ошибки.

Они оба разговаривали по-русски.

— Немедленно отправляйтесь к отелю, — распорядился он. — Я посылаю туда Лабри в машине, снабженной радиопередатчиком. Держите меня в курсе всех передвижений Шермана. Желаю успеха!

Дрина имел собственный автомобиль на стоянке в Орли. В то время как Хаммер еще только звонил О'Халлагену, Дрина рысцой добрался до автомобиля, скользнул внутрь и рванул машину с места.

Включив приятную музыку, он начал вспоминать, когда в последний раз Ковски давал ему какое-нибудь задание. Случилось это довольно-таки давно, так что сегодня у него был повод порадоваться. Дрина увеличил скорость, выбираясь на парижскую автостраду.

* * *

«Девушка в этом фильме — моя дочь».

Ошеломленный Дорн подумал, что ослышался. Но взгляд, брошенный на расстроенное лицо Шермана, подтвердил, что это правда.

Дорн знал, что у Шермана действительно есть дочь. В последний раз он слышал о ней, когда та училась в колледже в Швейцарии. Это было лет шесть или семь тому назад. Когда Шерман и его жена приезжали во Францию, бывали на разнообразных приемах, участвовали в деловых встречах, дочь никогда с ними не появлялась. Девушка из фильма была очень похожа на свою мать. Такая же красивая, обаятельная, имела такие же длинные ноги и прекрасной формы руки.

— Я извиняюсь, сэр, — пробормотал он еле слышно.

— Да? — Шерман вновь сел на кровать. — Будет лучше, если вы всю эту грязную историю... — Он помолчал, как бы собираясь с мыслями. Рука нервно пощипывала подбородок. — Мы с Джулией никогда не ладили между собой. — Он в упор посмотрел на Дорна. — Я понимаю, что здесь частично моя вина... но частично ее. Может быть, в большей степени все же виноват я, так как не хотел иметь детей и ее рождение встретил без энтузиазма. Мы постоянно ссорились, дочь выросла совершенно неуправляемым ребенком. Каждый раз, когда она не получала, что хотела, капризничала, устраивала ужасные сцены, закатывала истерики. Со временем, став уже подростком, она сделалась просто невыносимой... Для меня, во всяком случае. Джулия окружала себя молодыми людьми весьма сомнительного поведения. В доме с утра гремела музыка, толклись длинноволосые проходимцы, происходили скандалы... В один прекрасный момент мое терпение лопнуло, и я отослал ее в закрытый пансионат в Швейцарии. Заведение, в котором она училась, было первоклассным, и мне обещали перевоспитать ее там.

Четыре года она приезжала к нам только на каникулы. Вы и представить себе не можете, как я наслаждался покоем, пока ее не было. Она оставалась в пансионате до девятнадцати лет. Я и Мэри привыкли жить без нее. — Шерман посмотрел на свои массивные руки, лежащие на коленях. — Мы оба понимали это. К тому же мы вращались в такой среде, где нечего было делать девочке ее возраста. Поэтому было решено оставить ее в Европе. Разумеется, мы регулярно писали друг другу. Поскольку она, как видно, ничем не интересовалась, я предложил ей изучать архитектуру. Она согласилась, и я нашел ей преподавателя-женщину, чтобы та обучала ее, приглядывала за ней и сопровождала в поездках. Они побывали во Франции, Италии, Германии... Как вдруг восемь месяцев назад я получил от профессора известие, что Джулия собрала свои вещи и исчезла неизвестно куда. В тот момент я подумал, что, быть может, это и к лучшему... В тот момент у меня было слишком много важных дел, чтобы отвлекаться еще и на это. Но Мэри, естественно, очень разволновалась, хотя тоже была чрезмерно занята... Она готовилась стать первой леди, в случае моего успеха на выборах в президенты.

Дорн слушал его невнимательно, ему никак не удавалось избавиться от стоящего перед глазами вида обнаженной девушки. Противная дрожь пробежала у него по спине. Дочь Шермана! Если этот фильм попадет в чьи-то руки, на политической карьере Шермана можно поставить крест. Он — конченный человек. Ему уже ничто не поможет подняться.

Шерман между тем продолжал:

— Естественно, я признаю, что частично несу ответственность. Мы показали себя форменными эгоистами, ведь так случилось, что Джулия не нашла места в нашей жизни. Так же, как и мы в ее. Я думал, будет лучше, если она проживет в свое удовольствие. Я всегда был готов выслать ей практически любую требуемую сумму, хотя частенько она и не просила об этом. — Он замолк, глядя на Дорна, неподвижно застывшего в своем кресле. — Мы пытались похоронить ее в наших сердцах, и вот результат!..

— Да, — сказал Дорн, чтобы только нарушить воцарившееся молчание в комнате. — Я понимаю.

Шерман грустно улыбнулся.

— Это только потому, что вы верный друг, Джон. Большинство же людей сказал бы, что я заслужил это наказание. Мы были плохими родителями и теперь пожинаем плоды этого... И, Боже мой, какие плоды!

Он вытащил из кармана листок бумаги и протянул его Дорну.

— Посмотрите на это.

Дорн развернул листок. Машинописный текст гласил:

"Простаку, воображающему себя президентом.

Мы посылаем вам сувенир из Парижа. Мы имеем еще три подобных сувенира, выполненных даже лучше этого. Если вы будете продолжать стремиться победить на выборах, эти сувениры будут посланы представителям оппозиционной партии, которые, несомненно, смогут извлечь из них большую выгоду".

Дорн прочел все, отметив про себя неквалифицированную машинопись.

— У вас сохранился конверт?

— Фильм и письмо поступили через дипломатическую почту, — сказал Шерман. Он открыл портфель и вынул оттуда большой конверт, протянув его Дорну. Адрес на конверте гласил:

"Мистеру Генри Шерману.

134 Вестсайд. Крисчент. Вашингтон.

Американское посольство. Париж.

Срочно. Лично в руки. Важно".

После короткого молчания Шерман произнес:

— Теперь вы понимаете, Джон, почему я здесь. Кто-то, находящийся в Париже — а это ваша территория, — шантажирует меня, чтобы я снял свою кандидатуру на президентских выборах. Мэри и я решили обратиться к вам за помощью. Джек Кейн всегда относился ко мне хорошо. Я навестил его в госпитале, сказал, что необходимо слетать в Париж, и он без колебания отдал мне свой паспорт. Хотя он и понимал, что этот поступок может стоить ему карьеры. И вот я здесь. Если вы не сможете помочь, то мне придется устраниваться от предвыборной борьбы, а вы сами понимаете, к чему это может привести.

Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы понять, какая угроза нависла над старым товарищем Дорна.

Шерман умолк, давая ему время на размышление, и дрожащей рукой зажег сигарету. Несколько томительных минут прошло в молчании, прежде чем Дорн сказал:

— Я смогу обнаружить этого шантажиста в течение нескольких дней и пресечь его действия. У меня для этого имеется соответствующая организация и надежные люди. Мы друзья, и я искренне хочу вам помочь. Но это не снимет проблемы. К несчастью, у вас много врагов, которые всеми силами будут стараться свалить вас. Да и среди некоторых моих агентов есть такие, кто не хотел бы видеть вас президентом — они не согласны с проводимой вами политикой. Так что использование в этом случае всей моей организации опасно, это может привести к разглашению тайны. Я говорю совершенно откровенно, так как, сами понимаете, времени у нас нет. Мне очень жаль, но я не могу поручить расследование моим людям. Ведь вам хорошо известен существующий у нас порядок. Заводится досье на каждое дело и копия немедленно отсылается в Вашингтон.

Шерман провел рукой по лицу.

— Мэри сказала мне почти то же самое, и я знаю, что вы совершенно правы, Джон. У меня теплилась слабая надежда, что вы поможете мне, но я не особенно обольщался ею. Ну что же, тогда на этом и закончим. По крайней мере, я испробовал все варианты...

— Но я же не сказал, что не помогу вам. Я просто отметил, что моя организация не сможет ничем помочь, — спокойно прервал его Дорн.

Шерман быстро глянул на друга.

— Вы сможете мне помочь?

— Думаю, да. Но это обойдется вам в приличную сумму.

— Какое это может иметь значение, — раздраженно махнул рукой Шерман. — Я могу выплатить любую разумную сумму. Но как вы сможете помочь мне?

— Я поручу Гирланду, считаю его единственным человеком, способным кое-что сделать.

— Гирланд? Кто это?

Дорн горько улыбнулся.

— Вы задали хороший вопрос. Гирланд являлся лучшим моим агентом. Он везде и во всем был первым. И все же я был вынужден отказаться от его услуг. Этот человек по натуре бунтарь. У него совершенно отсутствует понятие совести, деньги для него все. Это тот тип людей, которые просто чудом остаются на свободе, в то время как их место в тюрьме... Он совершенно неразборчив в средствах, чемпион по карате и, надо отдать ему должное, — прекрасный стрелок. Он очень опасен, отважен, расчетлив и хитер. Он прожил в Париже достаточно много лет, чтобы изучить этот город, как собственный карман. Он свой среди отбросов общества: проституток, наркоманов, гомосексуалистов. Связи его более чем подозрительны, и тем не менее этот человек пользуется у всех доверием. У него имеются только две слабости: деньги и женщины. Если кто-то и сможет решить вашу проблему, то этот кто-то — Гирланд.

Шерман взволнованно смотрел на Дорна.

— Вы уверены, Джон? Ведь такой человек и сам с успехом может шантажировать меня. Мне кажется, вы говорите несерьезно.

— Гирланд никогда не будет шантажировать кого-либо. Я его слишком хорошо знаю. Он, конечно, своевольный, но у него есть и свои принципы. Если он брался за работу, то выполнял ее безупречно. Он единственная наша надежда. Я не говорил бы вам о нем, если бы не был уверен в этом человеке.

Шерман поколебался еще некоторое время, потом решительно махнул рукой.

— Кажется, у меня нет другой альтернативы, не так ли? Если он действительно такой, как вы говорите, наймите его. Но возьмется ли он?

— Едва Гирланд услышит запах денег, как согласится ради них на любую работу. Я думаю, это обойдется нам тысяч в двадцать. Я, конечно, попытаюсь уговорить его на меньшую сумму. Но за такие деньги Гирланд украдет самого Де Голля!

* * *

Дрина нашел Лабри удобно устроившимся за столиком кафе, расположенного напротив отеля «Парк». Он тяжело опустился на стул рядом с Лабри, снял шляпу и вытер пот.

— Ничего не случилось за это время? — спросил он.

— Интересующий вас человек прибыл пятнадцать минут назад, — ответил Лабри, не глядя на компаньона. — Он до сих пор там.

— Никто больше не приходил?

— Нет.

Дрина недовольно поморщился. Он не любил Лабри и знал, что тот его тоже презирает. Полю Лабри было двадцать пять лет. Его мать, француженка, работала официанткой в маленьком кафе, а отцом, скорее всего, был какой-то американский солдат. Высокий, очень худой, с густой светлой шевелюрой до плеч, Лабри носил зеленые противосолнечные очки. Его друзья утверждали, что он даже спит в них. Одет он был в потертый свитер и обтягивающие бедра джинсы. В драке он был очень опасен. Всем было известно, что он хитер, очень коварен. И к тому же коммунист. Один из агентов Ковски встретил его в винном погребе, где Лабри перед группой хиппи излагал свою теорию коммунизма. Агент с интересом выслушал его и поспешил уведомить о Лабри своего шефа. С того дня Лабри начал работать на Ковски, изредка получая деньги от русских, но продолжая вести прежний образ жизни.

Ковски часто заставлял Лабри сводить знакомство с американскими туристами, что было для него, парня общительного, совсем нетрудным делом, предлагал туристам свои услуги в познании ночного Парижа и попутно узнавал от них много разных вещей. Если сведения были достаточно интересными, они тут же передавались в Москву. Ковски не без основания считал Лабри прекрасным вложением капитала, платя ему восемьсот франков в месяц.

Подошел официант и, остановившись возле столика, вопросительно посмотрел на Дрину.

— Месье?

Дрине очень хотелось заказать водки, но Лабри мог донести шефу, что он пьет во время работы. Со вздохом сожаления он заказал кофе.

Едва официант отошел, как Лабри сказал:

— Неужели ты не можешь купить новую шляпу? В этой ты похож на утонувшего пса.

Дрина обиделся. У него и в самом деле не было денег на шляпу, но даже если бы они и были, он все равно не купил бы другую. Эта шляпа была памятью о тех счастливых днях, когда он жил в Москве.

— А ты не мог бы обрезать волосы? — буркнул он. — А то у тебя вид лесбиянки.

Лабри громко рассмеялся.

— А ты прогрессируешь на глазах, — сказал Лабри, когда удалось совладать со смехом. — Это не так плохо!

Может быть, ты и не такой дурак, каким кажешься!

— Заткнись! — озлился Дрина. — Поезжай в Москву и делай там...

Но Лабри не слушал его. Он продолжал довольно хихикать.

— Лесбиян!.. Мне нравится это. Надо будет сказать об этом Ви...

Дрина вдруг выпрямился, заметив Джона Дорна, который быстро шагал вдоль улицы. Перед отелем он помедлил, затем решительно вошел внутрь.

Лабри вопросительно посмотрел на Дрину, лицо его сразу стало серьезным.

— Кого это ты там заметил... Кто-нибудь из твоих знакомых?

— Замолчи! — Дрина подхватился, выбежал из кафе и бросился в телефонную будку, чтобы позвонить Ковски.

— Что случилось? — спросил тот.

— Джон Дорн только что зашел в отель «Парк», — по-русски сообщил Дрина.

— Дорн?

— Да.

Последовала пауза, затем Ковски спросил:

— Лабри с тобой?

— Да.

Ковски еще немного подумал. По всем признакам, Дорн секретно встречается с Шерманом. Должно быть, это очень важно.

— Сейчас я подошлю к вам еще двух человек. Ни в коем разе не теряйте из виду Шермана и Дорна... Ты все понял?

— Да.

Дрина вернулся в кафе и снова сел за столик. Он снял шляпу и пригладил свои волосы.

— Человек, который только что вошел в отель, это Джон Дорн, шеф парижского отделения ЦРУ, — сказал он Лабри. — Товарищ Ковски сейчас пришлет нам в помощь еще двух агентов. Ни в коем случае мы не должны потерять из виду Шермана и Дорна... Это приказ.

Лабри кивнул. Его длинные соломенного цвета волосы заплесали по воротнику.

Серж Ковски был маленьким человеком с узкими глазами и приплюснутым носом. Он носил бородку клинышком, а его огромный череп был совершенно лыс. На нем был старый черный костюм, весь в сальных пятнах — Ковски не отличался особой аккуратностью. Когда телефон вновь зазвонил, он просматривал документы, только что полученные через дипломатическую почту.

Это снова был Дрина.

— Шерман взял такси и уехал в Орли, — говорил он. — Лабри и Алекс последовали за ним. Я думаю, что Шерман улетит в Нью-Йорк рейсом в 15.00. Лабри позвонит вам, едва только они прибудут в аэропорт. Макс и я следим за Дорном. Он покинул отель раньше Шермана и в его руках восьмимиллиметровый проектор, которого раньше не было. Он мог получить его только от Шермана. Сев в такси, Дорн поехал на Рю де Свис. Отпустив машину, он вошел в здание и поднялся на последний этаж. — Дрина оставил самую важную новость для эффектного финала. — На последнем этаже этого здания, товарищ Ковски, проживает Марк Гирланд... Это тот самый тип, который принес нам в прошлом массу неприятностей.

Маленькие глазки Ковски, пока он внимательно выслушивал сообщение, все больше щурились.

— Очень хорошо, — сказал он после небольшой паузы. — Пусть Макс проследит за Дорном, когда тот выйдет от Гирланда. А вы проследите за Гирландом. Будьте внимательны и

осторожны. Он очень хитер. Ни в коем случае нельзя допустить, чтобы он заметил слезку.

— Я понимаю, — без воодушевления проговорил Дрина и повесил трубку.

Некоторое время Ковски смотрел на свой письменный стол, потом на его лице мелькнула злорадная улыбка. Протянув руку, он нажал кнопку. На пороге появилась толстая женщина неопределенного возраста с блокнотом и карандашом в руках.

— Вызовите ко мне Малиха, — приказал он, не глядя на секретаршу.

За те восемь лет, что он провел в Париже, он привык к красивым женщинам и всегда тайно их желал. Толстухи же вызывали у него отвращение.

Секретарь вышла. Пятью минутами позже дверь кабинета отворилась, и на пороге возник Малих. Перед тем как впасть в немилость, Малих считался одним из наиболее способных и опытных советских агентов. Это был высокого роста, атлетически сложенный мужчина. Его светлые волосы были всегда коротко подстрижены, а зеленые глаза напоминали два открытых окна, и из них излучался такой холод, что под его взглядом терялись многие люди.

Ковски и Малих непримиримо враждовали. Пока не попал в немилость, Малих всегда обращался с Ковски с подчеркнутой неприязнью. Хотя Ковски и был его непосредственным начальником, Малих никогда не признавал этот факт. А Ковски, из-за своей лени, по отношению к этому светловолосому гиганту никогда не пользовался своей властью начальника в полной мере. Но теперь, когда Малих уже не считался заслуживающим доверия и поговаривали, что его вообще могут отстранить от оперативной работы, Ковски решил, что наступил момент, позволяющий по-настоящему расквитаться за все те унижения, которые Малих доставил ему в прошлом. Опережая события, он написал начальству в Москву, что ему нужен человек для канцелярской работы. Патрон Ковски, который тоже недолюбливал Малиха, с удовольствием согласился. С тех пор Малих и занимался бумажками. С этим он ничего не мог поделать. Но его ненависть к Ковски только усилилась, и он терпеливо ждал часа, чтобы насолить шефу.

Малих и Ковски посмотрели друг на друга.

— Я что-то не слышал, чтобы вы стучали, — проворчал Ковски.

Малих склонил голову.

— Естественно, я не делал этого. — Малих осмотрелся вокруг, подтянул к себе стул и, не дожидаясь приглашения, уселся, пристально глядя на шефа.

Ковски хотел было сделать замечание, что в присутствии начальства подчиненные стоят, но ледяной блеск голубых глаз остановил его. Как ни говори, а Малих мог одной рукой свернуть ему шею.

— У вас появился шанс восстановить свой авторитет, — сказал Ковски, фальшиво улыбаясь. — Вот послушайте...

Он рассказал о приезде Шермана, о том, что в отеле его посетил Дорн, который вышел оттуда с кинопроектором.

— А для вас, — заключил он, — наиболее интересным будет вот что: в настоящий момент Дорн разговаривает с Гирландом... Человеком, который вас всегда обводил вокруг пальца...

Человеком, из-за которого в основном вы и попали в теперешнее незавидное положение. Это для вас счастливый случай отыграть. Именно вам поручается это дело. Лабри, Дрина, Алекс и Макс уже занимаются им. Необходимо выяснить, с какой целью Шерман передал Дорну проектор, зачем вообще Шерман находится здесь, о чем Дорн разговаривает с Гирландом и вообще, что это за дело, ради которого Шерман рискнул прилететь в Париж. Вы слышите меня?

Малих поднялся.

— Глухота до сих пор не входила в число моих недостатков, — отрезал он и, не глядя на Ковски, вышел из кабинета.

Глава 2

В это солнечное майское утро Гирланд проснулся, немногим позже десяти часов. Вылезать из постели не хотелось, но, вспомнив о неотложных делах, он, покряхтывая, спустил ноги на пол и все еще сонный поплелся под душ. Гирланд провел изнурительную ночь с девушкой, молодой и полной энергии, и был счастлив, когда она ушла. Только стоя под ледяной струей воды, Гирланд ощутил, как к нему возвращается жизнь и он снова обретает форму. Облачившись в спортивный костюм, он прошел: на кухню и открыл холодильник. Через несколько минут на плите уже жарились два яйца с ветчиной. Кофе был прекрасным, и Марк Гирланд вновь почувствовал себя примирившимся со всем миром.

Позавтракав, он убрал стол, свалив грязную посуду в раковину. Закурив, сел перед зеркалом и, взяв в руки колоду карт, начал не спеша тасовать их. Сегодня вечером он был приглашен на партию в покер. Он знал, что двое из игроков были профессиональными картежниками, остальные шестеро простаками, выбранными для того, чтобы их остригли, и Гирланд никак не хотел быть в их числе. Он давно серьезно не играл в покер, а потому опасался, что потерял технику. Наблюдая в зеркало за своими пальцами, он понял, что его манипуляции не смогут обмануть опытного глаза. Он терпеливо продолжал тренировку. Примерно через час почувствовал, что форма постепенно восстанавливается... Тогда начал отрабатывать другой вариант, более сложный. Время шло, пепельница на столе заполнялась окурками. Неожиданно зазвонил телефон.

Он отложил карты, поколебался немного, потом все же встал, пересек комнату и поднял трубку.

— Это вы, Гирланд? — спросил голос, смутно ему знакомый.

— А кто же еще может находиться в моей квартире? — ответил Гирланд. — Кто это?

— Я буду у вас через десять минут... Подождите меня, — в трубке послышались короткие гудки.

Гирланд в задумчивости поскреб свой нос и нахмурил брови.

— Если я не ошибаюсь, — медленно проговорил он, — то это звонил очень мной любимый старый козел Дорн.

Он осмотрел свою большую комнату. Он мог, разумеется, уже давно поменять жилище на лучшее, имея на счету несколько тысяч долларов, вытянутых у Дорна. Но оно его пока устраивало. В квартире стояли большой раскладной диван, несколько удобных кресел. На этом диване он провел очень много времени, развлекаясь со своими подругами. Пол украл

великолепный бухарский ковер, его многоцветный узор придавал комнате уют.

Марк поставил зеркало на место, убрал окурки, заправил постель и привел себя в порядок.

Через десять минут он услышал торопливые шаги на лестнице. Раздался звонок, и Гирланд распахнул дверь.

Запахавшись после подъема на пятый этаж, Дорн смотрел на Гирланда и видел перед собой стройного мускулистого верзилу с седеющими висками, темными, иронично глядящими глазами, тонким ртом и чуть горбатым носом.

Гирланд бросил взгляд на проектор в руках Дорна и, широко улыбнувшись, покачал головой.

— Не сегодня, спасибо... Я ничего не покупаю у бродячих торговцев.

— Не будьте таким нахалом, — Дорн вошел, с трудом переводя дыхание. — Я хотел бы поговорить с вами.

Гирланд насторожился, как охотничья собака, почуявшая дичь.

— Хорошо, входите. Вот сюрприз! Я думал, вы давно уже на пенсии, вернулись в Штаты и развлекаете внуков.

Дорн игнорировал насмешку. Его глаза обежали комнату и остановились на роскошном ковре на полу.

— Хмм-м... как вижу, вы заимели прекрасный ковер... Бухарский, не так ли?

— Да... Спасибо за комплимент.

— Вы его купили за те деньги, которые украли у меня?

Гирланд засмеялся.

— Присаживайтесь. Эта проклятая лестница слишком крутая для людей вашего возраста... Даже мне иногда тяжело по ней подниматься.

Дорн снял пальто, небрежно бросил его на пустое кресло, а сам уселся рядом. Затем посмотрел на Гирланда долгим взглядом.

— У меня есть работа для вас.

* * *

Гирланд недовольно поморщился, выставил перед собой руки, как бы прося пощады.

— Нет, спасибо. Если это такая же работа, какую вы мне подсунули в последний раз, то прошу покорно меня извинить. Мне до чертиков надоели ваши миленькие гадости, Дорн. Я прекрасно живу и без ваших подачек. Работа не для меня, так как я мечтаю и дальше продолжать в таком же духе.

— Это неофициальная работа. — Дорн устроился в кресле поудобнее. — У вас весьма удобные кресла, как я вижу.

— Рад, что они вам понравились, — Гирланд усмехнулся.

Лицо Дорна сохраняло серьезное выражение.

— Не выставляйте себя на посмешище, Гирланд. Насколько мне известно, в последнее время вы испытываете определенные финансовые затруднения. Как вы смотрите на то, чтобы заработать тысяч десять?

— Вы выпили лишнее, не так ли? — Гирланд присел на пуфик, глядя на Дорна с некоторым интересом. — Десять тысяч... Не ваших, разумеется, не так ли?

— Десять тысяч и плюс оплата всех расходов, — нажимал Дорн, чувствуя, что Гирланд, как голодная форель, уже проглотил приманку. — И вы можете поднять гонорар до пятнадцати, или даже до двадцати тысяч долларов. Это представляет для вас интерес, не так ли?

Гирланд поудобнее устроился на пуфике и некоторое время смотрел в потолок. Потом сказал:

— Вы хотите что-то узнать, Дорн? Но вы стали слишком прямолинейным и почему-то уверены, что меня можно купить. Но это далеко не так, хотя уже не в первый раз я таскаю для вас каштаны из огня. И при этом всякий раз попадая во всевозможные смертельные переделки... Я прекрасно обойдусь без ваших десяти тысяч. Это меня не интересует.

Дорн улыбнулся.

— Что это с вами случилось, Гирланд? Я надеялся, что у вас еще сохранились мозги.

— И достаточно много, смею вас уверить.

— Ну, довольно шутить, — сказал Дорн, и голос его стал серьезным. — Так согласны на пятнадцать тысяч или нет?

Гирланд испытующе посмотрел на Дорна.

— Гарантировано?

— Да.

— Как я могу получить эти пятнадцать тысяч?

— Пять тысяч завтра и десять по окончании работы.

Гирланд покачал головой.

— Нет, Дорн, так дело не пойдет. Но, может быть, если вы завтра уплатите мне десять тысяч, а еще десять тысяч я получу после окончания работы... Да... Тогда, возможно, я возьмусь.

Дорн выругался и вскочил с кресла.

— Вы слышали мое предложение, Гирланд? Не ставьте себя так высоко, ведь я могу найти и другого человека...

— Неужели? — вздохнул Гирланд, закрывая глаза. — Было так приятно вновь увидеть вас. Вы совсем неплохо выглядите для человека вашего возраста. Благодарю за визит. Пока.

Дорн некоторое время колебался, потом вновь устроился в кресле.

— В один прекрасный день, Гирланд, вы все же сделаете роковую ошибку, и я устрою вас, и устрою хорошо в том доме, который давно по вас плачет, — в тюрьме...

— Старая песня. — Гирланд устало прикрыл глаза. — С вами очень тоскливо, Дорн, вы все принимаете слишком фигурально. Не стоит этого делать и, пожалуйста, не стройте мину обиженного крокодила... Договорились, не так ли?

Дорн постарался сдержать свой гнев. Дело настолько серьезное, что нельзя было терять драгоценное время на торг. Правда, Шерман был одним из богатейших людей мира, но Дорн привык экономить даже чужие деньги. Однако сейчас у него не было выбора.

— Да... Я согласен на ваши условия, — сдался он наконец.

Гирланд взглянул на него.

— Десять тысяч завтра и десять тысяч по окончании дела?

— Да.

Гирланд рывком поднялся на ноги, его лицо оживилось, глаза засияли.

— Прекрасно... Но в чем состоит эта работа?

Дорн водрузил проектор на стол.

— Вы знаете, как работает эта штука? Я нет. Я хочу показать вам фильм.

— Нет ничего проще! — Гирланд достаточно быстро подготовил аппарат и выключил свет.

Когда до него дошло, что это за фильм, Гирланд весь напрягся и пробормотал:

— Ну, Дорн, вы меня просто удивляете...

Марк с интересом следил за тем, что происходило на экране. Едва только пленка кончилась, он поднялся, выключил аппарат и, отодвинув занавески, вновь уселся на диван.

— Ну, а теперь рассказывайте. Я не думаю, что вы принесли этот фильм, чтобы развлечь меня. Что все это означает?

— Существуют еще три фильма со сходным сюжетом. Я должен их получить. Необходимо также разыскать девушку, которую вы видели на экране. За все это я и плачу. Как вы думаете, сможете разыскать девушку и эти фильмы?

— Да, — сказал Гирланд. — Вот это вопрос! Но вы не откровенны со мной, Дорн.

— Эти фильмы сняты в Париже, и я думаю, девушка до сих пор здесь.

Гирланд внимательно посмотрел на Дорна, похлопывая рукой по колену.

— Ну, ну, и что же дальше?

— Этого достаточно. Неужели вам нужна еще какая-то информация?

— Ах, так! Имейте в виду, что если я берусь за работу, я должен знать все от начала до конца. Иначе нет смысла браться за это дело. Какой резон вам этим заниматься?

— Это вас не касается, Гирланд. Неужели вам мало денег?

Гирланд поднялся, взял со стола пачку сигарет и закурил.

— А как поживает наш будущий президент? У него в последнее время не было никаких неприятностей во Франции? Он счастлив?

Дорн даже подскочил от неожиданности.

— Что это вы несете?!. Что...

— Не притворяйтесь, Дорн. Не забывайте, что я очень много времени прожил в этом городе. Забыли, что я был одним из лучших ваших агентов? К тому же у меня полно всяких знакомых. Девушка, фигурирующая в этом фильме, не кто иначе, как Джулия Шерман, дочь возможного президента США. И нет ничего удивительного, что вы пришли ко мне с таким предложением. Что ж, Дорн, возможно, впервые в жизни вы поступили правильно, придя сюда. Не делайте такую физиономию, Дорн, это ведь действительно дочь Шермана, не так ли?

Дорн глубоко вздохнул.

— А вы ее знаете?

— Я с ней встречался, скажем так... Но мы не знакомы. Как-то я встретился с ней вечером в одном заведении.

Знакомый парень сказал мне, что это дочь Шермана. Это было примерно три месяца назад.

— И вы знаете, где ее найти? — быстро спросил Дорн.

— Вы не ответили на мой вопрос. Так это действительно дочь Шермана?

— Да... — Дорн поколебался, но продолжил: — В настоящее время Шерман — жертва шантажа. Его предупредили, что если он не снимет свою кандидатуру на выборах, три оставшиеся фильма будут переданы его политическим противникам. А это означает, что он не только не будет избран, но вообще наступит крах всей его политической карьеры. Он приехал ко мне в Париж и обратился за помощью. Я пришел к вам.

Гирланд некоторое время раздумывал.

— Итак, за двадцать тысяч долларов Шерман надеется стать президентом, не так ли? Конечно, при условии, что я выполню эту грязную работу, не так ли?

— Разве этой суммы недостаточно? — взволнованно проговорил Дорн.

— О, да, но я еще не решил, хочу ли я помогать ему. Чем-то он мне не нравится. К тому же в настоящее время я уже не ваш подчиненный, да и кое-что мне известно. Мне известно, как он относился к своей дочери, а это никому не может понравиться. Он опьянен властью и расправляется со всеми, кто становится у него на пути. Нет, я не буду голосовать за него.

— Ну что же, Гирланд, я вижу, что напрасно теряю с вами время. Не положите ли вы проектор в коробку?

— Сейчас я это сделаю, Дорн. Вы прекрасно знаете, что я возьмусь за эту работу. За такую кучу денег я сделаю все, что угодно. Оставьте мне этот фильм. Я сообщу вам новости через три дня.

— Итак, вы согласны?

— О, разумеется, — Гирланд широко улыбнулся. — Я всегда люблю деньги. Я хочу, чтобы десять тысяч были доставлены мне завтра утром, и надеюсь, вы выполните обещание и остальную сумму я получу после выполнения работы, не так ли?

— Можете быть уверены в этом! — достав пленку и отдав ее Марку, Дорн взял коробку с проектором, — Я думаю, нет необходимости говорить вам об особой деликатности дела. Если будет хоть малейшая утечка информации...

— Идите, идите, — Гирланд открыл дверь перед Дорном. — Сейчас это уже мои проблемы, так что ваши советы мне ни к чему.

* * *

Макс Линтц был высоким и костлявым человеком. Он недавно прибыл из Восточного Берлина, чтобы работать в парижском отделении КГБ. Лет пятидесяти, с глубоко сидящими глазами и тонким безгубым ртом, он был профессиональным доносчиком и профессиональным стрелком.

Дрина симпатизировал ему. Примерно одного возраста, они много времени проводили вместе и оба недолюбливали Лабри, который был значительно моложе их. Сейчас Линтц и Дрина сидели в кафе напротив дома Гирланда.

— Ты будешь следить за Дорном, — спокойно сказал Линтц. — Я же прослежу за Гирландом... Если ты не против.

Дрина нахмурился. Это означало, что ему не очень-то доверяют. Подумав об этом, он недовольно посмотрел на Линтца.

— Мы выполняем приказ, товарищ. Я должен следить за Гирландом. Так приказал товарищ Ковски.

— Как скажешь, — Линтц пожал плечами. — Но будь осторожен. Тебе должно быть известно, что Гирланд профессионал.

Снова Дрина взъерошил свои волосы.

— Я тоже, — он с вызовом уставился на сообщника.

Несмотря на дружеские чувства к Дрине, Линтц думал, что Ковски поступил неправильно, поручив ему следить за Гирландом. Но, в конце концов, начальству виднее.

— О, конечно, — ответил он.

Последовала длинная пауза. Дрина выпил успевший остыть кофе, не спуская глаз с дома Гирланда.

— Малих сейчас в Париже, — как бы между прочим сказал Линтц. — Правда, он сейчас в немилости.

— Да, — глаза Дрины обежали террасу кафе. Рядом не было никого, кто бы мог их подслушать. — Это замечательный человек... Один из лучших в нашем деле.

— Да. Он может здорово помочь нам.

— Гирланд несколько раз обставлял его.

— Я слышал об этом. Но Малиха такое положение вряд ли устраивает.

Дрина колебался. Он снова осмотрелся вокруг, желая убедиться, что их никто не подслушивает, потом шепнул:

— Ковски не переносит Малиха.

— И все же из этих двух людей я как-то больше симпатизирую Малиху.

По мнению Дрины, беседа приняла слишком опасный оборот. Он почел за лучшее прекратить разговор, так как слишком боялся Ковски.

— Не будем об этом, Макс, — сказал он беспокойно. — О тех, кто отсутствует, лучше говорить только хорошее.

— Здесь ты прав.

Они оба сидели молча на террасе кафе до тех пор, пока Дорн не вышел из подъезда и не направился к припаркованному «ягуару».

— А вот и мой человек, — сказал Линтц. — Рассчитайся за меня и будь внимателен... Пока. — Линтц поспешно покинул кафе, сел в свою машину и поехал вслед за «ягуаром» Дорна.

Дрина положил три франка на стол, закурил, продолжая наблюдать за домом. Он был взволнован разговором. Линтц безусловно прав. Гирланд был высокопрофессиональным агентом. Естественно, лучше бы за ним следил Линтц, а он проявил самолюбие и сейчас раскаивался. Даже при мысли о том, что ему придется следить за подобным типом, да еще так, чтобы тот не заметил слежку, Дрина покрылся холодным потом. Но почему он должен бояться Гирланда? Неужели Гирланд опытнее его? Ведь на протяжении пятнадцати лет он следил за многими людьми и почти всегда успешно. Он так разволновался, что даже встал из-за стола. Потом сделал знак официанту, что уходит, вышел из кафе и сел в свой автомобиль.

Десятью минутами позже он увидел Гирланда, который вышел из дома и спокойно пошел вдоль улицы. На нем были кожаная куртка, свитер и брюки. Он шел спокойно, небрежно покуривая и держа правую руку в кармане.

Дрина завел свою машину. Он видел, как Гирланд пересек улицу и сел в довольно потрепанный «Фиат-600». Дрина поехал за «фиатом» по запруженной народом Рю Реймон Лоссеран, потом проехал авеню де Майн. Здесь Гирланд повернул налево. Держа расстояние в два автомобиля между Гирландом и собой, Дрина прилагал отчаянные усилия, чтобы не потерять «фиат» из виду. Вдруг Гирланд резко свернул направо и заехал в маленький дворик. Не имея возможности сразу же остановиться на оживленной магистрали, Дрина тем не менее заметил, что Гирланд вышел из машины. Доехав до перекрестка, Дрина развернулся и, по счастью, сразу же нашел место для парковки. Быстро поставив автомобиль и не тратя время на запираение дверцы, Дрина помчался к машине Гирланда. Она была на месте, но Марка и след простыл. Дрина в отчаянии оглянулся вокруг. Во двор выходило несколько дверей. Табличка на

одной из них привлекла его внимание. «Бенни Слейд. Фотостудия».

Дрина вспомнил о проекторе и решил, что Гирланд приехал именно сюда, чтобы просмотреть что-то. Он теперь особенно жалел, что не передал этого дела Линтцу. В случае, если вдруг Гирланд выйдет и вновь сядет в машину, у Дрины не будет ни малейшей возможности добежать до своей и продолжить преследование. Он неизбежно потеряет Гирланда из виду. Ему ничего не оставалось, как по улице Вожирар вернуться к своему автомобилю. Некоторое время он сидел в нем, потом решил просить у Ковски помощи.

* * *

Подозревая, что за ним могут следить, Гирланд поднялся на третий этаж, позвонил и принялся ждать у дверей салона Бенни. Он знал Бенни уже лет десять. Педераст и гениальный фотограф, Бенни неплохо зарабатывал, поставляя в отели, где часто бывали американские туристы, фильмы и фотографии с весьма пикантными сюжетами о парижских девушках. Это была не то чтобы порнография, но где-то рядом с ней, хотя и сделанная рукой высококлассного художника.

Дверь открыл очень молодой смазливый парень, одетый в узкие брюки и рубашку навыпуск. Он улыбнулся Гирланду и вопросительно посмотрел на него:

— Да, месье?

— Бенни здесь? Мне он нужен по делу.

— Мистер Слейд сейчас работает.

— Следовательно, он здесь. Отлично. Я подожду, — обойдя парня, Гирланд пошел по коридору, освещенному маленькими лампочками, излучающими рассеянный желтый свет. Каждый раз в студии Бенни было полно народу.

Парень закрыл дверь и поспешил вслед за Гирландом.

— Как о вас доложить, месье?

— Гирланд... Он знает меня.

Парень подошел к двери в конце коридора и открыл ее.

— Подождите здесь, пожалуйста.

Гирланд прошел мимо него в маленький салон, стены которого были украшены фотографиями в позолоченных рамках. Это были наиболее удачные работы Бенни. Вдоль стен стояли удобные кресла с резными спинками, в центре находился стол, заваленный иллюстрированными журналами. В углу салона в кресле сидела девушка с сигаретой в руке и листала журнал. Оторвавшись от своего занятия, она подняла глаза на Гирланда. «Ну и куколка!» — подумал он.

Девушке на вид было года двадцать три — двадцать четыре. Блондинка, с прекрасными шелковистыми волосами, спадающими на плечи, глаза сапфирового цвета, а рот словно созданный для поцелуев. Гирланд перевел взгляд на ноги девушки. Как раз то, что ему всегда нравилось! Легкий шелковый халатик, в который была облачена девушка, слегка распахивался на труди. «Под ним, по-видимому, ничего нет!» — подумал Гирланд.

Заметив взгляд Гирланда, девушка распахнула халатик чуть больше, чтобы у Марка не осталось никаких сомнений относительно ее изящных форм.

Гирланд одарил девушку одной из своих самых обольстительных улыбок.

— Ждем, словно на приеме у дантиста, — непринужденно сказал он. — Вы одна из фотомоделей Бенни, не так ли?

— Вы правы, — девушка с интересом оглядела Гирланда с головы до ног и осталась довольна осмотром. — А вы кто?

— Я? — Гирланд засмеялся и сел рядом с девушкой. — Увы, Бенни отказывается снимать меня. Я пришел сюда просто с дружеским визитом. Я Марк Гирланд.

— Меня зовут Ви Мартин.

С интересом они рассматривали друг друга.

«Вот девушка, с которой не соскучишься в постели», — подумал Гирланд.

— И часто вы работаете для Бенни? — спросил он.

— Примерно раз в месяц, конкуренция ужасная, — ответила Ви, сделав гримасу. — Каждая девчонка с длинными ногами бросается сюда в надежде получить работу и позирует в сущности за гроши.

— Что поделаешь. Ну, а чем вы занимаетесь кроме работы на Бенни?

— О, я манекенщица, — уклончиво ответила девушка, и Гирланд подумал, что это вряд ли соответствует действительности. — А вы кто?

— О, я живу в роскоши, — беззаботно произнес Гирланд. — Я против любой работы. Это один из моих принципов.

— Я хотела бы придерживаться того же, но надо же что-то есть.

— Я думаю, с такими данными, как у вас, нет нужды особенно волноваться на этот счет.

Она улыбнулась.

— А я и не говорю, что волнуюсь. А это правда, что вы совсем не работаете?

— Не совсем так, но стараюсь делать это как можно реже.

— И вы живете, ни в чем не нуждаясь? — она еще больше распахнула халатик, давая Гирланду возможность полюбоваться ее совершенными формами.

— Пока да. Может быть, один из вечеров мы могли бы провести вместе, поужинав в ресторане, и я бы рассказал вам о своей жизни... Уверяю, в ней много интересного.

Она посмотрела на него, думая, не шутка ли это предложение.

— Я всегда мечтала жить в роскоши и ничего не делать.

— Итак, мы договорились. Вы знаете ресторан Чеза Карена?

Ее сапфирового цвета глазки широко раскрылись.

— Я слышала о нем... Но ведь там ужасно дорого!

— Естественно, — небрежно бросил Гирланд. — Но зато там очень вкусно кормят. Как насчет того, чтобы встретиться сегодня вечером в девять часов? Я буду ждать вас там.

Она недоверчиво уставилась на него.

— Я боюсь, что вы просто смеетесь надо мной.

— О, я никогда в жизни не обманывал красивых девушек, — искренне сказал Гирланд. — И если я приглашаю куколку отужинать со мной, я ее никогда не обману.

— Да, хорошенький у меня будет вид, если я появлюсь в этом ресторане, а вас там не будет и некому будет заплатить.

— О'кей... Раз вы так недоверчивы... Я отвезу вас туда... Где вы живете?

Она улыбнулась, потом заразительно рассмеялась.

— Я вам верю. Итак, в девять часов у Карена. — Она поерзала в кресле, устраиваясь поудобнее, и ее глаза сверкнули. — А после ужина вы повезете меня к себе, чтобы показать абстрактные картины?

— Не совсем так, — Гирланд, улыбаясь, смотрел на девушку. — У меня нет ни картин, ни японского фарфора, зато имеется прекрасный бухарский ковер.

— О, я еще никогда в жизни не занималась любовью на полу. Но сейчас, говорят, это очень модно...

Дверь внезапно распахнулась, и в салон ввалилось нечто слоноподобное. Это и был Бенни Слейд. Несмотря на свои двести восемьдесят килограммов, он передвигался удивительно свободно и легко на коротеньких ножках.

Прежде чем Гирланд успел сообразить что к чему, он уже был прижат маленькими ручками Бенни к его гигантской груди. Слейд радостно смотрел на него.

— Марк, сокровище мое, я так рад, я так счастлив лицезреть тебя. Не далее как сегодня ночью я мечтал о тебе, и вот ты здесь!..

— Послушай, Бенни, — запротестовал Гирланд, высвобождаясь из объятий толстяка. — Ты просто испортишь мою безупречную репутацию. Не забывай, среди нас дама.

Бенни фыркнул.

— Рад тебя видеть, кошечка! — Он повернулся к Ви. — Привет, деточка! Это мой самый хороший, самый приятный мальчик — друг Марк Гирланд. Это мой самый любимый мужчина!.. Он...

— Бенни! Остановись, пожалуйста! — сказал Гирланд быстро. — Мы уже познакомились. Ты же знаешь, я совсем другой.

Бенни сделал испуганное лицо.

— Я сказал что-то не так?

— Нет, пока... Но можешь и сказать. Мисс Мартин ожидает, что ты ее сфотографируешь.

Бенни поднял вверх руки в театральном жесте.

— Только не сейчас, моя дорогая, — он повернулся в сторону Ви. — Я извиняюсь... Мне очень жаль, но нужно поговорить с моим другом Марком. Найди Алека. Скажи, чтобы он все уладил. Ты знаешь... Он даст тебе все, что нужно. Приходи завтра в это же время. Мне просто необходимо поговорить с Марком.

Взгляд Ви способен был превратить их в глыбу льда.

— Вы хотите сказать, что он заплатит мне, даже если я ничего не делала? — Ви вскочила с кресла. — Держу пари, этого не будет!

— Ну, ну, не нужно быть такой недоверчивой. Ты же знаешь, что Алек тебя просто обожает... Так же, как и я.

— Ну да, как кошка мышку.

Бенни затрясся от смеха.

— О, какая ты забавная! Ну же, дорогая, я шепну пару слов Алеку. Иди одевайся, он тебе заплатит. Быстро, быстро! — С этими словами он взял Марка за руку, развернул кругом и подтолкнул к двери.

Гирланд обернулся к девушке, улыбавшейся ему.

— Операция Бухара в девять часов, — напомнил он.

Она кивнула, наблюдая, как Бенни едва не волоком потащил Гирланда по коридору.

— Марк, надеюсь, у тебя нет никаких плохих мыслей относительно этой девчущки? — спросил Бенни, продолжая тащить Гирланда по коридору.

— А почему бы и нет?

— Должен тебя предупредить, у нее имеется один знакомый, ужасный тип, между нами. Он очень ловко играет с ножом.

— Я тоже не подарок.

Бенни втолкнул Гирланда в студию. Марк остановился на пороге и даже зажмурился от удивления. Бенни, должно быть, потратил уйму денег на интерьер. Удобные кресла были покрыты шкурами изюбров, вдоль стен висели орхидеи. Огромный письменный стол был обтянут красной кожей, и все помещение из-за этого приобретало какой-то неземной розоватый оттенок.

— Да, похоже, ты не отказываешь себе в земных радостях! — восхищенно присвистнул Гирланд.

— Тебе нравится?

— Очень.

— Я потратил уйму времени и денег, пока не добился нужного эффекта, но от этого едва не сошел с ума. Я вижу, ты смеешься, но все же, скажи откровенно, тебе нравится?

— Мне это кажется просто отвратительным, — вздохнул Марк, садясь в кресло.

— Как приятно это слышать. Я тоже так считаю. Но представляешь, какое впечатление производит на клиентов интерьер моей студии?! Они просто писают в штанишки, когда заходят сюда.

— Послушай, Бенни, я к тебе по делу. Нужно разрешить один вопрос.

Выражение лица Бенни моментально изменилось, взгляд стал острым и настороженным.

— Требуется моя помощь? Нет проблем. Я слушаю тебя.

Несколько месяцев назад Гирланд уладил дело с одним негодяем, шантажировавшим Бенни. Помощь Гирланда оказалась весьма кстати, ибо в противном случае фотограф был бы разорен и оказался без гроша в кармане. С того времени Бенни преисполнился благодарности к Гирланду, чувствуя себя преданным ему, как говорится, душой и телом.

— Ты же знаешь, для тебя я сделаю все, что ты только пожелаешь. Проси и получишь.

— Я хочу, чтобы ты посмотрел один фильм. Надеюсь, ты сможешь определить, кто его сделал. И еще, я хочу знать, кто снимался в мужской роли. Это дело связано с шантажом и очень серьезно.

— Посмотреть фильм? Пройдем в мой рабочий кабинет.

— Это очень большой секрет, Бенни. Я покажу тебе этот фильм, но хочу быть уверенным, что ты никому не скажешь ни слова.

— Ты же знаешь, что можешь положиться на меня, мое сокровище.

С серьезным видом, взяв Гирланда за руку, Бенни провел его через студию в рабочий кабинет. Это было огромное помещение, до невозможности захламленное разнообразными увеличителями, проекторами, экранами. Кровать, достойная королей, стояла на позолоченном возвышении. На этой кровати Бенни снимал практически всех своих девушек, работающих у него в качестве фотомоделей. Молодой блондин, открывший Марку дверь, возился возле фотоаппарата, заряжая пленку.

— Оставь нас на минутку, Алек, — обратился Бенни к нему. — И дай немного денег Ви. Она как раз одевается.

— Но ведь она ничего не сделала, — запротестовал тот с недовольным видом.

— Это неважно... Нельзя же быть таким жадным. Дай ей немного. Неважно сколько. Она отработает завтра утром.

Алек пожал плечами и развинченной походкой вышел из кабинета. Бенни закрыл за ним дверь.

— Ну вот мы и одни, дружок. Так где там твой фильм? Но Бенни ошибался, так как минутой раньше Ви Мартин бесшумно вошла в студию, в поисках своей сумочки. Алек ее не заметил, в то время как она, услышав голоса Бенни и Гирланда, быстро спряталась за ширмой. Гирланд заинтересовал ее. Ей хотелось узнать, что за дела могут связывать подобного человека с Бенни.

Гирланд передал пленку Бенни, и тот, заправив ее в аппарат, направил изображение на серебристый экран. Стоя рядом, они смотрели изображение на экране. Ви рискнула высунуть головку из-за ширмы, чтобы посмотреть, что там происходит. Ей понадобилось несколько секунд, чтобы понять сюжет фильма, и она снова спряталась. Едва пленка кончилась, Бенни откинулся на спинку кресла, закурил и спросил Гирланда:

— Кто эта девушка? Я знаю почти всех, кто занимается подобным ремеслом, но эта новенькая.

— Мне нет дела до нее, — сказал Гирланд, усаживаясь на стол. — Можешь ли ты сказать, кто снял этот фильм?

Бенни на минуту задумался, потом поудобнее устроился в кресле и сказал:

— В Париже человек шесть снимают подобные фильмы. Ты понимаешь, эти сюжеты приносят неплохой доход. Конечно, это очень деликатное дело, и все они рискуют, занимаясь столь криминальным бизнесом. Но, снова замечу, это очень прибыльное дело. Например, фильм, который мы только что видели, стоит не меньше тридцати тысяч долларов. Каждый из фотографов обладает собственной техникой. Этот фильм, скорее всего, снимал Пьер Раснольд. Я, конечно, не могу дать стопроцентную гарантию, но, судя по технике, это именно его работа.

— Где я могу найти его?

— У него студия на Рю Гарibaldi. Для маскировки своей истинной деятельности он берет заказы на выполнение фотопортретов. Ты сам это увидишь. Но основная его деятельность — это съемка порнофильмов.

— Ты его знаешь?

Толстая физиономия Бенни сморщилась от отвращения.

— Я не хотел бы быть с ним в одной компании даже в туалете. Этот тип не внушает мне доверия.

— А что ты скажешь о том типе, который снялся в фильме?

— Это не такая уж и тяжелая проблема. Раснольд для подобной работы обычно пользуется услугами одного человека — Джека Доджа... Он американец. Я лично с ним не знаком, но слышал, что он всегда снимается в подобных фильмах, так как любит этим заниматься. Он подрабатывает в баре у Сэма. А как ты помнишь, этот бар всегда набит до отказа американскими туристами. — Бенни в волнении пересел из кресла на табуретку. — Но вот девушка меня интересует. Она, конечно, любительница, но очень талантлива. Могла бы зарабатывать кучу денег... Было бы полезно познакомиться с ней.

— Она не представляет для меня интереса, — раздраженно повторил Гирланд. — Существуют еще три подобных фильма, Бенни. Я должен разыскать их. Придется нанести визит этому мастеру и несколько укоротить ему руки.

Маленькие глазки Бенни округлились в испуге.

— Только будь осторожен. Это опасный тип.

Гирланд соскользнул со стола.

— Я тоже, — он улыбнулся Бенни. — Большое спасибо. Пойду навещу этого Раснольда.

Бенни перемотал пленку на бобину и протянул Гирланду.

— Если я тебе понадобится, ты знаешь, где меня отыскать.

Он проводил Марка до коридора. Едва только они вышли, Ви Мартин покинула свое укрытие, перебежала из студии в гардеробную и начала торопливо переодеваться.

* * *

Весь в поту, Дрина поминутно тревожно поглядывал на часы. Ковски обещал прислать помощь, но время шло, а никто не появлялся. Что случится, если помощь так и не придет, а Гирланд уедет? Он же не сможет последовать за ним! А ведь Ковски, и Дрина это прекрасно знал, очень плохо относится к нему. Он вполне может услать его из страны.

Он снял с головы шляпу и, переминаясь с ноги на ногу, вытер струившийся по лбу пот.

И тут вдруг он увидел появившегося Гирланда. Дрина растерялся. Некоторое время он стоял посреди безлюдного двора, затем резко повернулся, чтобы выйти на улицу, но сделал это так неуклюже, что привлек к себе внимание Гирланда.

Марк не обратил бы на толстяка никакого внимания, если бы не растерянность, с которой Дрина поспешил ретироваться. Он насторожился. Маловероятно, что за ним уже установлена слежка, но береженого бог бережет.

Так как студия Раснольда располагалась сравнительно недалеко от студии Бенни, Гирланд решил пройти туда пешком. Оставив машину во дворе, он вышел на улицу, едва не столкнувшись нос к носу с Дриной. Тот в это время раздумывал, где бы ему затаиться, чтобы Гирланд его не заметил снова. Они встретились взглядами. Гирланд тоже обладал фотографической памятью. Он тотчас же узнал Дрину, одного из самых ничтожных советских агентов, работающих в парижском отделении КГБ.

— Простите, — сказал он и, обойдя Дрину, направился в сторону бульвара Пастера.

Дрина, едва веря в свою удачу, расталкивая прохожих, поспешил за Гирландом.

Гирланду хотелось верить, что это простое совпадение. Неужели русские знают о Шермане? Поразмыслив немного, он все же решил проверить, не за ним ли бежит этот тип.

Он вышел на бульвар Пастера и остановился возле маленького кафе. Подошло время завтрака и не худо было бы перекусить. Он зашел в кафе и занял столик в самом конце большого зала.

Дрина увидел, что Гирланд вошел в кафе, и некоторое время колебался, не зная, как ему поступить. Ему тоже хотелось есть, и в конце концов он решил зайти на открытую веранду. Там он устроился, чтобы без помех наблюдать за входной дверью.

Из глубины зала Гирланд прекрасно видел веранду и сидящего там в ожидании официанта

Дрину. Подошедшему официанту Марк заказал бифштекс и светлое немецкое пиво. Дрина же попросил сэндвич и водку.

Дрина считал, что выбрал неплохое место: видел всех входящих и выходящих из кафе. Но в его наблюдательном пункте был один недостаток: он не мог видеть Гирланда, сидящего в дальнем конце зала. Марк сразу сообразил это. Он поднялся, зашел в телефонную кабину и позвонил Дорну.

Когда на том конце провода сняли трубку, Гирланд сказал:

— Мне кажется, наши советские друзья тоже интересуются этим делом. За мной следит Дрина.

Дорн знал Дрину, как, впрочем, и всех остальных советских агентов, подвизавшихся в Париже.

— Фильм с вами?

— Конечно.

— Где вы?

Гирланд назвал место.

— Оставайтесь там. Сейчас я подошлю туда двух человек.

— Не надо так волноваться, — остановил Гирланд. — Я как-нибудь и сам справлюсь с этой проблемой. К тому же, вы не сможете прислать мне в помощь своих людей, не поручив им этого дела официально, — резонно добавил он.

Подумав, Дорн согласился.

— Но ведь они же могут напасть на вас и отнять фильм!..

— Ну это вряд ли. Успокойтесь, ничего не случится. Я сумею оторваться от хвоста и позвоню вам несколько позже. Я просто хотел сообщить, что от наших советских друзей не ускользнули ваши действия и они что-то подозревают, — раздраженно сказал Гирланд и повесил трубку.

Когда он вернулся, бифштекс уже стоял на столе. Он не спеша позавтракал и заплатил по счету. Затем вышел и, будто прогуливаясь, неторопливо пошел по бульвару. В нескольких шагах сзади, как тень, за ним неотступно следовал Дрина.

У Гирланда был вид человека, которому просто некуда девать время. Уверенный, что остался незамеченным, Дрина ослабил бдительность.

Но Марк имел особый талант избавляться от слежки. Подойдя к магазину по продаже радиотоваров, где небольшая кучка людей смотрела телевизионную программу по аппарату, выставленному в витрине, он резко повернул и стремглав бросился в подъезд соседнего дома. Этот маневр был так стремителен и внезапен для Дрины, что бедняга даже не успел заметить, куда вдруг исчез его подопечный. На какое-то мгновение он замер как вкопанный, а затем в панике добежал до угла улицы, посмотрел направо, потом налево и, не увидев Гирланда, растерянно остановился.

Видя панически-испуганное лицо нерасторопного агента, Гирланд от души веселился.

Глава 3

На верхних этажах многочисленных старых домов в Париже размещались маленькие квартирнки, известные как холостяцкие норы. В основном их нанимали рабочие и студенты, не имеющие средств для более благоустроенного жилья.

Одна из таких дешевых квартирок с совмещенным санузлом и электрообогревателем снимала Ви Мартин на восьмом этаже старого покосившегося здания на Рю Зингер. Обстановка была более чем скромна: кровать, пластиковый платяной шкаф и раскладное кресло. Под узким окном на столике стоял маленький транзисторный приемник, начинавший извергать музыкальные ритмы, едва Ви поднималась с постели, и замолкавший лишь тогда, когда она ложилась спать. Она не представляла себе жизни без музыки.

На этаже было еще восемь подобных клетушек. Четыре из них занимали пожилые женщины, работавшие прислугой в богатых домах. Они уходили из дому очень рано. Еще в двух комнатках жили испанские супружеские пары, а в оставшихся — пожилые вдовы. Обе они служили на почте, располагавшейся немного ниже по улице.

Все жильцы обычно оставляли двери своих квартир отбывшими, чтобы иметь возможность беспрепятственно переговариваться друг с другом. Эти разговоры, шедшие на повышенных тонах, плюс транзистор Ви создавали на верхнем этаже сущий бедлам.

Ви делила свою квартирнку с Полем Лабри. Они познакомились на левом берегу Сены, и Ви он как-то сразу понравился. Ей ужасно импонировали темно-зеленые стекла его очков, которые он никогда не снимал, длинные волосы. В первую встречу он пригласил ее где-нибудь потанцевать, и она предложила для этого свою квартиру, где они могли бы без помех послушать танцевальные мелодии Сенегала. Ви выглядела достаточно сексуально, синие джинсы выгодно подчеркивали ее длинные ноги, так что дальнейшее нетрудно было предугадать. Едва они захлопнули за собой дверь, как руки Лабри сомкнулись на ее талии, медленно поползли вниз и... вечер танцев, так и не начавшись, закончился в кровати.

Когда Ви поинтересовалась, чем он занимается, Лабри ответил, что продает почтовые открытки на площади Мадлен. За это неплохо платят туристы, буквально наводняющие окрестные улицы. Она, конечно, в это не очень поверила, так как Поль часто возвращался после трех ночи и уходил из дома достаточно рано. Но ей на это было наплевать. У Поля водились деньги, он не скупился, а это было для нее весьма важным.

Первые два месяца их совместной жизни они платили за квартиру поровну, потом Лабри взял расходы на себя. К тому же он всегда рассчитывался за совместные обеды, что Ви было тоже кстати. За все это она расплачивалась тем, что спала с ним на своей узкой кровати. Но это было ей не в тягость — Лабри был весьма искушен в вопросах любви. К тому же Лабри не ревновал ее, и Ви имела возможность встречаться еще и с другими мужчинами.

До семнадцати лет Ви жила с родителями в Лионе. Ее отец был пенсионером, семья жила просто. Ви пришла к выводу, что такая жизнь ее не устраивает. Она начала мечтать о Париже. В конце концов ей удалось уговорить родителей отпустить ее изучать английский язык в Сорбонне. Она училась без особого усердия, а тут и родители погибли в автомобильной катастрофе. В наследство девушке досталось триста тысяч франков. Сумма ей показалась немалой, и она решила на этом свою учебу закончить. Она познакомилась с американским журналистом, и за два года они благополучно промотали все деньги. После этого американец исчез, а Ви осталась без единого су в кармане. Следующие два года она провела в меблированных комнатах, зарабатывая на жизнь своим телом.

Совершенно случайно однажды она встретила с Бенни Слейдом. Ви прогуливалась по

Елисейским Полям в поисках очередного клиента. По счастливому совпадению он как раз подыскивал для фотомодели длинноногую блондинку.

Бенни она приглянулась, и он подписал с Ви контракт на тысячу франков в месяц, что позволило ей снять довольно приличную квартиру и сносно питаться. Одежда тоже ей ничего не стоила. Когда приходило время сменить обновку, она наносила визит в ближайший большой универмаг и воровала платье там. А необходимые наличные она, как и прежде, подрабатывала проституцией. Когда на ее горизонте "появился Лабри, она это бросила, но воровать в магазинах готового платья не перестала.

Возвращаясь в тот вечер домой, она думала только о Гирланде. Чез Карен! Она порылась в платяном шкафу в поисках подходящего к такому случаю платья. Да, миленькое красное платье, украденное на прошлой неделе, будет в самый раз. Его вполне можно надеть даже в такой шикарный ресторан, как «У Карена». Довольная всем, Ви включила радио и улеглась на постель. Закрыв глаза, она вновь начала думать о Гирланде. Что за мужчина! Она попыталась сравнить его с Полем. Поль был крепким, молодым, хорошо выглядел, но не обладал шармом Гирланда. Ей уже надоели его зеленые очки и растрепанные волосы. Если бы он мыл их чаще, возможно, они выглядели бы лучше...

Думая о его волосах, она вспомнила о своих. Встав с кровати, Ви подошла к зеркалу и критически себя осмотрела. Ей показалось, что волосы несколько тускловаты, и она решила вымыть их. Налив в умывальник теплой воды, она принялась за дело.

Когда вошел Лабри, Ви стояла наклонившись над умывальником в плавках и бюстгальтере.

— Имей в виду, если ты меня тронешь, я забрызгаю тебя водой! — закричала она, опасаясь, как бы Лабри не затеял с ней любовную игру.

Но у Лабри в этот день совсем не было желания трогать ее. Физиономия его была хмурой, и он вовсе не был расположен к шуткам. Поездка в аэропорт Орли была безрезультатной. Он только и успел заметить, как Генри Шерман проходил полицейский контроль. Американец улетел в Нью-Йорк. Но когда Лабри сообщил об этом по телефону Ковски, шеф выразил недовольство его работой. Он ждал от Лабри информацию о том, зачем Шерман прилетал в Париж.

Естественно, Лабри ничего не мог добавить по этому поводу. Он только увидел, как Шерман прошел полицейский контроль, о чем еще раз и повторил шефу. Ковски обругал его идиотом и сказал все, что думает о таких бестолковых агентах, как Лабри. Естественно, это не способствовало хорошему настроению.

— Что ты здесь делаешь в такое время? Я думал, ты все еще на работе, — спросил он, наблюдая за ее манипуляциями над умывальником.

— К Бенни неожиданно пришел посетитель, — ответила она, отжимая волосы и закручивая их тюрбаном. — Блестящий мужчина! Мы встречаемся с ним сегодня вечером.

Лабри воспринял заявление без особого интереса. Еще раньше они договорились, что каждый из них совершенно свободен в выборе сексуальных партнеров.

— Надеюсь, ты не приведешь его сюда? — спросил он. — У меня определенные проблемы.

— Привести его сюда? — Ви рассмеялась. — Ты в своем уме? Это же ведь классный мужчина. Мы идем в ресторан Чеза Карена!.. Держу пари, ты даже не знаешь, что это такое!

— А мне, собственно, наплевать на это, — Лабри зажег сигарету и выпустил дым к потолку. По правде говоря, он несколько покривил душой, так как испытал укол ревности. Он прекрасно понимал, что если мужчина ведет девушку в подобное заведение, то за удовольствие ей придется переспать с ним. — Только будь осмотрительной. Чем-то мне не нравятся приятели Бенни. Да ты и сама об этом знаешь.

— Только не этот! Это настоящий мужчина! После ужина он обещал показать мне свой бухарский ковер. — Ви принялась сушить свои волосы. — У него есть деньги и, судя по всему, немалые.

— Что же, в таком случае, его может связывать с Бенни? — спросил Лабри, начиная проявлять интерес.

— Он показал Бенни фильм... порнографический фильм. Он хотел узнать, кто мог снять этот фильм и что за мужчина в нем снимался... Но не спрашивай, зачем это ему понадобилось.

Глаза Лабри, скрытые темными стеклами очков, заблестели.

— Ты не можешь сказать мне его имя?

— Разумеется! Как бы я смогла в таком случае пойти с ним в ресторан сегодня вечером?! — сказала Ви безмятежно. — Уж не думаешь ли ты, что я способна пойти в ресторан Карена с человеком, даже не поинтересовавшись, как его зовут?

Лабри насмешливо улыбнулся.

— Нет, я прекрасно знаю, что ты можешь лечь с кем угодно и когда угодно. Ну так как же его имя?

— Марк Гирланд, если тебя это так интересует!

Лабри напрягся. Он просто не мог поверить в такую удачу. Дрина часто рассказывал ему об экс-агенте ЦРУ в Париже по имени Марк Гирланд. «Это один из самых опытных агентов Дорна, но он сейчас отошел от дел, — сказал тогда Дрина с ноткой зависти в голосе. — Малих много знает о нем». Как-то позже, когда Лабри и Дрина вместе выполняли одно из заданий, Гирланд очень крупно надул их. Дрина тогда показал Лабри Гирланда.

— Это имя тебе что-нибудь говорит? — спросила Ви, глядя на Лабри.

— Это человек — высокий брюнет с большим носом?

— Не такой уж у него и большой нос... Просто благородной формы нос.

— Он высокий и темноволосый? — Лабри с трудом сдерживал свое нетерпение.

— Да, и весьма красивый.

Перед тем как придти домой, Лабри звонил Дрине, и тот намекнул, что Гирланд, возможно, тоже замешан в деле Шермана. Лабри почувствовал, как забилося его сердце.

— Сядь-ка сюда, — сказал он, похлопывая по постели.

— Я занята... Неужели ты этого не видишь? — Ви повернулась к зеркалу. — Я же сказала тебе, что придется обойтись без... ох!..

Лабри шлепнул Ви по ягодцам, при этом раздался звук, словно выстрелили из пистолета.

— Оо-о-ох! Ты, скотина! — Ви скривилась от боли и принялась тереть задницу. Она направилась было к умывальнику, но тут Лабри буквально взорвался:

— Кому сказано, сядь!

Угрожающие нотки в его голосе остудили ее пыл. Она посмотрела на него и, увидев выражение лица, которое обычно ее так пугало, без промедления выполнила приказ.

— Все в порядке, все в порядке, но зачем же бить так больно?! — Она подошла к нему и села рядом. — Что с тобой?.. Хорошо. Но ты сделал мне больно!

— Я хочу знать, что произошло между Гирландом и Бенни. Я хочу знать все подробно... Начинай с самого начала.

— Для чего тебе все это? — удивилась Ви, широко раскрыв глаза.

Лабри вновь ударил ее, но теперь уже по голому бедру, да так больно, что она вскрикнула.

— Говори!

Напуганная Ви рассказала Лабри все, что знала. Когда она закончила, Лабри некоторое время размышлял, потом спросил:

— Ты в самом деле встречаешься с ним в ресторане в девять часов?

— Да, — Ви потерла покрасневшее бедро. — Он встретит меня там...

— Заткнись! — Лабри напряженно размышлял. — Ты уверена, что это был порнографический фильм?

— Я же сказала. Там была кровать, очень широкая.

Лабри взял ее за ногу.

— Теперь слушай, никому ни слова, о чем мы только что говорили... Ты поняла? Никому! Если ты хотя бы заикнешься об этом, я попросту сверну тебе шею!

Ви невольно отшатнулась, пораженная гримасой злости, перекосившей его лицо.

— Я никому ничего не скажу, — пробормотала она испуганно. — Обещаю...

— Так будет лучше. И оставайся здесь до тех пор, пока я не вернусь. Не выходи отсюда.

— Я буду здесь...

Снова он со злобой посмотрел на нее, затем повернулся и вышел из комнаты. Некоторое время она еще слышала его шаги на лестнице.

«Что случилось? — думала она. — О, Боже! Он еще никогда не был таким злым. Он выглядел так, словно собирался убить ее. Что же все это значит?»

Не понимая, что же все-таки произошло, она сидела неподвижно, ломая голову над такой

разительной переменной в поведении Лабри.

* * *

Несмотря на уверенность, что Дрина потерял его, Гирланд решил быть осторожным, проверять, не следит ли за ним еще кто-либо. Так как Дрина удалился вниз по улице Вожирар, Гирланд вышел из подъезда и пошел в направлении студии Бенни. Но, заметив свободное такси, переменял решение и, остановив машину, распорядился отвезти его в посольство США. Двадцать минут спустя он уже входил в приемную Мэвис Пол. Едва только девушка увидела Гирланда, как тотчас же ее пальцы сомкнулись на тяжелой линейке, а глаза настороженно уставились на Марка. Она еще не забыла его последний эксперимент над ней и не хотела, чтобы это повторилось.

— Салют, красотка! — жизнерадостно сказал Гирланд, держась все же на почтительном расстоянии от линейки. — Как долго я вас не видел. Вы все такая же обворожительная, как и в то майское утро. Когда же мы поужинаем вместе? У меня имеется новый шикарный бухарский ковер, и я горю желанием показать его вам.

Мэвис нажала кнопку интеркома.

— Мистер Гирланд здесь, сэр.

— Пусть войдет, — коротко ответил Дорн.

Мэвис указала своей изящной ручкой на дверь.

— Вам туда, Ромео.

Гирланд с сожалением покачал головой.

— Если бы вы только знали, как грустно без вас. Мы могли бы провести такую замечательную ночь.

— Представляю! — произнесла Мэвис без всякого воодушевления. — Идите же, он ждет. — Она положила линейку около себя и застучала на машинке.

— В последний раз вы поцеловали меня... — начал было Гирланд, но замолчал, так как Мэвис вновь схватилась за линейку.

— Ни единого слова об этом! — воскликнула девушка с покрасневшим лицом. — Идите же!..

Дверь отворилась, и Дорн вышел в приемную.

— Сколько вас можно ждать, Гирланд? Заходите...

Когда Гирланд прошел мимо него в просторный кабинет, он сказал печально:

— И где вы нашли эту глыбу льда, Дорн? Я в депрессии.

— Оставьте в покое мою секретаршу, — раздраженно сказал Дорн. — Это серьезная девушка, и вы напрасно теряете время.

Гирланд уселся в кресло для посетителей.

— Это ни в коем случае не потерянное время. Когда-нибудь она изменит обо мне мнение.

Нахмурясь, Дорн уселся напротив него за свой письменный стол.

— Вы уверены, что Дрина следил именно за вами?

— Разумеется, — Гирланд вытащил катушку с пленкой и положил ее на стол. — Спрячьте это у себя. Теперь, когда этим заинтересовались русские, фильм может стать динамитом для Шермана.

— Вы думаете, Дрина опознал Шермана?

— Я в этом абсолютно уверен. — Гирланд бесцеремонно вытащил из ящичка Дорна сигару и закурил ее. — Я только не могу понять, почему он не предупредил французскую полицию о том, что Шерман путешествует с фальшивым паспортом. Они же свободно могли арестовать его. И зачем следить за мной?

— Ковски сваял дурака, — согласился Дорн. — Это для нас счастливый случай.

— Хотелось бы в это поверить. Он знает, что вы встречались с Шерманом и что он передал вам фильм. — Гирланд некоторое время размышлял. — Если он решит, что это важно, а он определенно придет к такому выводу, то сразу же начнет обрабатывать Бенни Слейда.

— Кто это? — спросил Дорн.

Гирланд объяснил ему и добавил:

— Бенни видел фильм, но не знает девушку. Мне пришлось показать его, чтобы Бенни смог сказать, кто снимал этот фильм. Без сомнения, Ковски сможет обработать Бенни, и, если тот заговорит, Шерману придется весьма несладко.

Дорн на некоторое время задумался.

— Но я же ничего не смогу сделать официально, Гирланд, Я могу только рассчитывать на вас. Сможете ли вы обеспечить безопасность этому человеку?

— О, конечно, хотя это будет стоить достаточно дорого. — Гирланд посмотрел на Дорна. — Кажется, вы что-то говорили о возмещении финансовых трат, не так ли?

— Можете не стесняться в средствах, — перебил его Дорн.

Гирланд удивленно уставился на Дорна.

— Никогда бы не подумал, что могу услышать от вас такое, — сказал он. — Хорошо, хорошо... Конечно, если это деньги Шермана, я могу их тратить, но даже в таком случае...

Дорн ударил кулаком по столу.

— Я хочу, чтобы вы действовали решительно и быстро. Неважно, сколько это будет стоить.

— Не торопитесь. Я знаю парочку крепких ребят, которые смогут защитить Бенни. Если вы хотите как можно быстрее добиться результата, то покажите, как выглядят мои деньги.

Дорн достал из ящичка толстый конверт и перебросил его через стол Гирланду.

— Здесь десять тысяч в чеках на предъявителя.

— Спасибо... Теперь я со спокойной душой могу приняться за работу. — Гирланд положил конверт в карман.

— Вы даже не посмотрели на них! Вдруг они не подписаны, — Дорн с интересом наблюдал реакцию Гирланда на это сообщение.

Марк пожал плечами.

— Это так похоже на вас, шеф... Тем не менее за работу. — Гирланд поднялся и подошел к телефону. Некоторое время он что-то говорил в трубку тихим голосом, потом удовлетворенно положил трубку и заявил: — С Бенни все урегулировано. Скажите, а вы не могли бы предупредить Шермана, что им заинтересовалась советская разведка?

— Как я могу это сделать?! — Дорн развел руками и опустил их на поверхность стола. — Я даже не могу послать ему телеграмму. Нет никакой возможности связаться с ним там, чтобы это не стало известно всем. Это сугубо личное дело и должно таковым оставаться.

Гирланд задумчиво почесал свой нос.

— Я начинаю задумываться, стоит ли вообще браться за это дело, чтобы немного заработать, — сказал он. — Я уверен — это будет не такая уж и легкая работа.

— Если вы так считаете, то возвратите деньги, и дело с концом, — взорвался Дорн.

— Ну я не уверен, так ли все это, — Гирланд поднялся и направился к двери.

— И прошу вас, оставьте в покое мою секретаршу, — посоветовал Дорн.

— Да у вас это прямо навязчивая идея, — с притворной грустью Гирланд посмотрел на Дорна, вышел из кабинета и прикрыл за собой дверь.

Едва увидев его, Мэвис вновь схватилась за линейку. Но Гирланд, не обращая на ее предосторожность внимания, медленно подошел к столу и положил на его поверхность свои руки, наклонясь над Мэвис.

— Мой папа всегда твердил мне, что нужно остерегаться красивых девушек. Но вы сейчас — самая красивая звезда на моем небосклоне... Поцелуйте меня.

Она задумчиво посмотрела на него, медленно опустила линейку, и в этот момент Дорн открыл дверь.

— Вы все еще здесь, Гирланд?

Мэвис тут же застучала на машинке, а Гирланд с оскорбленным видом выпрямился, недовольно поворачиваясь в сторону Дорна.

— Единственный человек, который, видимо, вас любил, — была ваша мать, — сказал он. — Бедная женщина! Мне ее искренне жаль!

— Пусть вас не беспокоит моя мать, — ответил Дорн. — Идите и отрабатывайте ваши деньги.

Гирланд взглянул на Мэвис, склонившуюся над машинкой, погладил ее по головке, вздохнул и

вышел в коридор.

Едва он закрыл за собой дверь, как Дорн вернулся к себе в кабинет.

* * *

Сидя за маленьким, обшарпанным столом, Малих слушал Лабри, думая про себя, что, к счастью, не все агенты такие законченные идиоты, как Дрина. Этот длинноволосый парень в смешных темно-зеленых очках стоит пятерых Дрин. Когда Дрина упустил Гирланда, Малих подумал, что все потеряно, и размышлял, как бы выпутаться из безнадежного положения. И вот теперь Лабри навел его на новый след... Вернее, не Лабри, а его любовница.

— Можем ли мы доверять этой девушке? — зеленые глаза Малиха в упор уставились на Лабри.

— Можно ли вообще доверять любой женщине? — пожал плечами Лабри. Он был польщен, что вышел на прямой контакт с Малихом, некогда знаменитым агентом. Малих имел все то, чего очень недоставало Лабри: высокий рост, мускулы, отвагу и хитрость. Лабри очень хотелось быть похожим на такого человека. — Я, правда, постарался запугать ее, но не уверен, что этого хватит надолго.

— А есть еще способ нажать на нее? — спросил Малих.

— Она подворовывает в магазинах...

— И у вас есть доказательства?

— Разумеется. Ее шкаф полон ворованного барахла.

— Это ровно ничего не значит. Тем не менее вы обязательно должны использовать ее, похоже, Гирланд всерьез заинтересовался девушкой. Но согласится ли она работать на нас? Как вы думаете?

Наморщив лоб, Лабри сказал:

— У нее нет мозгов. Она совершенно равнодушна к политике. Все ее мысли сконцентрированы на деньгах, тряпках и сексе.

Малих размышлял — массивная, словно высеченная из камня фигура с руками, покоящимися на столе.

— Мы ей заплатим, вот и все. Сколько вы получаете у нас?

— Восемьсот франков в месяц.

— Ей мы предложим шестьсот. Скажите, что мы нуждаемся в ее услугах. Если она заартачится, намекните, что ей может не поздоровиться... Запугайте как следует, но объясните, что мы никогда не забываем услуг, нам оказанных, и хорошо награждаем старательных работников. Вы все поняли?

— Я понял.

— Отлично. — Малих похлопал Лабри по плечу. — Остальное постарайтесь уладить сами. Вы хорошо поработали, и я позабочусь о достойном вознаграждении.

Когда Лабри ушел, Малих открыл нижний ящик письменного стола и включил магнитофон. Затем взял миниатюрный, очень чувствительный микрофон и проверил его работу, постучав по микрофону ногтем. Микрофон он прикрепил к манжете рубашки и закрыл рукавом пиджака. Прodelав все это, он поднялся и, выйдя в коридор, направился к шефу.

В этот момент Ковски составлял рапорт и резко вздрогнул, когда над ним неожиданно нависла массивная фигура Малиха.

— Вы когда-нибудь научитесь стучать, прежде чем входить? — рассердился Ковски, швыряя авторучку на стол.

Никак не среагировав на замечание, Малих без приглашения уселся в кресло.

— Шерман прилетает в аэропорт Кеннеди через пять часов, — начал он. — Нам известно, что он путешествует по фальшивому паспорту и под гримом. Как я понимаю, если в будущем он станет президентом, нас это не очень-то устроит. Необходимо предупредить полицию аэропорта, что Шерман путешествует с фальшивым паспортом.

— Предположим, я сделаю это?

— Американской полицией немедленно будут приняты соответствующие меры, об этом узнает пресса, разразится скандал. Шермана ни в коем разе не изберут президентом, — продолжал Малих.

Краска бросилась Ковски в лицо. Если бы эта блестящая идея пришла в голову ему, он без сомнения тут же ее реализовал. Но поскольку она исходила от Малиха, он ни в коем случае не мог принять ее. Малих это предвидел.

— Кто у вас спрашивает совета? — Ковски повысил голос. — Это не ваше дело! Ваша обязанность выяснить, зачем Шерман прилетал в Париж и ради чего Дорн заходил к Гирланду.

— Но наша анонимная телеграмма в аэропорт Кеннеди, адресованная американской полиции, принесет Шерману огромные неприятности, — настаивал Малих. — Просто необходимо поступить таким образом.

— Вы будете мне указывать, как поступать?

— Да.

Ковски с ненавистью посмотрел на этого гиганта, так спокойно сидящего в кресле перед ним.

— Уверены! — заорал Ковски. — Вы ничто! Одного моего слова достаточно, чтобы послать вас на несколько лет в Сибирь! Я хочу, чтобы вы хорошо усвоили это! Понимаете?! Запомните, вы будете выполнять то, что я вам прикажу! Мне надоели ваши бредовые идеи! — Ковски с удивлением заметил, что от злости перестал бояться Малиха.

— Но послав эту телеграмму, вы можете быть уверенным в том, что Шерман никогда не станет президентом США, — невозмутимо произнес Малих.

— Вы думаете так, вы глупец! — закричал Ковски. — А вы совершенно уверены, что этот человек был именно Шерман? Мы полагаемся только на слова этого идиота Дрины. Если это действительно Шерман, в чем я сильно сомневаюсь, и мы предупредим американскую полицию, то как же мы сможем узнать, зачем он сюда прилетал? А именно это нас интересует

прежде всего! Как только в ЦРУ прознают, что мы этим интересуемся, они так все запутают, что мы никогда не доберемся до истины.

— А нам, собственно, на это будет наплевать, раз мы пошлем телеграмму. Главное, чего мы хотим достичь, это то, чтобы Шерман не был избран президентом.

— Вы трижды дурак! — вновь завопил Ковски, окончательно потеряв над собой контроль. — Сколько времени я должен повторять вам это, идиот?! Мы просто хотим узнать, зачем он приезжал сюда... Идите и узнайте это. Как долго Шерман находился здесь, зачем так поспешно вернулся в Америку и почему именно он был здесь!

— Но мы сделаем максимум возможного, когда пошлем телеграмму, — невозмутимо гнул свое Малих.

— Вон! — Ковски хлопнул рукой по столу. — Делай то, что я сказал тебе! Узнай, зачем Шерман был здесь! Это твое задание!

Малих поднялся с невозмутимым выражением лица.

— Это приказ?!

— Да!

Малих с сожалением развел руками.

— Я подчиняюсь приказу только потому, что вы мой начальник.

Он резко повернулся и вышел из кабинета, аккуратно притворив за собой дверь. Вернувшись к себе, снял с манжеты микрофон, удовлетворенно прослушал запись, потом взял конверт и со злорадством написал внизу: «Разговор между мной и Ковски. 5-го мая. Предмет разговора: Генри Шерман». Он вложил пленку в конверт, запечатал его и положил в карман. Еще одна магнитофонная лента в небольшой коллекции записей, хранящихся в сейфе депозитного банка, находящегося недалеко от штаб-квартиры КГБ в Париже. Еще один гвоздь в гроб Ковски, заботливо подготовленный Малихом.

Опасаясь, как бы за ним не была возобновлена слежка, Марк Гирланд, покинув американское посольство, отправился пешком к Раснольд. Студия располагалась на четвертом этаже довольно старого здания по улице Гарибальди, но лифт и оформление холла выглядели вполне современными. Двойная дверь, обитая белой кожей, предупредительно раскрылась перед Гирландом, едва он оказался в поле зрения автоматической следящей телекамеры. Марк вошел в роскошно обставленный салон, отделанный красным бархатом. На столиках, вокруг которых стояли позолоченные стулья, были разложены разные газеты и журналы.

Гирланд отметил, что интерьер Раснольда куда более богатый, чем у Бенни, да и денег у него, видимо, побольше. Пока он осматривался, открылась боковая дверь, и в салоне появился весьма элегантно одетый мужчина благородной внешности. Удлиненным аристократическим лицом, вялым чувственным ртом, глазами, обрамленными темными полукружьями, он напоминал Казанову. Как только он увидел Гирланда, выражение покоя моментально покинуло его лицо. Он бросил на посетителя несколько смущенный, даже какой-то боязливый взгляд и моментально ретировался. Гирланд услышал, как хлопнула дверь лифта и он начал опускаться.

— Слушаю вас? — раздался за его спиной чей-то голос.

Гирланд быстро повернулся.

Перед ним стояла высокая и худая женщина с лицом, похожим на гипсовую маску.

— Могу я повидать месье Раснольда? — Гирланд адресовал женщине свою самую обаятельную улыбку.

И тени улыбки не появилось в ответ на этом застывшем лице.

— Месье Раснольда здесь нет.

— А где бы я мог найти его?

Ее темные глаза, в упор изучающие Гирланда, сузились.

— Не можете ли вы подождать?

В это время автоматические двери вновь отворились, впуская еще одного элегантно одетого посетителя. Он несколько замешкался, увидев Гирланда, потом одарил женщину широкой улыбкой.

— Ах, мадемуазель Лотас, как я рад вас видеть! — Он снова бросил взгляд на Гирланда.

Женщина улыбнулась в ответ, и на какой-то момент Гирланду показалось, что гипсовая маска, покрывающая ее лицо, треснула.

— Входите, пожалуйста, месье, я сейчас освобожусь. Пожилой мужчина обошел их и исчез за боковой дверью.

— Если вы сообщите ваше имя, я проинформирую месье Раснольда о вашем визите.

— Но это очень срочно, — настаивал Гирланд. — Когда он вернется?

— Не раньше понедельника. Могу я узнать ваше имя? — женщина не отрывала от него цепкого взгляда. — Ваше имя, пожалуйста.

— Тотм Стаг. Месье Раснольд и я занимаемся общим делом.

— Я сообщу о вашем визите месье Раснольду, когда он вернется, — произнесла женщина все тем же бесстрастным тоном, — вы можете позвонить сюда в понедельник, — с этими словами она закрыла за собой дверь.

Гирланду ничего не оставалось, как уйти. Он подошел к лифту, спустился вниз и, вынув из бумажника два билета по десять франков, постучал в окошечко консьержки.

Толстая, старая женщина, с бигуди в волосах и шалью, покрывающей плечи, отворила окошечко и посмотрела на Гирланда тем индифферентным взглядом, который так характерен для всех консьержек Парижа.

— Извините меня, — Гирланд наклонился к окошечку. — Я весьма сожалею, что потревожил вас, мадам. Я хотел бы увидеть мистера Раснольда и очень срочно.

— Четвертый этаж, — пробормотала консьержка и сделала движение, будто намеревалась захлопнуть окошечко.

— Не могли бы вы помочь мне? — Гирланд положил двадцать франков на окошечко и пододвинул их ближе к ней.

Женщина посмотрела на билеты, потом перевела взгляд на Гирланда. Ее лицо стало более приветливым.

— Я понимаю, что вы весьма заняты, мадам, — сказал Гирланд. — Конечно, я не хочу отнимать ваше время. Возьмите, пожалуйста, эти деньги. Я уже поднимался на четвертый этаж. Мне сообщили, что месье Раснольд будет отсутствовать до понедельника. Мне же он нужен весьма срочно. Не могли бы вы сказать, где я могу увидеть его?

— А разве его секретарь не сказала вам, где он? — спросила консьержка, косясь на деньги, лежащие между ними.

— Я спрашивал, но она уклонилась от ответа. Но, видите ли, мадам, месье Раснольд должен мне некоторую сумму денег. Если я не отыщу его в ближайший момент, у меня могут быть определенные неприятности. — Гирланд обворожительно улыбнулся. — Но может быть, вы все же поможете мне, — он подтолкнул деньги еще ближе к ней.

— Я знаю, где он, — сказала консьержка, понижая голос. — Вчера я передавала письмо его секретарше и узнала почерк на конверте. По штемпелю на конверте было достаточно легко определить, откуда пришло письмо... Альпенхоф-отель. Гермиш... Он определенно там. Когда он уезжал, то сообщил мне, что будет отсутствовать примерно месяц.

— Когда это было, мадам?

— В прошлый понедельник.

— Вы очень любезны... Благодарю вас, мадам.

— Надеюсь, вам удастся получить свои деньги, месье. Это весьма непорядочный человек, — ее морщинистое лицо искривила гримаса. — Но он достаточно богат.

Гирланд еще раз поблагодарил ее и вышел на улицу. Бросив взгляд по сторонам, он посмотрел на часы. Было 16.20. Он решил посетить бар Сэма и попытаться увидеться там с Джеком Доджем.

Он отыскал бар Сэма на улице Барри, недалеко от Елисейских Полей. Это было небольшое заведение, которые сотнями открывались в кварталах, наиболее часто посещаемых туристами. Слева от стойки находилась небольшая площадка для танцев, а все остальное пространство было заставлено столиками и стульями.

Когда Гирланд появился в баре, кроме бармена, погруженного в чтение бюллетеня о результатах скачек, там было всего несколько посетителей. В бармене Гирланд сразу же опознал Джека Доджа. Это несомненно был эталон мужчины. Массивное мускулистое тело венчала маленькая головка, явно с небольшим количеством мозгов. Но для определенного типа женщин этого было более чем достаточно.

Увидев Гирланда, бармен свернул газету и отложил ее в сторону. Устроив свои мощные руки на стойке, он выжидательно уставился на Гирланда.

— Да, сэр? — сказал он. — Что вы желаете?

Гирланд подошел к стойке и забрался на табурет.

— Виски и имбирного пива.

— Да, сэр... Желаете немного взбодриться?

— Надеюсь. Налейте и себе.

— Не откажусь, — бармен налил две порции виски и улыбнулся Гирланду. — Первая за сегодня. — Он поставил бокал перед Гирландом и поднял свой. — Ваше здоровье!

Они выпили, потом Гирланд спросил неожиданно:

— Вы Джек Додж?

Бармен поднял на него удивленные глаза.

— Да, это я. Но не помню, чтобы мы встречались раньше. А у меня прекрасная память на лица.

— Это не столь важно. Я хочу, чтобы вы вспомнили одну девушку.

— Здесь их бывает так много, что я едва ли смогу вспомнить нужную вам. В основном я обращаю внимание на мужчин. Ведь платят-то они, — он улыбнулся Гирланду.

— Я понимаю. Хорошо, мы поговорим о девушке немного позже. Вы довольны своей работой у Пьера Раснольда? — спросил Гирланд, не отрывая взгляда от лица Доджа.

Додж подскочил от неожиданности, и его лицо под загаром залилось краской. Но он достаточно быстро оправился от шока и с неприязнью посмотрел на Марка.

— Я не знаю этого человека. Простите меня, но мне нужно работать.

— Не будьте таким наивным. Додж, — сказал Гирланд. — Я хочу только побеседовать с вами. Я знаю, чем вы зарабатываете себе на жизнь, но здесь я не для того, чтобы причинить вам неприятности. Как вы смотрите на то, чтобы получить сотню-другую долларов?

— Я же сказал вам, что мне нужно работать. — Додж отошел от Гирланда.

— Если вам не нужны мои деньги, то я могу в любой момент позвонить инспектору Дюпье из полиции нравов и кое-что ему рассказать. Так что выбирайте сами.

Додж некоторое время колебался, потом вновь с неприязнью взглянул на Гирланда.

— Что именно вы хотите узнать от меня и кто вы?

— Считайте меня приятелем, — сказал Гирланд и улыбнулся. Он вытащил из кармана десять билетов по десять долларов. Это были деньги, которые он получил по одному из чеков на предъявителя, полученных от Дорна. — Это плата за те незначительные сведения, которые останутся между нами. Так что можете не беспокоиться. Я хочу отыскать девушку, которая вместе с вами проделывала один номерочек перед камерой Раснольда.

Додж посмотрел на деньги, сделал пару глотков из стакана, потом вновь перевел взгляд на деньги.

— Это вы дадите мне, да?

— Совершенно верно. Но только за информацию.

Додж был в нерешительности, но власть денег над ним была сильнее его сомнений. Он допил содержимое бокала и налил себе еще виски.

— Что вы хотите знать? — спросил он наконец.

— Я совершенно случайно участвовал в просмотре одного фильма, — начал Гирланд. — Он назывался «Сувенир из Парижа». В нем вы снимались в паре с одной черноволосой девушкой. Имеются и еще несколько фильмов на подобную тематику. Это вам говорит о чем-то?

Додж снова взглянул на деньги.

— Это вы в самом деле дадите мне?

Гирланд положил на стойку перед Доджем пять банкнотов по десять долларов.

— Возьмите. Остальные получите, когда заговорите.

Додж поспешно схватил деньги и засунул в карман.

— Это строго между нами.

— Договорились. Так что вы знаете об этом фильме?

— Хорошо. Как-то Раснольд позвал меня. Он сказал, что для меня имеется специальная работа. Нет проблем! Это и работа, и удовольствие. Я работал на Раснольда два или три раза в неделю. Это было в прошлом месяце. Я пришел к нему в студию и увидел девушку. Я никогда не видел ее до этого момента... Это была новенькая. Очень хорошенькая... Но дилетантка, вы понимаете, хотя не без способностей.

— Вы знаете, как ее зовут?

Додж покачал головой.

— Нет. Раснольд называл ее «милая», но я понял, что он знает девушку достаточно хорошо. Мы сняли четыре фильма. Раснольд заплатил мне за каждый по пятьдесят долларов. — Глаза Доджа сверкнули. — Это было настоящим удовольствием.

— Не надо отвлекаться, — остановил его Гирланд. — Почему вы решили, что Раснольд и девушка знают друг друга?

— По обращению... По манере говорить. Это сразу видно. Я решил, что Раснольд живет с ней.

— И, несмотря на это, снимает такие сцены, в которых вы...

— Что здесь особенного, — Додж пожал плечами. — Это ведь бизнес. Иногда мне приходилось работать и с порядочными женщинами, а их снимали на пленку мужья. Когда вы занимаетесь подобным, это только работа, и ничего больше. К тому же мне показалось, что девушка была под действием наркотиков.

— Почему вы так подумали?

— Я знаю... ЛСД... Она была как бы в прострации и к тому же горяча, как печка.

— Вы думаете, она была под воздействием наркотиков?

— Я в этом уверен.

Гирланд поморщился.

— Они о чем-нибудь говорили... Вы что-нибудь слышали?

— Ну... Я как раз отдыхал между съемками, — Додж глумливо улыбнулся Гирланду. — Вы же знаете, как ужасно утомительна эта работа... Они тихо беседовали. Я расслышал, что они собираются поехать вместе в Гермиш, как только работа над фильмами будет закончена.

— Что вам известно о Раснольде?

— Это достаточно расторопный малый. Когда он не занят на съемках подобных фильмов и не колдует над портретами снобов, желающих запечатлеть себя для потомков, он участвует в делишках им же созданной организации, которую они называют между собой «Нет войне!». Он пытался втянуть и меня в эту организацию, но она меня нисколько не интересует. По-моему, глупо состоять в подобной организации. Нечего биться головой о стенку. Но он сам достаточно хорошо на этом зарабатывает. Каждый вновь принятый член обязан внести вступительный взнос в размере десяти франков. Нет сомнения, все эти денежки также попадают в карман Раснольда.

В это время отворилась дверь, и четверо американских туристов с фотоаппаратами и кинокамерами, свисающими с животов, ввалились в бар. Видимо, умирая от жажды, они сразу же забрались на табуреты.

— Я вижу, вам придется немного поработать, — сказал Гирланд.

Он пододвинул остальные банкноты к Доджу. — Забудьте, что вы видели меня. — Поднявшись с табурета он вышел из бара на залитую солнцем улицу.

Он решил, что следующим действием будет посещение Гермиша. Но вначале необходимо получить дополнительную информацию. Гирланд вновь направился в американское посольство.

В аэропорту Орли Генри Шерман вспотевшими руками протянул свой фальшивый паспорт человеку в голубой униформе. Тот равнодушно глянул на фотографию, потом на Шермана, поставил штамп в билете и с легким поклоном головы вернул документы. Шерман прошел за барьер, посмотрел на информационное табло и прочитал, что к самолету на Нью-Йорк необходимо пройти через выход номер десять. Оставалось еще двадцать пять минут до вылета. Он купил в киоске «Нью-Йорк таймс» и несколько детективов. Пока все шло гладко. Он уже собрался пройти к выходу № 10, когда голос из репродуктора сообщил: «Рейс АФ-025 до Нью-Йорка задерживается на один час. Всех пассажиров просят собраться в центре зала. Там они получают дополнительную информацию о посадке».

Шерман побледнел. Это было опасно. Чем дольше он будет оставаться в аэропорту, тем больше вероятность, что кто-нибудь может его узнать.

— Неприятность, не так ли? Особенно для вас? — неожиданно раздался голос у него за спиной.

Шерман резко повернулся и увидел маленького толстого человечка, остановившегося у него за

спиной. У толстяка были мохнатые ресницы, большой горбатый нос и загорелая кожа. Он был одет в прекрасно сшитый твидовый костюм, с локтя свисало кашемировое пальто, а на пальце поблескивал громадный бриллиант. Все — и костюм, и рубашка, и туфли из крокодиловой кожи — свидетельствовало о богатстве этого человека. Собственно, ничего удивительного в этом не было. Перед Шерманом стоял Герман Радниц, чье баснословное богатство было известно всему миру. Это был настоящий финансовый спрут, чьи щупальца прочно удерживали многочисленных банкиров, высокопоставленных государственных деятелей и даже королей небольших государств.

Радниц был последним человеком, которого Шерман желал бы сейчас встретить. Он сразу же понял, что проницательный Радниц, конечно же, узнал его, так что блефовать нечего.

— Нас не должны видеть вместе, — быстро прошептал Шерман. — Это очень опасно.

— И все же нам необходимо поговорить, — сказал Радниц, своим гортанным голосом. — Видите открытую дверь "А"? Входите туда, я сейчас к вам присоединюсь.

— Я извиняюсь, Радниц, я...

— Но ведь у вас нет выбора, — Радниц ленивым взглядом окинул Шермана. Его глаза были словно два кусочка льда. — Надеюсь, вы не строите иллюзий?

Угроза была слишком очевидной, чтобы не понять ее. Шерман мгновение колебался, потом, не говоря ни слова, направился к двери "А". Он толкнул ее и вошел в прекрасно обставленный зал ожидания, видимо, предназначенный для особо важных персон. Несколькими минутами спустя к нему присоединился Радниц.

— Могу я спросить, что вы здесь делаете, Шерман? — вопрос Радниц задал с деланным равнодушием. — Вы что же, путешествуете под чужим именем и с фальшивым паспортом? Вы что, сошли с ума?

Шерман выпрямился. Несмотря на страх, внушаемый ему Радницем, он все же пытался сохранить хорошую мину при плохой игре. Как-никак, а он все же будущий президент США, и этот немецкий толстяк не должен забыть этого.

— Не понимаю, что вы хотите сказать. Я чувствую себя прекрасно. Если вас так заинтересовало мое пребывание здесь, то могу сказать, что я приехал сюда по сугубо личному делу, настолько срочному, что я был вынужден прибегнуть к камуфляжу.

Радниц уселся в одно из больших кресел, вынул портсигар из моржовой кожи, тщательно выбрал сигару, аккуратно обреза кончик золотым ножом, затем не спеша раскурил. Только после того, как сделал несколько затяжек, Радниц поднял глаза на Шермана.

— Дело настолько срочное и важное, что ради этого можно поставить на карту исход выборов?

— Спокойно, Радниц. Мне кажется, что вас это не касается. Поймите, я не приехал бы сюда, если бы это не было так важно.

— Мой дорогой Шерман, мне кажется, вы забыли о нашем соглашении. Позвольте в таком случае напомнить, что деньги, гарантирующие вам успех в предвыборной кампании и составляющие кругленькую сумму в тридцать пять миллионов долларов, наполовину пожертвованы мной. — Радниц наклонился вперед, едва сдерживая бешенство. — И вы полагаете, я буду спокойно смотреть на безумные поступки человека, задолжавшего мне такую

сумму? Иначе, чем безумие, такое поведение назвать нельзя. Вы просто сошли с ума, и риск, которому вы подвергаетесь, не может быть оправдан ничем. Он удивляет меня. Если вас вдруг кто-то узнает... Например, какой-нибудь любопытный журналист... Да и не важно кто... Вы попрощаетесь со своими деньгами. Я обещал вам, что вы станете президентом. Вы я обмен на это гарантировали контракт на постройку плотины в Аркадии. И вот мы ведем этот нелепый разговор... Здесь, в Париже.

Шерман нервно заерзал в кресле. Они действительно заключили это соглашение. Радниц добивался контракта на строительство плотины, стоящего примерно пятьсот миллионов долларов. Шерман пообещал, что в случае избрания его президентом, он гарантирует получение контракта именно Радницем. Шерман отдавал себе отчет в том, что без колоссального политического влияния и фантастического богатства Радница ему никогда не удалось бы стать даже кандидатом в президенты, не говоря уже о том, чтобы надеяться занять этот пост, учитывая даже то, что он сам был достаточно богатым человеком. И сделка была заключена.

Шерман натянуто улыбнулся.

— Ну, ну, Радниц, вам нечего беспокоиться. Ведь вы бы ничего так и не узнали, не будь этой случайной встречи. Так что об этом не узнает и никто другой.

— Вот как? Вы сказали, что я ничего не знаю? — Радниц повысил голос, со злобой глядя на Шермана. — Мне стало известно о вашем вылете из Нью-Йорка в тот же момент, как вы сели в самолет. Я знал о вашем прибытии в Париж. Мне известно о вашей встрече с Дорном из ЦРУ. Я здесь, задержав вылет на два часа в Рабат. Я здесь, так как хочу знать, что явилось причиной такого риска. Я требую, чтобы вы сказали мне это.

Шерман едва не подскочил в своем кресле, удивленно уставясь на Радница.

— Вы знали? — вся кровь покинула лицо Шермана. — Я вам не верю!.. Откуда это вы могли узнать?

Радниц нетерпеливо махнул рукой.

— Шерман, я поставил на вас слишком много денег, так что не могу себе позволить роскошь хотя бы на день выпустить вас из виду. У меня имеется достаточное количество весьма высокооплачиваемых агентов, следящих за каждым вашим шагом... Вы не ответили на мой вопрос.

Шерман облизнул пересохшие губы.

— Это сугубо личное дело и вас ни в коей мере не касается.

Радниц выпустил дым через ноздри. Он не отрывал пристального взгляда от потного лба Шермана.

— В таком случае, почему вы рассказали все Дорну, а не захотели попросить у меня помощи?

Поколебавшись, Шерман пробормотал:

— Дорн — моя единственная надежда. Мы с ним давние друзья.

— Почему же вы не считаете меня своим другом?

Шерман некоторое время смотрел на него, потом покачал головой.

— Нет... Я смотрел на вас, как на могущественного союзника, но никак не друга.

— Итак, вы больше доверяете такому кретину, как Дорн? — Радниц стряхнул пепел сигары прямо на зеленую дорожку. — Вы начинаете меня беспокоить. Я уже сомневаюсь, обладаете ли вы в достаточной мере всеми теми личными качествами, которые позволили бы вам занять столь высокий пост. Неужели вы не понимаете, что раз у вас серьезные личные неприятности, вы ни в коей мере не должны обращаться к друзьям, а сразу идти к таким людям, как я, которые поставили на вас и которые в силах уладить любое дело.

— Но Дорн далеко не дурак, — запротестовал Шерман. — Он принял близко к сердцу мои неприятности и уже занялся этим делом. Я уверен, все уладится.

— Я спрашиваю, что это за неприятности. Имею я право знать это или нет?

Шерман лихорадочно обдумывал создавшуюся ситуацию. Видимо, он действительно поступил опрометчиво, приехав в Париж и обратившись к Дорну, который смог предложить ему услуги только одного человека. Может быть, ему действительно нужно было повидать Радница и поставить того в известность о всей этой мерзкой истории? Но Мэри этого очень не хотела. Она просто ненавидит этого толстого немца. Но сейчас он начал понимать, что ошибся, уступив жене. Конечно же, следовало проконсультироваться у Радница. Тот действительно заинтересован в том, чтобы он стал президентом, и, к тому же, обладает колоссальным влиянием.

Выхода не было, нужно было рассказать обо всем Радницу.

Это было единственно правильным выходом. Коротко он посвятил своего союзника в курс дела, упомянув все: фильм, письмо с угрозами, существование трех других фильмов и настоятельную необходимость разыскать дочь.

Не шевелясь, затягиваясь дымом сигары, Радниц внимательно слушал, устремив взгляд куда-то за спину Шермана.

— Как видите, — Шерман беспомощно развел руками, — у меня действительно крупные неприятности. Дорн мой друг. Я надеюсь, он поможет мне. Сейчас я понимаю, что пошел на риск, приехав сюда, и мне следовало в первую очередь обратиться к вам.

Радниц выпустил дым из своих тонких губ.

— Итак, Гирланд является непосредственным исполнителем этой операции?

Шерман удивился:

— Вы знаете этого человека?

— Не так уж много людей, способных заниматься подобными делами. Я и сам использовал его однажды. Результаты были ужасными. Он, надо отдать ему должное, довольно ловок, хитер, очень опасен... Но ему совершенно нельзя доверять.

— Дорн уверил меня, что только Гирланд сможет разыскать эти фильмы.

— Да... Если Дорн хорошо заплатил Гирланду. Если это так, Гирланд несомненно выполнит

задание — отыщет пленки и дочь... Но что будет после этого?

Шерман пожал плечами.

— Я уничтожу фильмы и установлю контроль над дочерью.

— Надеюсь. И сколько же лет вашей дочери?

— Двадцать четыре года.

— И как же вы будете присматривать за ней, интересно знать?

— Поговорю с ней... Постараюсь убедить...

Радниц раздраженно махнул рукой.

— Что вы вообще знаете о своей дочери, Шерман?

Плечи Шермана поникли, он обреченно вздохнул.

— Только то, что она всегда была бунтарем. Признаю, я ее очень мало знаю. Уже целых три года, как я не видел ее. Надеюсь, за ней присматривали.

— И как вы к ней относитесь?

— Не могу сказать, что испытываю к ней симпатию. Она не вошла в мою жизнь, как дочь, и я совершенно не представляю ее в Белом доме... Это совершенно невозможно.

Последовала долгая пауза, затем Радниц напряженно спросил:

— Представьте, что с ней произошел несчастный случай и вы ее потеряли. Это для вас что-то значит?

Шерман удивленно уставился на толстяка.

— Я... Я не понимаю...

— Мы напрасно теряем время, Шерман. Вы слышали мой вопрос? Если вы никогда не увидите свою дочь, вы будете очень огорчены? Да или нет?

Шерман, недоумевая, посмотрел на Радница, потом покачал головой.

— По правде говоря, нет. Я был бы огорчен, конечно, если бы узнал, что никогда больше не увижу ее, но не более. Но к чему этот разговор? До нее еще необходимо добраться.

Радниц снова стряхнул пепел на дорожку.

— Ваша дочь — постоянный источник опасности... До тех пор, пока жива. Предположим, Гирланд достанет для вас эти фильмы... И что же? Она ведь может сняться в еще нескольких. Или вляпаться еще в какой-нибудь скандал... Все дело в том, что дочь ненавидит вас, ваш образ жизни, так же, как вы ненавидите ее образ жизни. Я уже провел кое-какое расследование и узнал, что она член глупейшей организации некого Пьера Раснольда и к тому же его любовница. Она полностью под его влиянием. У этого типа определенные политические амбиции, и они сделают все, чтобы помешать вам стать президентом. Он — потому, что вы

выступаете за расширение войны во Вьетнаме, она — потому, что вы ее отец. Она никогда не простит, что вы обращали на нее так мало внимания... Дети ведь делают свои выводы. Вы хотели бы освободиться от нее, она это прекрасно понимает и пытается держать вас в руках на свой манер. Уже поэтому вы должны были ввести меня немедленно в курс этого дела. Гирланд, вполне возможно, найдет вам дочь, но вряд ли заставит ее замолчать. И тем более он не сможет заставить замолчать Раснольда. А я смогу.

Холодный пот выступил на лбу Шермана.

— Я отказываюсь говорить об этом дальше. Неужели вы всерьез намерены сделать то, что предлагаете?

— Я удивлен! А вы можете предложить другое решение? В таком случае, валяйте. Гирланд, вне всякого сомнения, найдет вашу дочь... Но потом? Что будет потом?

Шерман ничего не мог ответить, опустив глаза, он кусал губы.

— Неужели вы позволите маленькой дегенератке стать между вами и Бельем домом? Она ведь воспользуется всеми средствами, чтобы не пустить вас туда... И, к сожалению вполне может добиться успеха. Фильмы можно найти и уничтожить... Все это пустяки. Не фильмы нужно уничтожать. Неужели вам не понятно, что в первую очередь необходимо уничтожать тех, кто в них снимается, то есть ее?

Громкий голос прервал их разговор, диктор объявил:

— Пассажиры рейса 025 до Нью-Йорка просят немедленно пройти к выходу номер 10. Спасибо за внимание.

Шерман поднялся на ноги.

— Мне нужно идти, — сказал он хрипло. Он потерянно посмотрел на Радница и отвел взор. — Я... Я уверен, что в этом вопросе я могу положиться на вас...

Но от Радница не так легко можно было отвязаться. Уставясь в мертвенно-бледное лицо возможного президента США, он сказал:

— Я передумал улетать. Возвращаюсь в отель «Георг V». По прибытии позвоните Дорну и узнайте, на какой стадии операция. Затем немедленно информируйте меня об этом. Понятно?

Шерман кивнул и направился к выходу.

— Один момент... — остановил его Радниц. — Итак, я занимаюсь устранением вашей дочери.

Шерман снова вытер вспотевший лоб.

— Я... Я должен обсудить этот вопрос с Мэри... Но если вы думаете, что другой альтернативы нет... Я надеюсь... Я думаю... Джулия всегда была... — Он беспомощно умолк. — Я должен идти.

— Очень хорошо. Итак, договорились. Я жду вашего звонка. Я немедленно начну действовать, как только получу ваше согласие. Помните об этом.

Едва Шерман вышел из маленького салона, как Радниц неприязненно скривился.

* * *

Сидя на кровати и округлив глаза от удивления, Ви слушала, что говорил ей Лабри. Тот сидел в кресле, напротив нее, держа сигарету в руке, и его глаза поблескивали за темно-зелеными стеклами очков.

Вначале она решила, что он шутит, но теперь видела, что все это совершенно серьезно. Дрожь пробежала у нее по спине. Поль! Работает на Россию! У нее в голове никак не укладывалось, что ее сожитель террорист и работает на Россию! Она видела все фильмы с Джеймсом Бондом. Она просто обожала Мишеля Каина в этой роли. Она прочитала массу дешевеньких книг о приключениях шпионов, но они всегда оставались для нее не более чем мифическими существами. И вот сейчас... Поль склоняет ее к этой работе... Чтобы она работала на русских!

— Нет, я не сделаю этого! — закричала она. — Я никогда не пойду на это! Забирай свои вещи и немедленно убирайся отсюда! Слышишь?.. Немедленно убирайся!..

— Заткнись, — устало сказал Лабри. — Ты сделаешь то, о чем я тебя прошу. У тебя просто нет выхода. Нечего было распускать язык. Если ты встретишься с Гирландом, ты нам здорово поможешь.

— Гирланд? — Ви набросила на себя одежду. — Но при чем здесь Гирланд?

— Неужели ты такая дура?! Гирланд такой же агент, как и я. Ты обязательно должна встретиться с ним сегодня вечером. Нам совершенно необходимо узнать его намерения. И ты для нас это сделаешь. Понятно?

— Тогда я просто не пойду на это свидание. Шпион! Не хочу вмешиваться в подобные дела. Забирай свои вещи и убирайся!

— Мой шеф решил, что ты сделаешь эту работу для нас, — спокойно сказал Лабри. — Раз он так решил, ты обязана подчиниться, иначе... — Глаза Лабри злобно уставились на нее из-под темно-зеленых стекол.

Ви задрожала. Спокойный тон Лабри испугал сильнее, чем злобный окрик. Она больше привыкла иметь дело с мужчинами, которые орут и распускают руки. В бытность ее проституткой столько мужчин кричали на нее, что она выработала в себе способность не замечать этого. Но спокойный и от этого еще более грозный голос вселял ужас.

— Иначе... что? — спросила она дрожащим голосом.

— Существуют разные способы уговорить строптивых. С женщинами это особенно просто. Не думай, что сможешь спрятаться от нас. Мы тебя разыщем везде. Назову самое элементарное, что с тобой могут сделать. Ты идешь по улице, и вдруг перед тобой появляется мужчина с пузырьком кислоты в руках. Он брызгает это тебе в лицо. После этого кожа становится похожей на кожуру апельсина. Существует и другой способ — тебя впахивают в проезжающую машину и отвозят в заброшенный домик. Там они проделывают с тобой разные штучки... Я толком не знаю, какие. Не интересовался подробностями. Но после подобных сеансов передвигаться тебе будет весьма затруднительно. Ты будешь широко расставлять ноги. И пузырек с кислотой, как мне говорили девушки, даже предпочтительнее...

Ви с ужасом смотрела на него.

— Я не могу поверить! — снова крикнула она. — Ты просто хочешь меня запугать!

Лабри поднялся на ноги.

— Подумай над этим. Я и не собирался тебя пугать, просто жалею, ведь мы столько времени провели вместе. Извини. Ты пойдешь в ресторан сегодня вечером и встретишься с Гирландом. Советую тебе над этим хорошенько подумать, прежде чем отказаться и подвергнуть себя ненужной опасности. Куда бы ты ни скрылась, тебя обязательно отыщут. Хорошенько подумай.

Он покинул их комнатку и через пару минут уже спускался вниз по улице.

* * *

Гирланд осторожно открыл дверь приемной Дорна и бесшумно вошел. Он надеялся застать Мэвис Пол врасплох, но его хитрость не удалась. Мэвис как раз выходила из кабинета Дорна.

— А, это опять вы? — улыбнулась она, снова возвращаясь в кабинет Дорна и громко объявляя:
— Мистер Гирланд здесь, сэр!

— Пусть войдет, — сказал Дорн, отложив авторучку в сторону и захлопывая папку с бумагами.

Гирланд вошел в кабинет Дорна, послал Мэвис ослепительную улыбку, но девушка проигнорировала ее.

— Пожалуйста, не можете ли вы кое-что сделать для меня? — сказал он после паузы. — Мне необходимо позвонить в отель «Альпенхоф» в Гермише.

Мэвис вопросительно посмотрела на Дорна, и тот кивнул.

— Сейчас все будет сделано, — сказала девушка и вышла из кабинета, стараясь держаться подальше от Марка.

Гирланд бесцеремонно выбрал из коробки сигару, сел на ручку кресла и закурил.

— Дела понемногу продвигаются, — сказал он. — От вас мне нужна небольшая информация. Что вам известно об организации «Нет войне!»?

Дорн пожал плечами.

— Ничего особенного... В ней около пятисот человек, в основном молодежь. Обычно они собираются в подвальчиках на левобережье и, на мой взгляд, вполне безобидны. Иногда, правда, они бросают камни в витрины магазинов, маршируют по улицам, да пачкают стены всякими антивоенными лозунгами. Но они не опаснее других.

— Джулия Шерман член этой организации, — Гирланд рассказал Дорну все, что успел узнать за это время. — Похоже на то, что Раснольд и Джулия в настоящее время в Гермише. Я думаю отправиться самолетом в 7.50 до Мюнхена. Там я найму машину до Гермиша. — Марк глядел мимо Дорна в окно. — Я надеюсь отыскать там девушку... И что же мне тогда с ней делать?

— Вы должны уговорить ее отдать вам оставшиеся три фильма и вернуться обратно в Париж. Привезете ее ко мне, а уж я сам отправлю ее домой.

Гирланд прижмурил глаза.

— А если она пошлет меня куда-нибудь подальше... Что тогда?

— Это часть вашей работы, Гирланд, — раздраженно сказал Дорн. — Действуйте в соответствии с обстановкой. Вам за это платят деньги. Можете и ей предложить деньги, в разумных пределах, конечно. Шерману наплевать, сколько это будет стоить. Он хочет получить фильмы и дочь.

— А Шерману никогда не приходило в голову, что девушка может быть равнодушна к деньгам?

Дорн подскочил.

— Как вы смеете в таком тоне разговаривать о будущем президенте?! Вы что, не понимаете, что это национальная драма?

Гирланд рассмеялся.

— Ну и дела! Это драма Шермана, согласен. Американцы без труда могут найти себе другого президента. А мне вообще на это дело наплевать... Но все же, что делать, если деньги не интересуют малышку?.. Есть же на свете люди, которым совершенно наплевать на деньги... Вы разрешите мне украсть ее?

— Я вам плачу кучу долларов за то, чтобы вы разыскали фильмы и девчонку и привезли сюда. Как именно вы это сделаете, меня не интересует!

В дверь постучали, и в кабинет вошла Мэвис.

— Отель «Альпенхоф» на проводе, — сообщила она и удалилась.

Гирланд поднял трубку телефона на столе Дорна.

— Администратора, пожалуйста, — сказал он. — Мистер Пьер Раснольд остановился у вас?.. — Выслушав, Гирланд ответил: — Нет, спасибо. Я просто хотел быть уверен, там ли он еще. Пожалуйста, примите заказ на номер с ванной на завтра... Три или четыре дня... Марк Гирланд. Прекрасно... Благодарю вас, — сказал он, положив трубку. — Он все еще там, — сказал он, обращаясь к Дорну. — Думаю, и она тоже.

— А вы не могли бы улететь сегодня вечером?

Гирланд покачал головой.

— Слишком поздно, — он подумал с удовольствием от предстоящей встречи с Ви Мартин. Для него удовольствие от встречи с женщиной было важнее работы. — Я вылечу завтра рано утром. В Мюнхене я буду примерно в 9.15, в аэропорту найму машину до Гарца и в 11.30 буду уже в Гермеше. Не могла бы ваша секретарша заказать мне билет на 7.50?

— Разумеется. Ваш билет будет ждать вас в кассе аэропорта.

— Тогда я пошел.

— Информировать меня о ваших действиях.

Гирланд уже открывал дверь, когда Дорн сказал ему:

— Есть одна вещь, которую вам не мешало бы знать... Малих в Париже.

Гирланд остановился.

— Я думал, он в Москве, и в опале из-за всех неприятностей, свалившихся на его голову в последнее время.

— Он в Париже, но по-прежнему в опале. Зная Ковски, могу предположить, что к делу Шермана обязательно будет подключен Малих.

— В таком случае, эта работа становится действительно весьма серьезной, — сказал Гирланд. — Благодарю, что предупредили.

Дорн поднялся на ноги и проводил Гирланда до выхода из кабинета, оставшись у раскрытой двери. Зная, что Дорн смотрит ему вслед, Гирланд прошел мимо Мэвис, не говоря ни слова, и пару минут спустя уже был на оживленной улице.

Подозвав такси, он поехал в студию Бенни Слейда и два с четвертью часа пробыл там, наблюдая за работой друга, затем на машине вернулся к себе на квартиру. Заказал такси на завтрашнее утро до аэропорта Орли, навел в квартире относительный порядок и оставшееся время до встречи с Ви Мартин провалялся на кровати.

Гирланд сидел уже за своим столиком, когда появилась Ви. Едва он ее увидел, как сразу понял, что с девушкой случилась какая-то неприятность. Ее глаза неестественно блестели, кривая улыбка блуждала на лице, заставляя думать, что Ви приняла что-то возбуждающее. Марк был разочарован. Сейчас она выглядела гораздо менее привлекательной, чем в тот момент, когда он увидел ее у Бенни.

Ви заявила, что не голодная. Марк надеялся, что девушка оценит кухню и роскошную обстановку этого заведения, но Ви даже не смотрела по сторонам. Чез Карен лично подошел к их столику, чтобы принять заказ. Гирланд объяснил ему, что мадемуазель хотела бы что-нибудь легкое.

Карен предложил форель в кисло-сладком соусе, миндаль и виноград. Гирланд, внимательно наблюдая за Ви, заметил, что девушка сильно побледнела, едва Карен начала объяснять рецепт приготовления форели.

Заметив взгляд Гирланда, девушка спохватилась. Кокетливо улыбаясь, сказала, что всю жизнь мечтала отведать такое блюдо. Расстроенный Гирланд заказал себе бифштекс.

Ви была сама не своя. Вконец запуганная угрозами Лабри, она согласилась выполнить все его требования. Чтобы лучше перенести предстоящее испытание, приняла четыре возбуждающие таблетки, и это стало сказываться. Голова была легкой, но сердце билось учащенно. К винограду она едва притронулась, не переставая рассказывать о Бенни, своей работе, многочисленных фильмах, которые смотрела в последнее время. Ее непрерывная болтовня уже начала раздражать Гирланда.

Догадываясь, что она очень скоро может наскучить этому обаятельному американцу, и ужасаясь мысли, что она слишком скверно играет свою роль, Ви постаралась взять себя в руки.

— Ой, я много говорю, правда? — взглянула она на Марка. — Может, вы расскажете немного о себе. Как это вам удается вести шикарную жизнь, нигде не работая.

Официант принес форель и бифштекс и расставил блюда на столе.

— Я, разумеется, не могу утверждать, что живу совершенно без забот, — проговорил Гирланд медленно. — Но все же как-то выкручиваюсь. Вот уже пятнадцать лет, как я в Париже, а здесь

немало возможностей заработать деньги тому, у кого голова на плечах.

Ви подцепила рыбу кончиком вилки, никак не решаясь взять ее в рот. Сердце было готово выскочить из груди.

— Чудесно, — сказала она, фальшиво улыбаясь и касаясь его руки. — Ну, а чем будете заниматься, например, завтра?

Гирланд посмотрел на часы. Эта девушка уже решительно не нравилась ему.

— Завтра я буду в Гермише. Необходимо обтяпать одно дельце.

— Замечательно, что же именно?

Гирланд посмотрел на нее и улыбнулся в ответ.

— Да так, сущие пустяки. А чем вы будете заниматься завтра?

— Позирую у Бенни.

«Гермиш?» — думала про себя Ви, подавляя подступившую к горлу тошноту. Это как раз то, что Поль хотел знать. Она все же кое-что узнала! Правда, Гирланд разочарован. Как же быть? Задавать новые вопросы она боялась — это могло вызвать подозрение. Хотя слова Поля: «Он заглотнул тебя, как наживку, и уже не вырвется» несколько успокаивали.

Чувствовала себя Ви отвратительно. Наверное, из-за таблеток. Не надо было принимать их. Только при одном взгляде на форель в ее желудке начинался спазм. Внезапно она поняла, что если немедленно не пойдет в туалет, с ней случится нечто ужасное. Она подняла на Гирланда расширившиеся глаза, лицо ее побелело, на верхней губе выступили капельки пота.

— Мне очень жаль, но мне очень плохо, — прошептала Ви. — Что-то с желудком... Я... Простите меня, — она встала.

Видя ее состояние, Гирланд тоже поднялся, взял за руку и повел к двери. К ним подбежал встревоженный Карен.

— Такси, — попросил Гирланд. — Мадемуазель плохо.

Пока Ви надевала пальто, такси остановилось у дверей ресторана. Охваченная безумным страхом, Ви хотела как можно скорее отделаться от Гирланда.

— Я уеду одна, — попросила она. — Благодарю вас за все и еще раз извините.

— Будет лучше, если я провожу вас...

— Нет! Нет! Оставьте меня, я уеду одна! — Оттолкнув Гирланда, она вскочила в машину и захлопнула дверцу.

Озадаченный Гирланд проводил машину глазами и пожал плечами. «В конце концов, всех не соблазнишь!» — философски подумал он, возвратился в ресторан и вновь уселся за свой столик. Ему подали бифштекс, заботливо сохраненный официантом в горячем виде. Через некоторое время появилось и знаменитое бургундское. Но аппетит у Гирланда уже пропал.

«Испорченный вечер», — думал он, однако вино действительно было превосходным, и это

несколько подняло его настроение. Закончив ужин, он расплатился, вышел из ресторана и сел в свой маленький «фиат». Некоторое время сидел за рулем, размышляя, что же сейчас делать. Было всего без десяти минут десять. Можно было поехать в «Покер-клуб» и сыграть в карты. Но он был совершенно не настроен на серьезную игру. К тому же завтра предстояло вставать очень рано, чтобы успеть на самолет. Настроение снова ухудшилось. Поразмышляв над еще несколькими вариантами приятного времяпрепровождения, он все же решил отправиться домой.

Однажды, сказал Гирланд себе, медленно проезжая вдоль сверкающих неоновыми огнями реклам, он встретит чудесную темпераментную женщину. Тогда и наверстает упущенное сегодня вечером.

Марк мрачнел все больше. И вдруг глаза его наткнулись на идущую по тротуару блондинку. На ней была красная мини-юбка и обтягивающий маленькую грудь белый свитер, ее длинные ножки вызвали восхищение. Она шла свободно и раскрепощенно, радуясь жизни. Гирланд проводил ее глазами. Когда-нибудь он познакомится с такой же красоткой. Но в настоящее время будет лучше все же вернуться домой.

* * *

Ви лежала на кровати. Сейчас ей было немного лучше. Едва успев приехать домой, она сразу же бросилась в туалет. И хотя, освободив желудок, она чувствовала себя разбитой, ей полегчало. Она уже с сожалением вспоминала о прекрасной форели, оставленной в ресторане Карена, и наконец поняла, что очень голодна.

Дверь вдруг отворилась, и вошел Лабри. Он озадаченно поднял брови, увидев ее.

— Какого черта ты вернулась обратно? — он закрыл дверь и направился к ней. — Почему ты не встретила с Гирландом?

Ви с ужасом отшатнулась от него.

— Я заболела... Я встретила с ним... Приняла слишком много таблеток... Мне было очень плохо.

Лабри с угрожающим видом поднял руку. Ви поняла, что ее сейчас будут бить, и вжалась в кровать.

— Больна? Неужели тебе не удалось разузнать хоть что-нибудь? — с бешенством проговорил он.

— Не оскорбляй меня! — взвизгнула девушка, пытаясь подняться.

Лабри залепил ей звонкую пощечину, и Ви снова опрокинулась на постель.

— Отвечай мне!

— Он сказал мне, что завтра собирается поехать в Германиш.

Лабри облегченно вздохнул и, сменив гнев на милость, уселся на кровать рядом с ней, сжав пальцами ее кисть.

— Германиш? Это в Германии, не так ли? Ты уверена в этом?

— Откуда я могу быть уверена?.. Он мне сказал это... Ой, ты делаешь мне больно!

— Что случилось? Расскажи мне об этом.

Ви, как могла, подробно рассказала Лабри обо всем, что произошло в ресторане. Лабри немного подумал, потом поднялся.

— Все в порядке. Сиди здесь. Я пойду позвоню.

— Но я очень голодна, — сказала Ви жалобно.

— Тогда пошли со мной. Я тоже голоден.

Поднявшись с кровати, Ви спросила с надеждой:

— Выходит, я все же кое-что узнала? Ты доволен мной?

Лабри вдруг улыбнулся ей. Выражение жестокости исчезло с его лица, и он снова стал таким, каким она его знала всегда.

— Да, ты проявила себя молодцом, — похвалил он. — По крайней мере, я так думаю. Спасибо. Пошли быстрее...

В бистро, расположенном недалеко от их квартиры, Поль заказал ужин, и пока Ви с жадностью поглощала мясо, он заперся в телефонной кабине и позвонил в советское посольство, попросив Малиха. Хотя было уже половина десятого, Малих все еще сидел за своим рабочим столом, разбираясь в документах и рапортах, подсунутых Ковски.

Лабри сообщил ему, что Гирланд собирается рано утром улететь в Гермиш.

— Минуточку, — прервал его Малих. Последовала пауза, затем Малих снова взял трубку. — Утром только один рейс до Мюнхена в 7.50. Следующий в 14.00. Гирланд может лететь, видимо, утренним рейсом. Необходимо узнать, где он остановится. Будьте крайне осторожны и внимательны. Этот человек очень опасен. Я полечу за вами следующим рейсом. Гирланд очень хорошо знает меня. Встретишь меня на железнодорожном вокзале в Гермише. Ты все понял?

— Да.

— Твоя подружка полетит со мной... Она может оказаться полезной. Скажешь ей, чтобы она ждала меня в аэропорту Орли в 13.15. Как я смогу узнать ее?

— Но она может не согласиться, — попробовал было возразить Лабри. — Мне будет трудно уговорить ее.

— Она поедет с нами. Это уж твое дело уговорить ее, — сухо отрезал Малих. — Как мне узнать ее?

— У нее длинные волосы до плеч. Блондинка. Я скажу, чтобы она держала в руках журнал «Пари-матч».

— Хорошо. Пусть она ждет меня у бюро проката автомобилей Герца в 1.15. Свой билет до Мюнхена получишь в бюро информации Эр Франс. Ты понял, где встретить меня?

— Да. До завтра.

Лабри еще несколько секунд постоял в телефонной кабине, затем вышел и подошел к столику. Ви уже успела заказать и луковый суп. Он молча сел и принялся за еду, поглядывая на нее.

Ви подняла глаза от тарелки и вопросительно посмотрела на Лабри.

— Что еще случилось?

Он объяснил девушке, что завтра она должна будет найти Малиха в аэропорту Орли и полететь с ним в Мюнхен. Бледная, как полотно, Ви смотрела на него, широко раскрыв глаза.

— Нет! Я не сделаю этого? — она отодвинула тарелку.

Лабри ожидал от нее именно такой реакции.

— Все в порядке, — сказал он, не глядя на девушку. — Но ты ведь знаешь, что ожидает тебя в случае отказа?

Ви задрожала.

— Ешь! — сказал Лабри. — Ты же говорила, что голодна.

— Поль! Как ты мог так поступить?! — простонала она со слезами на глазах. — Как ты мог!

Лабри холодно посмотрел на нее.

— Я ничего не могу сделать. — Он помешал ложкой суп, но есть не стал. — Ведь это ты познакомилась с Гирландом. Если бы ты каждый день не теряла головы, увидев парня с деньгами, то никогда бы не влипла в подобную историю. Тебе, милая, нужно было держаться только меня. А сейчас у тебя нет выбора.

— В таком случае, я пойду в полицию, — выкрикнула она. — Они защитят меня!

— Ты так думаешь? — сделав над собой усилие, Лабри все же хлебнул супа. — О'кей, можешь все рассказать им. Неужели ты предполагаешь, что они дадут тебе телохранителя? И не надейся, дорогая. Имей в виду, если ты не будешь в точности исполнять мои приказы, последствия могут быть непредсказуемы.

Ви некоторое время молчала, закрыв глаза и сжав кулаки. Потом встала, решительно отодвинула стул и заявила:

— Пойду собираться, я уже не голодна.

Когда она вышла, Лабри поморщился. Он тоже потерял аппетит. Когда официант принес бифштекс, он отказался от заказа.

Глава 4

Мэри Шерман, высокая и элегантная женщина лет сорока, выглядела так, словно сошла со страниц журнала мод. Она ни на минуту не теряла надежды, что вскоре станет первой леди США. Высокомерная, холодная и очень расчетливая, она тем не менее обладала определенным шармом. К тому же умела всегда притворяться, что интересуется заботами других людей, и это ее качество весьма способствовало политической карьере мужа.

Когда Шерман вошел в просторную, шикарно обставленную гостиную, Мэри за столом писала

письмо. Она повернулась и подняла на мужа большие голубые глаза, затем поспешно встала.

— Генри! Я тебя так ждала! — Она подошла к нему, и Шерман поцеловал ее в щеку. — Все в порядке? Ничего не случилось?

По дороге домой из аэропорта Кеннеди он успел отклеить свои накладные усы, но оставался в темных очках. Его возвращение было менее удачным, чем отъезд. Когда он осторожно входил через черный ход своего громадного дома, то нос к носу столкнулся с Морганом, офицером ФБР, отвечающим за его безопасность.

Тот был явно изумлен. Понимая его состояние, Шерман широко улыбнулся.

— Извините, мне просто захотелось немного прогуляться на свежем воздухе. Я чувствую себя значительно лучше. Конечно, нужно было предупредить вас, но... Не переживайте, надеюсь, это останется между нами, не так ли?

Прежде чем Морган успел что-либо ответить, Шерман поспешил в дом.

— Морган видел, как я возвращался, — мрачно сказал он, снимая пальто. — Однако, я надеюсь, он будет молчать. Я в этом уверен. Присаживайся, Мэри, сейчас я тебе все расскажу.

С тяжелым вздохом Шерман опустился на небольшую тахту, а Мэри устроилась рядом.

— Ты нашел ее?

— Пока нет.

Шерман рассказал о своем свидании с Дорном и о том, что предпринял Дорн.

Мэри слушала его, широко раскрыв глаза.

— Ты хочешь сказать, что только один и к тому же бывший агент занимается нашим делом? Но ведь это же абсурд. Генри!

— Мы не можем дать делу официальный ход, — Шерман покачал головой. — Ни в коем случае! Нам остается только надеяться, что этот человек Дорна сделает все, как надо.

— Но это же ужасно. Генри!

— Этот человек найдет ее, Мэри... он обязательно найдет ее.

— И потом... Что потом?

— Мне, может быть, удастся убедить ее...

— О, мой Бог! Убедить ее? Разве ты не понимаешь, что она решила погубить нас! — закричала Мэри, вскакивая с тахты и бегая по большой комнате. — Ну чем я прогневила Бога, родив такого ребенка?! Послушай, Генри, ты должен по крайней мере снять свою кандидатуру, тогда мы хотя бы сохраним наше положение в свете. Если эти фильмы станут достоянием общественности, как же мы будем смотреть людям в глаза? К нам никто не придет!..

Не дослушав причитания жены, Шерман поднялся, взял записную книжку и направился к телефону. Он решил посоветоваться с Дорном.

— Кому это ты еще звонишь? — возмутилась Мэри.

— Дорну. Надо бы узнать, какие новости.

Дорн уже спал. Телефонный звонок разбудил его. Он сразу же узнал голос Шермана.

— Да. Как вы добрались? Надеюсь, все благополучно?

— Более или менее. У вас есть какие-нибудь новости для меня?

— Да. И хорошее, и плохое. Нужно быть предельно осторожными. Мы ведь говорим по общей линии. Вы помните дядюшку Джо?

Шерман вздрогнул.

— Конечно... Что произошло, Джон?

— Его племянники заинтересовались этим делом. Месье Кейна узнали в Орли. Племянникам в настоящее время известно, что я встречался с Кейном.

Шерман беспомощно заморгал глазами. Мэри бросилась было к нему, но он остановил ее движением руки.

— Они знают о существовании фильмов?

— Пока я этого еще не думаю, но прекрасно осведомлен, насколько они любопытны. Мой человек уже предупрежден.

— Продолжайте. Что еще?

— Часа через два он собирается в Гермиш. Он полагает, то, что вас интересует, находится там.

— Гермиш? Это что, в Германии? Вы в этом уверены?

— Да. Нужный нам человек остановился в отеле «Альпенхоф».

— Вы полагаете, ваш человек уладит это дело?

— Если он этого не сможет, значит, никто не сможет.

— Такой ответ не очень-то обнадеживает. К сожалению, мне ничего не остается делать, как ждать. Я целиком и полностью рассчитываю на вас.

— Сделаю все, что только смогу, — сухо заверил Дорн. Тон Шермана ему не понравился. — Я вам позвоню.

Шерман осторожно опустил трубку и повернулся к жене.

— Русский агент узнал меня в Орли, и теперь русские заинтересовались этим делом.

Мэри побледнела и всплеснула руками.

— Ты хочешь сказать, что они узнали об этих ужасных фильмах?

— Пока еще нет, но это вопрос времени. Этот Гирланд выяснил, что Джулия находится в

Гермише в отеле «Альпенхоф».

— Гермиш? Что она делает там?

— Откуда мне знать, — раздраженно ответил Герман. — Гирланд едет туда.

Мэри внезапно успокоилась и вернулась на тахту.

— Но что может сделать этот Гирланд? Ведь он же один! О, Боже! Я предпочла бы, чтобы эта противная девчонка умерла!

Поколебавшись мгновение, Шерман сказал:

— Я думаю, тебе лучше знать, Мэри... В Париже я встретился с Радницем.

— Радниц? И он тоже узнал тебя? — изумленно переспросила она.

— Да. Это произошло совершенно случайно. Я вынужден был ввести его в курс дела.

— Как? Ты рассказал ему обо всем? О Джулии и фильмах?

— У меня не было выбора.

— О, Генри, — застонала Мэри. — Ты просто сошел с ума! Ведь он думает только о контракте и больше ни о чем! Он может нас шантажировать.

— Ну это вряд ли, — спокойно возразил Шерман. — Радниц сможет заполучить этот контракт лишь в том случае, если я стану президентом, и посему будет всячески нам помогать в этом. — Он пересек гостиную, налил в баре виски и вернулся к жене. Та испуганно смотрела на него.

— Радниц? Будет тебе помогать? Этот человек вообще не помогает никому.

— Мэри... Несколько минут назад ты сказала, что предпочла бы видеть Джулию мертвой... Ты это говорила серьезно? — Шерман испытующе смотрел на жену.

Та сразу поняла, что вопрос задан неспроста, и насторожилась.

— Если бы она умерла, ты стал бы президентом безо всяких осложнений. Если же будет жить, то всегда сможет нас шантажировать... Следовательно... Полагаю, ей лучше быть мертвой.

Шерман, не поднимая глаз на жену, смотрел на свои руки.

— Радниц сказал мне одну вещь. Он придерживается такого же мнения. Он уверил меня, что сможет уладить это дело. Я... Я сказал ему, что вначале должен переговорить с тобой. Если ты согласна... Если ты согласна, я должен буду сказать ему, где ее можно найти. Но мне кажется, ему и без меня прекрасно известно, где она находится в настоящее время. Он ведь знает все. Если я сообщу ему, что она в настоящий момент в отеле «Альпенхоф», он поймет, что я даю зеленый свет, и тогда он навсегда освободит нас от нее.

Мэри наклонилась вперед, ее глаза заблестели.

— Ну так чего же ты ждешь? — крикнула она. — Мы так долго взбирались наверх, на это ушли годы и годы, и все это может быть разрушено в один миг. Звони немедленно!

Шерман поднял дрожащие руки к лицу.

— Но ведь это же наша дочь, Мэри!

— Позвони ему!

Некоторое время они смотрели друг на друга, потом Шерман отрицательно покачал головой.

— Нет! Я не могу сделать это, Мэри. Не могу!

— А русские? Вдруг они узнают об этих ужасных фильмах? Нет, мы должны, просто обязаны это сделать! Она должна тихо исчезнуть.

— Может быть, мы все же подождем, пока Гирланд отыщет ее? Может быть, ему удастся все же ее уговорить приехать сюда. — Он поднялся на ноги. — Я иду спать, — заключил он усталым голосом.

— Да... — Мэри посмотрела на него странным взглядом. Ее глаза были непроницаемы. — Ты сказал, она в отеле «Альпенхоф» в Гермише, не так ли?

— Да.

— А где находится Радниц?

Шерман заколебался.

— В отеле «Георг V» в Париже, — он поглядел на нее. — Зачем ты это спрашиваешь?

— Иди спать, Генри, — спокойно сказала она. — Ты нуждаешься в отдыхе.

Шерман вновь поколебался, потом все же направился к выходу. У двери он остановился и посмотрел на жену. Ее холодные темные глаза ничего не выражали.

— Иди спать, Генри, — повторила она.

Шерман вышел из гостиной и медленно прикрыл за собой дверь. Он шел сгорбившись, волоча ноги, как глубокий старик.

Мэри какое-то время прислушивалась к его тяжелым шагам на лестнице. Несколько долгих минут она смотрела через окно в темный сад, и ее лицо было абсолютно непроницаемым. И только неестественно блестящие глаза выдавали ее состояние. Наконец она взяла трубку и попросила телефонистку соединить ее с отелем «Георг V» в Париже.

Шикарный черный автомобиль затормозил возле двери отеля «Георг V». Портье стремглав бросился открывать дверцу. Из машины вышел Лу Силк.

— Припаркуйте ее... Я ненадолго, — распорядился он и прошествовал в холл, где сразу же направился к сидевшему за своим столом администратору.

— В каком номере мистер Радниц?

Администратор, уже неоднократно встречавшийся с Силком, знал, что тот никогда не дает чаевых. Поэтому он холодно поздоровался, снял трубку телефона и что-то тихо сказал. Только

после этого ответил:

— Номер 457. Четвертый этаж.

Силк усмехнулся.

— А то я не знаю! — не поблагодарив, он повернулся и направился к лифту.

Лу Силк был наемным убийцей Радница. Высокий, худой, лет сорока, с лицом, напоминающим лезвие ножа, и белыми, коротко подстриженными волосами, он производил угнетающее впечатление. Он был одет в черный фланелевый костюм, болтающийся на нем, как на вешалке, и черные ботинки, на голове красовалась черная шляпа. Левый глаз Силка был стеклянный. Каждый раз, когда Радницу необходимо было освободиться от кого-то нежелательного, он обращался к Силку. Пятнадцать тысяч за работу и тридцать тысяч годовой тариф, без учета, делал ли он какую-либо работу или нет, — во столько ему обходились услуги профессионального убийцы.

Силк поднялся на четвертый этаж, подошел к номеру 457 и нажал кнопку звонка. Дверь открыл Коу Ю — японец, слуга и одновременно личный водитель Радница.

— Привет, — сказал Силк. — Старик ожидает меня?

— Мистер Радниц ждет вас, — Коу Ю безучастно смотрел на Силка.

Тот, не обращая на слугу внимания, прошел в просторный, хорошо обставленный кабинет. Радниц сидел за столом и диктовал письмо своему секретарю Фрицу Куртцу, маленькому худенькому человеку. Едва Силк вошел, секретарь оторвался от работы.

Радниц отослал Куртца прочь. Затем без обиняков сказал:

— У меня есть для вас работа.

— Я так и предполагал, — Силк уважал Радница, называл его «Да-человек». Тем не менее он без приглашения уселся в кресло и закинул ногу на ногу. — Что на этот раз?

— Вы готовы уехать немедленно?

— Разумеется. Я всегда держу свой чемодан в автомобиле. Куда, интересно?

— Мюнхен. — Радниц открыл портфель и вытащил толстый конверт. — Здесь все инструкции, билет и деньги. Необходимо освободиться от двух лиц: девушки и мужчины. Девушка — Джулия Шерман, мужчина — Пьер Раснольд. В конверте имеется фотография девушки, фото мужчины, к сожалению, отсутствует. Но, я думаю, это не столь важно. Они находятся вместе. Это весьма срочное дело. Вы получите свои тридцать тысяч сразу же, как я услышу, что они устранены.

Силк поднялся, взял конверт и внимательно ознакомился с его содержимым. Особо он изучил фотографию Джулии, красота девушки не произвела на него ровно никакого впечатления. Уже много лет Силк не интересовался женщинами. Он внимательно прочитал два листка с инструкциями и затем поднял глаза на Радница.

— Я смогу их устранить только после того, как фильмы будут изъяты у них. Как я это узнаю?

— Это не ваша забота. Фильмы возьмет Гирланд. Ваша миссия заключается только в

устранении этих двоих.

— А как вы хотите, чтобы я это сделал?

Радниц достал сигару.

— Ну... Скажем, несчастный случай... Несчастный случай на прогулке... И сразу с обоими.

— Это очень подозрительно. Один может погибнуть случайно, но двое... Эти немецкие полицейские не такие уж и дураки.

Радниц нетерпеливо пожал плечами. Детали его всегда утомляли.

— Предоставляю это на ваше усмотрение. У меня около Обермергау вилла. Там находится надежный человек, в случае нужды он нам окажет всяческое содействие. Я распоряжусь об этом. Его зовут Ганс фон Гольтц. Он встретит вас в мюнхенском аэропорту и отвезет в поместье. Он же соберет и все необходимые сведения. Оружия на этот раз брать с собой не нужно. Там вы найдете все необходимое. В этом поместье находятся мои люди. Они надежны. Можете использовать и их в случае надобности.

Силк засунул конверт в карман.

— Я предпочитаю отправиться немедленно, если успею на рейс в 14.00.

— Будьте крайне осторожны. Гирланд очень опасен.

Силк самоуверенно усмехнулся.

— Спасибо за предупреждение. Буду осторожен.

Так как Мэри забыла предупредить Радница, что русские тоже влезли в это дело, Силк покинул отель «Георг V» в полной уверенности, что ему следует опасаться только Гирланда. Если бы он знал, что у него на дороге будет стоять еще и Малих, не менее опытный и опасный, чем Гирланд, он бы призадумался. Сев в машину, он помчался в сторону аэропорта Орли.

* * *

Все еще расстроенный неудачным вчерашним свиданием, Гирланд прошел таможенный контроль в мюнхенском аэропорту и сразу же направился в бюро проката автомобилей Герца. Разгадав его намерения, Лабри остановился. Он имел слишком мало денег, чтобы позволить себе роскошь нанять автомобиль. Его советское начальство экономило на всем. Ему оставалось только наблюдать, как его подопечный разговаривает с миловидной блондинкой. Гирланд попросил «Мерседес-230».

— Да, сэр, — ответила служащая. — На какое время вам нужна машина?

— Я этого еще не знаю, — Гирланд адресовал девушке ослепительную улыбку. — Все зависит от вашей страны, но если здесь пейзажи столь же очаровательны, как и вы, то, возможно, здесь я и окончу свои дни.

Блондинка покраснела и опустила глаза.

— Скажем... на неделю?

— Может быть... — Гирланд облокотился о барьер конторки, ожидая, пока она заполнит соответствующую карточку.

— Автомобиль сейчас будет, сэр, — она отдала распоряжение по телефону. — Пять минут, сэр. Дверь направо.

— Благодарю вас, — Гирланд вышел из бюро и остановился, ожидая заказанную машину.

— Извините, сэр, — произнес голос у него за спиной. — Вы случайно не направляетесь в Гермиш?

Гирланд обернулся и увидел высокого худого парня с длинными волосами, в очках с темно-зелеными стеклами и рюкзаком за плечами.

— Действительно, — ответил Гирланд. — Вы хотите попасть туда же?

— Да, — ответил Лабри. — Но мои средства не позволяют нанять машину.

В этот момент черный «мерседес» остановился возле них. Механик в белом комбинезоне спросил:

— Вы знакомы с машиной, сэр?

— Разумеется. — Гирланд бросил свой чемодан на заднее сиденье, дал механику чаевые и приглашающе махнул Лабри: — Садитесь.

Тот не заставил себя просить дважды. Он уселся на переднее сиденье, разместив рюкзак между ног.

Гирланд завел мотор, и автомобиль медленно тронулся с места.

— Я вам очень благодарен, сэр, — сказал Лабри. — Я начал свое путешествие из Франции. Вы ведь американец, не так ли?

— Действительно.

— Вы выглядите американцем, но говорите по-французски совершенно без акцента.

— Стараюсь. А откуда вы? — поинтересовался Гирланд, направляя машину по главной дороге к Мюнхену.

— Из Парижа. У меня каникулы. Хочу пройти пешком по долине Изера. — Лабри весьма полезно провел время в самолете, изучая туристские путеводители по Германии, любезно предложенные стюардессой.

— О, это действительно прекрасное место для пеших прогулок, — тоном знатока ответил Гирланд.

Лабри внимательно посмотрел на него.

— Вы тоже в отпуске или по делам, сэр?

— И то, и другое. Вы рассчитываете остановиться в Гермише?

— Да, но только в том случае, если найду недорогой отель.

— Ну, я думаю, это не составит особых проблем, — Гирланд прекрасно знал Гермиш, так как приезжал сюда прошлой зимой покататься на лыжах.

Лабри вдруг вспомнил предупреждение Малиха и решил пока воздержаться от дальнейших вопросов, чтобы, не дай Бог, не вызвать подозрения у Гирланда. Ему действительно повезло — ехать в компании с бывшим агентом ЦРУ — что может быть лучше? Лабри имел все основания быть весьма довольным собой.

Дальнейший разговор шел о Париже и его ночных клубах. Лабри поделился с Гирландом опытом в этой области, а Гирланд, в свою очередь, показал свои познания. Они миновали Мюнхен, и Марк резко увеличил скорость. До Гермиша было примерно сто километров, и через час с небольшим они уже ехали по узкой главной улице Гермиша.

Остановившись на площади, Гирланд сказал своему попутчику:

— Здесь вы найдете три или четыре недорогих отеля. Желаю прекрасно провести каникулы.

— А где остановитесь вы? — спросил Лабри, покидая машину.

— Мой отель располагается внизу по дороге. — Гирланд помахал рукой. — Желаю удачи!

— Благодарю за прекрасное путешествие, сэр.

Гирланд кивнул и повел машину в направлении отеля «Альпенхоф». Лабри бегом последовал за «мерседесом», медленно лавируя по запруженным улицам. Не упуская машину из виду, Лабри проследил, в каком именно отеле остановился Гирланд. Убедившись, что не ошибается, он, успокоенный, отправился на поиски пристанища для себя.

Входя в просторный холл отеля, Гирланд едва не столкнулся с невысоким коренастым человеком в светло-сером свитере с отложным воротником и белых фланелевых брюках. Толстяк вежливо посторонился, пропуская его. Рядом с ним стояла девушка. Скользя по ней взглядом, Гирланд моментально узнал ее. Это была Джулия Шерман, девушка из порнографического фильма. Невысокого роста, с бронзовыми волосами, подрезанными в форме каски, обрамляющей красивое личико. На ней был белый свитер до горла и черные, плотно облегающие брюки, выгодно подчеркивающие ее сексуальную фигуру. Гирланд, в свою очередь, посторонился, чтобы пропустить их. Девушка взглядом поблагодарила и улыбнулась:

— Спасибо, сэр.

— Поторопись, Джули, ради Бога, — напомнил мужчина на французском. — Мы уже опаздываем.

Гирланд проследил, как они усаживались в небольшой «Триумф-4», припаркованный напротив отеля. Машина резко взяла с места и помчалась по главной улице, исчезнув за поворотом.

Гирланд подошел к окошку администратора и поставил на пол свой чемодан.

— Моя фамилия Гирланд, — представился он. — Скажите, это случайно не мистер Раснольд только что уехал? Мне кажется, я его узнал.

— Это так, меесье.

— Он уехал насовсем?

— О, нет, месье, он пробудет у нас еще примерно неделю.

Удовлетворенный ответом администратора, Гирланд заполнил стандартный формуляр и поднялся к себе в номер. Разобрал багаж и сменил дорожный костюм на свитер и голубые джинсы. Было немногим более одиннадцати часов, когда он отправился прогуляться и осмотреть город, подумав что Раснольд и Джулия вряд ли вернутся сегодня в отель.

Выходя из своего номера, он увидел дежурную по этажу. Улыбнувшись пожилой женщине, он спросил на безукоризненном немецком языке:

— Извините, вы не знаете случайно, номер мистера Раснольда находится на этом этаже?

— Он здесь, — она указала на дверь, расположенную прямо напротив номера Гирланда, — но он, к сожалению, отсутствует.

Гирланд поблагодарил и, спускаясь по лестнице, подумал о том, что его путешествие началось удачно, но хорошо ли это?

Сидя в кафе через улицу, Лабри наблюдал за отъездом Гирланда. Необходимо было дождаться Малиха. Но, главное, он теперь знал, где остановился Гирланд. Оставалось лишь выяснить цель его приезда.

Марк тем временем позавтракал и, осмотрев знаменитую кирху, которую все специалисты единодушно считают замечательнейшим образцом немецкого барокко, возвращался в отель. Он медленно ехал по шоссе, наслаждаясь идиллическим сельским пейзажем. Когда он свернул на узкую дорогу, окаймленную луговыми цветами, то вдруг заметил маленький блестящий спортивный автомобиль, стоящий у обочины дороги с поднятым капотом. Он затормозил и сразу же узнал Джулию, сидевшую на переднем сиденье. Раснольд копался в моторе.

«А ведь действительно удачный день!» — с досадой подумал Гирланд, останавливаясь.

— Могу я чем-нибудь помочь? — спросил он по-французски.

Раснольд выпрямился. Это был человек лет сорока пяти, хорошо сохранившийся и довольно привлекательный, несмотря на близко посаженные глаза и жесткий рот.

— Эта проклятая коробка ни с того ни с сего вдруг остановилась. Вы что-нибудь понимаете в машинах?

Гирланд выбрался из своего «мерседеса» и подошел к «Триумфу-4», стараясь не смотреть на Джулию.

— Попробуйте запустить мотор.

Раснольд сел за руль. Стартер взревел, но двигатель не запускался.

— Как дела с бензином?

— Бак полон на три четверти.

— Видимо, засорился карбюратор. У вас есть какие-нибудь инструменты?

Раснольд покопался в багажнике и, найдя сумку с инструментами, передал ее Гирланду. Десятью минутами позже все было исправлено, и двигатель ровно заурчал.

Гирланд выпрямился и довольно улыбнулся.

— Ну вот и все... Когда знаешь, где искать неисправность, это просто.

— Не знаю, как вас и благодарить, — сказал Раснольд.

— Пустяки, я был рад оказать вам помощь, — Гирланд посмотрел на улыбающуюся Джулию и адресовал ей ответную улыбку.

— Я думаю, вы хороший человек, — поблагодарила его Джулия.

— Если вы позволите, мадам, я возвращу вам комплимент. — Он посмотрел на девушку столь красноречивым взглядом, что заставил ее задрожать. Но все же это было несколько не то, что Гирланд собирался получить в ответ. Он еще раз внимательно на нее посмотрел, сел в машину и отъехал. Вернувшись в отель, он еще раз плотно поел, разделся и улегся в постель. Гирланд старался отдыхать при первой возможности. Через две минуты он уже крепко спал.

Проснулся он немногим раньше шести часов, побрился, принял душ и облачился в легкий голубой костюм, белый свитер с отложным воротником и черные ботинки. С удовлетворением посмотрев на себя в зеркало, подтянул кресло к двери, приоткрыл ее и, усевшись, принялся ждать.

В 7.30 дверь напротив открылась, пропуская Раснольда. Тот вышел из номера и закрыл его на ключ. Гирланд оттолкнул кресло и тоже вышел, направившись к лифту. Раснольд узнал его и улыбнулся.

— Так мы снова встретились, — протянул он руку.

Гирланд с улыбкой пожал ее.

— А я и не знал, что вы живете в этом отеле. С машиной больше неприятностей не было?

— Нет. Спасибо. Если вы не торопитесь, я хотел бы выпить с вами. Я ведь должен вас отблагодарить.

— Нет, я не тороплюсь, — Гирланд вошел следом за Раснольдом в лифт. — Я здесь на коротких каникулах. Я прожил в Париже слишком долго и нуждаюсь в смене обстановки. Вы не знаете поблизости хороший ресторан, где можно было бы прилично поужинать. Питание в отеле быстро надоедает.

Они вышли из лифта на первом этаже. Раснольд спросил:

— Вы один? В таком случае поужинайте с нами, доставьте мне это удовольствие.

— Но ваша жена... — Гирланд сделал красноречивый жест рукой.

Раснольд рассмеялся.

— Она не моя жена. Мы просто вместе. Она тоже будет очень довольна, вы ей понравились.

Гирланд улыбнулся. Они прошли холл и устроились в углу уютного бара, заказав два двойных

виски.

— Я фотограф, — сказал Раснольд, когда они выпили немного. — А чем занимаетесь вы?

— Я не могу сказать ничего определенного о своей профессии, — ответил Гирланд. — Я работаю только тогда, когда у меня появляется такое желание, но стараюсь делать это как можно реже. Мне на этот счет крупно повезло, мой старик оставил мне достаточно крупную сумму, чтобы я ни в чем не нуждался.

На Раснольда заявление Гирланда произвело должное впечатление. С видом знатока он оглядел костюм Гирланда, тупленный, кстати, на деньги Дорна у лучшего лондонского портного.

— Везет же некоторым, — с легким вздохом заметил он. — А мне приходится вкалывать, чтобы заработать себе на жизнь.

— Но мне показалось, что вам тоже грех жаловаться.

— Вообще-то, да. Кручу помаленьку.

Они не успели допить виски, как в бар легкой походкой вошла Джулия Шерман. На ней был бархатный костюм, а вокруг талии обвивался пояс в виде золотой цепи. Гирланд подумал, что она выглядит сенсационно. Двое мужчин смотрели на ее ноги.

— Джулия... Джулия Шерман, — Раснольд растерянно повернулся к Гирланду. — Извините, я ведь не представился: Пьер Раснольд.

Гирланд посмотрел на Джулию.

— Марк Гирланд, — проговорил он, протягивая руку. Девушка с откровенным любопытством смотрела на него. — Мисс Шерман, эта встреча самая приятная на моих каникулах.

— Они будут такими короткими? — спросила Джулия, садясь. — Пьер, «чинзано», пожалуйста, — потребовала она.

Едва Раснольд ушел к бару, Гирланд прошептал:

— Вас здесь устраивает?..

Джулия внимательно посмотрела на него.

— А вы можете предложить нечто лучшее?

— Пожалуй...

Они понимающе переглянулись. Гирланд включил все свое очарование, которое обычно действовало на женщин неотразимо. Джулия наклонилась к нему и, улыбаясь, прошептала:

— Да... Я думаю, вы сможете.

Вернулся Раснольд и поставил перед Джулией бокал с «чинзано». Завязалась оживленная беседа, и Гирланд, умевший быть общительным и очень интересным собеседником, настолько хорошо играл свою роль, что Джулия просто задыхалась от смеха.

В тот момент, когда Гирланд рассказывал очередную историю, в бар зашел высокий худой мужчина лет сорока. У него было длинное узкое загорелое лицо, бледно-голубые глаза и густые вьющиеся волосы. Вельветовый пиджак бутылочного цвета, белая рубашка и черные брюки выгодно подчеркивали его фигуру. На левой мускулистой руке сверкал платиновый браслет, а на правой платиновая «Омега».

У вошедшего был высокомерный вид богатого и знающего себе цену человека. Едва бросив на их компанию взгляд, он сел за соседний столик в углу.

— Добрый вечер, граф фон Гольтц, — приветствовал его бармен. — Чего изволите?

— Шампанского... Как обычно, — мужчина раскрыл тяжелый золотой портсигар и взял сигарету, к которой бармен тотчас же поднес горящую зажигалку.

— Ну и ну! — восхитилась Джулия. — Вот это мужчина!

Гирланд поперхнулся на слове и тоже посмотрел на нового посетителя. Раснольд коснулся руки Джулии.

— Не лучше ли, дорогая, обратить внимание на меня? — раздраженно сказал он.

— Когда будешь иметь то же самое... Он просто великолепен! — Джулия произнесла это слишком громко.

Мужчина обернулся, бросил взгляд на Джулию и улыбнулся.

— Ваш французский говорит о том, что вы американка. Американки очень экспансивны. Я их обожаю, только, ради Бога, не поймите меня превратно. — Затем он обратил внимание на Раснольда. — Может быть, я вам мешаю, месье? В таком случае я выпью шампанское у стойки.

Раснольд и Гирланд привстали.

— Мешаете? Конечно же, нет! — сказал Раснольд. — Не могли бы вы присоединиться к нам?

— Если только на несколько минут. У меня мало времени, — фон Гольтц поднялся со своего стула. — Граф Ганс фон Гольтц, — он отвесил всем присутствующим по очереди церемонные поклоны.

Раснольд представил графу Джулию.

— А вы в самом деле настоящий граф? — спросила она, — Я еще никогда в жизни не встречала настоящего графа.

Фон Гольтц усмехнулся.

— Приятно быть первым. — Он посмотрел на Гирланда. — А вы? Вы тоже американец?

— Совершенно верно. Я здесь на отдыхе.

— О, это идеальное место для отдыха! — оживился граф, тут же начав рассказывать о местных достопримечательностях. Косца фон Гольтц покончил со своим шампанским, Раснольд предложил выпить еще. Граф отрицательно покачал головой.

— Благодарю, но мне, к сожалению, действительно нужно покинуть вас, — он прищурил глаза,

будто что-то обдумывая. — Знаете что, если вы не найдете ничего лучшего, мадемуазель, то приезжайте со своими друзьями в мой скромный замок. Если вас, конечно, заинтересует мое приглашение. Я мог бы предложить вам кое-какие развлечения. С превеликим удовольствием приму вас.

Джулия в восторге захлопала в ладоши, ее глаза расширились.

— О, это же просто замечательно! — воскликнула она. — Мы с удовольствием приедем.

— Замок мой достаточно просторен, так что вы никого не будете стеснять. Я живу один. Вы можете даже остаться дней на пять-шесть, то есть столько, сколько заблагорассудится. Окажите мне эту честь.

Джулия повернулась к Раснольд.

— Да, Пьер? Это же замечательно!

— Это очень любезно с вашей стороны, сэр, — сказал Раснольд. — Если мы вам не помешаем, то с удовольствием приедем.

Фон Гольтц посмотрел на Гирланда.

— А вы, сэр?

«Это действительно удачный день, — снова подумал Гирланд. — Там у меня появится прекрасная возможность остаться наедине с Джулией».

— Спасибо. Как я уже говорил, я здесь на отдыхе, так что с благодарностью принимаю ваше приглашение.

— Очень рад. Я пришлю за вами завтра одного из моих слуг, и он покажет вам дорогу к замку. Это примерно в часе езды отсюда. Если вы выедете пораньше, то как раз будете у меня к завтраку.

Он поклонился, поцеловал кончики пальцев Джулии и пожал руки мужчинам.

— Итак, до завтра... Спокойной ночи. — И с любезной улыбкой граф вышел из бара.

— Что вы на это скажете?! — Джулия была в восхищении. — Настоящий живой граф! И к тому же у него имеется замок!

Раснольд смущенно посмотрел на Гирланда.

— Я и не знал, что немцы так гостеприимны, — медленно проговорил он. — А вы?

— Мне все понятно, — ответил Гирланд, смеясь. — Если бы мы сидели вдвоем, нас бы ни за что не пригласили.

— В таком случае, вы должны быть мне благодарны, — заявила Джулия. — И знаешь что, Пьер, нужно оплатить счет. Раз мы проведем неделю в замке, нечего оставлять за собой номер в отеле.

— Ты как всегда права, — Раснольд поднялся на ноги. — Не пора ли ужинать, я буквально умираю с голоду. Все трое подошли к администратору.

— Мы приглашены в замок графа фон Гольтца, — обшил Раснольд. — Не будете ли вы так любезны подготовить счет. Мы уезжаем завтра утром.

— Конечно, сэр. Вам будет приятно провести время в замке, — с ноткой зависти сказал администратор.

— Рассчитайте и меня тоже, — попросил Гирланд администратора.

Они вышли из отеля и подошли к машинам.

— Не поехать ли нам в моей машине, — предложил Гирланд. — Она больше.

Джулия села на переднее сиденье, а Раснольд расположился сзади.

— Куда ехать? — спросил Гирланд.

— Поверните направо. До ресторана километров восемь. Я покажу, — сказал Раснольд.

Машина тронулась от здания отеля, провожаемая пристальными взглядами Малиха и Лабри, сидевших в кафе через улицу.

* * *

Они представляли собой самое странное трио, когда-либо появлявшееся в Гермеше. Ви с длинными светлыми волосами, в бледно-голубых брюках и красном свитере казалась совершенно крохотной рядом с гигантской фигурой Малиха, одетого в черную кожаную куртку и вельветовые брюки. Макс Линтц в толстом свитере и в заношенных брюках, стоя позади Ви, неприязненно разглядывал прохожих. Они прибыли сюда лишь несколько минут назад. Было немногим больше девятнадцати часов, когда Малих в аэропорту Мюнхена обратился в бюро проката с просьбой предоставить в его распоряжение «Фольксваген-1500». Ожидая, пока подадут машину, он заметил высокого худого мужчину с белыми волосами и стеклянным глазом, прилетевшего тем же самолетом, что и он. Но Малих едва удостоил его взглядом. И Лу Силк не знал, кто этот колосс, так что тоже не обратил на Малиха ровно никакого внимания.

Подкатил большой черный «мерседес», и водитель, распахнув дверцу машины, позвал Силка. Сразу же за «мерседесом» появился и «фольксваген». Малих усадил рядом с собой Ви, а Макс устроился сзади. Ви прижалась к дверце, только бы быть подальше от этого гиганта, внушавшего ей ужас. Он напугал ее сразу, как только внезапно вырос перед ней в аэропорту Орли. Не меняя выражения лица, без обиняков поинтересовался:

— Мадемуазель Мартин?

Онемев от страха, она только кивнула головой. Он протянул свою громадную руку.

— Ваш паспорт?

Дрожа, как в лихорадке, она порылась в сумочке и подала ему документ.

— Идите за мной, — коротко приказал он и вошел в здание аэропорта. Они вместе прошли таможенный досмотр. В один из моментов ей захотелось закричать, что ее увозят насильно, но вовремя вспомнилось предупреждение Лабри. В зале к ним присоединился Макс Линтц. Мужчины разговаривали между собой по-немецки, совершенно игнорируя присутствие Ви. В салоне самолета Малих посадил ее одну, а сам устроился вместе с Максом на задних местах.

Во время полета они продолжали о чем-то тихо беседовать, а Ви, сжавшись на своем сиденье, с ужасом думала, что же с ней будет. В мюнхенском аэропорту ей удалось как-то взять себя в руки. Вспомнив, что паспорт до сих пор находится у Малиха, Ви нерешительно попросила вернуть ей документ.

Тот резко повернулся и посмотрел на нее так, словно видел впервые.

— Он будет у меня, — отрезал Малих и отвернулся.

— Но ведь это же мой паспорт! — попыталась возмутиться она. — Вы не смеете держать его у себя! Отдайте сейчас же!

Линтц недоуменно посмотрел на нее, а Малих повторил:

— Он останется у меня!

Ви прикусила губу и отошла на несколько шагов, вновь почувствовав себя в ловушке. Страх и отчаяние с новой силой охватили ее.

— Вот он! — облегченно произнес Линтц.

— Я заблудился, — запыхавшись, сказал Лабри, подходя к ним и не глядя на Ви. — Прошу извинить за опоздание.

Малих отвел его в сторону.

— Что произошло? — спросил он.

— Гирланд остановился в «Альпенхофе». Он нанял «мерседес». Сейчас находится в отеле.

— Есть какой-нибудь отель неподалеку?

— Как раз напротив. Я снял там три номера для всех вас.

— Прекрасно. Тогда пошли побыстрее.

Ви и Лабри сели на заднее сиденье машины. Ви схватилась за Лабри, умоляюще глядя на него. Он грубо сбросил ее руку. Он понимал, что Малих наблюдает за ними, а этот гигант внушал и ему страх.

Отель, в котором Лабри заказал для них номера, был значительно скромнее «Альпенхофа». Отослав Ви и Линтца устраиваться, Малих и Лабри, не выходя из своей машины, остались наблюдать за входом в «Альпенхоф». Они видели, как граф фон Гольтц сел в серебристый «ролле», но не обратили на него внимания. Через несколько минут появились Гирланд, Раснольд и Джулия и, сев в машину, уехали.

— Кто эта женщина? — спросил Малих. — Я никогда не видел ее. — Он немного подумал, потом проговорил: — Мне нужны часы вашей подружки.

Лабри посмотрел на него с изумлением.

— Часы?

— Да, и побыстрее! — приказал Малих.

Лабри побежал в отель и буквально вломился в номер Ви. Та сидела на кровати, обхватив голову руками. Подняв глаза на Лабри, она вскочила на ноги.

— Он забрал мой паспорт! — завопила она. — Прикажи ему вернуть мои документы! И...

— Заткнись! Дай мне твои часы!

Она изумленно уставилась на него, ничего не понимая.

— Мои часы?.. Зачем тебе мои часы?

— Давай их сюда! — На лице Лабри вновь появилось выражение, которого она всегда боялась. Дрожащей рукой девушка безропотно сняла браслет. Он выхватил его из ее рук и стремглав бросился вон.

— Вот, — запыхавшись, сказал он Малиху, подавая часы.

Тот внимательно осмотрел их и недовольно скривился.

— Дешевка. Ну что ж, тем лучше. Подожди меня здесь.

Он вышел из машины, переждал поток автомобилей и, перейдя дорогу, вошел в холл отеля «Альпенхоф». Администратор настороженно поднял глаза, когда Малих остановился рядом с его окошком. Но Малих вежливо улыбнулся.

— Месье? — вопросительно сказал администратор.

— Несколько минут назад отсюда вышла дама в красном костюме, — на чистейшем немецком языке проговорил Малих. — Усаживаясь в машину, она обронила вот это. Я хотел бы ей вернуть, — он продемонстрировал часы администратору.

— Спасибо, месье, вы очень любезны. Я их ей передам.

Малих посмотрел на администратора и доверительно улыбнулся.

— Но я хотел бы передать их лично. Не скажете ли те, кто она?

— Мисс Джулия Шерман. Мне кажется, она вышла поужинать и вскоре вернется.

— Тогда я приду завтра. Скажите ей, пожалуйста, чтобы она не переживала о пропаже.

— Разумеется, я передам. Но приходите до десяти часов утра. Мисс Шерман уезжает.

Администратор думал, что этот плохо одетый гигант надеется получить вознаграждение.

— Но вдруг я ее не застаю... Вы не знаете, куда она направляется?

— Граф фон Гольтц пригласил ее погостить у него в замке.

— Ладно, тогда я приду завтра до десяти.

Малих пересек холл и заперся в телефонной будке. Открыв записную книжку, он нашел телефон советского агента в Мюнхене. Через несколько минут он уже знал, что замок графа фон Гольтца в Абермиттен Шлос принадлежит Герману Радницу. Малих прекрасно знал, кто

такой Радниц. Дав ему соответствующие инструкции, он попросил агента позвонить в Париж Ковски. Агент пообещал связаться с Малихом сразу же после разговора с Парижем. Малих предупредил телефонистку, что будет ждать вызова в холле. Через час последовал звонок из Мюнхена. Малих внимательно выслушал сообщение, проворчал «Спасибо» и повесил трубку.

* * *

Было уже полночь, когда Гирланд вернулся в отель. Он прекрасно провел вечер. Правда, еда была несколько обильней, чем он рассчитывал, но зато отлично приготовленной. Ресторан тоже был великолепным. Оба — и Джулия, и Раснольд — оказались толковыми собеседниками.

Сейчас он пытался сосредоточиться на деле, ради которого приехал сюда, гадая, как лучше переговорить с Джулией и заполучить от нее оставшиеся фильмы. Но после сытного ужина, приправленного к тому же замечательным немецким вином, мысли его поворачивались совсем не в ту сторону. Отбросив тщетные попытки сосредоточиться, он решил, что поговорит с Джулией в графском замке.

Гирланд принял душ и растянулся на постели, закулив сигарету. Джулия произвела на него сильное впечатление. Она была очень красивой и образованной, и Гирланд никак не мог понять, зачем она снялась в этих фильмах.

Раснольд, по его мнению, тоже был весьма интересным. Если человек зарабатывает деньги, снимая порнографические фильмы, то это касается только его, и никого больше. Такова была философия Марка Гирланда. Для него были важны сами люди, а чем они занимаются, ему было совершенно безразлично. Он докурил сигарету и уже протянул было руку, чтобы погасить свет, как раздался телефонный звонок.

— Да?

— Это я, — он сразу же узнал мелодичный голос Джулии.

— Добрый вечер... Чем могу быть вам полезен?

— Я так одинока.

— Забавно... Я ведь тоже одинок.

— А нельзя ли быть одинокими вместе?

— Но тогда это уже не будет одиночеством. Два человека вместе уже не одиноки.

— Иногда можно быть одиноким и вдвоем.

Последовала долгая пауза, в течение которой Гирланд сосредоточенно смотрел в потолок, размышляя об этой ее очередной выходке.

— Я в номере 462, это в конце нашего коридора, — сказала Джулия.

— Вам нравится селиться в конце коридора? Она рассмеялась.

— Но ведь это приглашение, бестолковый вы человек, а не урок географии!

Как ни заманчиво было такое приглашение, Гирланд решил отказаться. Он сознавал, что Джулия — девушка Раснольда, а не в его привычках было уводить нужных девушек.

— Но ведь это слишком далеко, — сказал он решительно. — Ложитесь спать.

Он закурил сигарету. Он не ждал от этого разговора никакого продолжения и уже собрался было снова лечь, как дверь его номера бесшумно отворилась, и в комнату скользнула Джулия. На ней был легкий белый халатик, накинутый поверх ночной сорочки. В полутьме она казалась привидением, но не в пример привидению выглядела просто обворожительно.

— Привет, — только и смог промолвить Гирланд. — И вы все еще одиноки?

Девушка подошла к кровати и уставилась на него.

— Ну вы и поросенок! — воскликнула она. — Когда я вас пригласила, вы обязаны были прийти ко мне!

— Я же посоветовал вам спать, — ответил Гирланд. — Но раз вам так не хочется спать, то мне и подавно. Будет лучше, если вы сядете сюда. — Он откинул одеяло и подвинулся, давая ей место.

— Если вы воображаете, что я пришла для того, чтобы спать с вами, то глубоко заблуждаетесь. Я пришла сказать вам, что вы поросенок, но и только!

Гирланд вновь набросил на себя одеяло и вернулся на прежнее место.

— Ну что же, ваше заявление принято к сведению... Я свинья. Спокойной ночи, — он отвернулся от Джулии и погасил свет. В комнате стало темно.

— Зажгите немедленно лампу, — потребовала Джулия. — Как иначе я найду дорогу обратно.

— Потолкаетесь среди мебели и как-нибудь выйдете. Я хочу спать, — зевая, посоветовал Гирланд. — Спокойной ночи... Надеюсь увидеть вас утром.

Она ощупью обошла кровать, и Гирланд, улыбаясь в темноте, вновь откинул одеяло. Последовала короткая пауза, затем он услышал легкое шуршание ткани, когда девушка сбросила с себя одежду.

— Я вас ненавижу, — проговорила она свистящим шепотом. — Но раз я здесь, я остаюсь.

— Я так и думал. Ведь это такое долгое путешествие пешком обратно по этому длинному коридору. — Он протянул руки, обнял Джулию и притянул к себе. Она глубоко вздохнула, и ее рот нашел рот Марка. Через мгновение они погрузились в сладостную пучину любви.

За свою суматошную жизнь Гирланд знал многих женщин, но для него обладание ими всегда было чем-то особенным. Иногда он бывал разочарован, иногда удовлетворен. Но Джулия дала ему нечто особенное, неиспытанное доселе. Позже они повторили все еще раз, и Гирланд не мог вспомнить ничего, что приносило бы ему большее наслаждение, чем испытанное в эту ночь. Потом они отдыхали, лежа друг подле друга. Снаружи до них доносился шум проезжающих мимо автомашин, из кафе напротив звучала музыка. Джулия, задыхаясь, ласкала его грудь.

— Я догадывалась, что это будет чудесно, но все же не представляла, что ты окажешься таким удивительным.

— Спать, — приказал Гирланд. — Не надо комментариев.

Солнечный свет, пробившись меж щелей в шторах, разбудил Гирланда. Он открыл глаза, протер их и глубоко вздохнул. Джулия лежала рядом, прекрасная и обнаженная.

Гирланд погладил рукой ее бедро. Она что-то пробормотала во сне, повернулась и, все еще с закрытыми глазами, крепко обняла его. На сей раз их любовная игра была менее страстной, но более нежной и продолжительной... Утомленные, они снова уснули.

Несколько позже Гирланд проснулся и взглянул на часы. Было двадцать минут десятого. Он мягко потряс Джулию.

— Пришло время вернуться в свой номер, — сказал он. — Уже больше девяти утра.

— Какая разница, — ответила она, потягиваясь. — Поцелуй меня!

Но Гирланд не хотел подвергать себя риску, так как не знал, во сколько обычно встает Раснольд. Ему совсем не улыбалось, что тот вдруг обнаружит номер Джулии пустым. Он соскользнул с постели и прошел в ванную. Открыв кран, прокричал:

— Возвращайся к себе. Встретимся внизу через час.

Освеженный и чисто выбритый, он вернулся в спальню. Джулия уже ушла. Заказав тосты, мармелад и кофе, он оделся и, открыв окно, наслаждался свежим майским воздухом, наблюдая за людьми, сновавшими внизу на улице.

В скромном отеле, расположенном напротив «Альпенхофа», Малих прошел по коридору и ударом ноги распахнул дверь номера Лабри.

Ви в бюстгальтере и трусиках сидела перед небольшим зеркалом. Лабри обувал туфли.

— Вы что? — испуганно вскрикнула Ви, закутываясь в халатик. — Вас что, никогда не учили стучать?

Малих проигнорировал ее возмущение, напомнившее ему Ковски. Он бросил паспорт Ви на кровать и позвал Лабри. Когда вышли, Малих сказал:

— Вы оба мне больше не нужны. Можете возвращаться в Париж. — Он вынул несколько банкнот по сто марок и передал их Лабри. — Я доволен вашей работой. Линтц и я сможем продолжить ее одни. Составьте рапорт на имя Ковски и скажите, что я наблюдаю за Гирландом. Но ничего больше. Вы все поняли?

Лабри кивнул. Он был рад вернуться с Ви в Париж.

— А она? — спросил он.

— Скажите ей, что она и в будущем может работать на нас, когда понадобится. Дайте часть денег ей. Их вполне достаточно на двоих. Я рассчитывал использовать ее здесь, но сейчас необходимость в этом отпала. Уезжайте как можно быстрее.

Он отпустил Лабри и спустился на террасу к Линтцу, сидящему за столиком.

— Ты рассчитался за номер? — поинтересовался он, садясь.

— Да, мы можем уезжать хоть сейчас.

— Я отправил обратно тех двоих. В изменившейся обстановке они бы нам могли только помешать.

— Что мы теперь будем делать?

— Эта троица собирается поехать в Абермиттен Шлос сегодня утром, — ответил Малих, зажигая сигарету. — Мы с тобой поедem за ними. Теперь я знаю, кто эта девушка. Это Джулия Шерман, дочь возможно будущего президента США. Она живет с Пьером Раснольдом, с которым и находится здесь. Раснольд подрабатывает порнографическими фильмами. Скорее всего, Джулия тоже снималась у него. Видимо, поэтому Шерман и приносил к Дорну кинопроектор. Скорее всего, дочь шантажирует батюшку. Теперь вот еще и Радниц появляется на сцене. Как мне известно, Радниц и Шерман знают друг друга. Радниц заинтересован в контракте на строительство плотины в Аркадии, и он получит этот контракт, если Шерман станет президентом. Следовательно, Радниц заинтересован в том, чтобы помешать этой девушке, то есть дочери Шермана, оказывать давление на отца. Раснольд, Гирланд и она приглашены в замок подручного Радница фон Гольтца... Зачем? Зная Радница и методы его работы, я больше чем уверен, что их там ликвидируют.

— И нас это касается? — спросил Линтц, глядя на Малиха.

— Еще как. По причинам, которые я сейчас не буду обсуждать, нас это действительно крепко касается, — ответил Малих.

Получасом позже, когда Малих и Линтц, выжидая, прогуливались по узкому тротуару, Ви и Лабри вышли из отеля. Лабри нес чемодан.

Ви прошла мимо Малиха. Этот гигант все еще внушал ей ужас. Словно ища защиты, она взяла Лабри под руку. Их путь лежал к железнодорожному вокзалу.

— Хорошенькая девушка, — заметил Линтц, наблюдая за торопливо семеневшими ножками Ви.

— Шлюха, — равнодушно пожал плечами Малих. — Главное, чтобы она была нам полезна.

— Да, — засмеялся Линтц, но, взглянув на Малиха, резко оборвал смех и вновь сделал серьезное лицо.

Около середины дня черный «мерседес» подъехал к отелю «Альпенхоф» и остановился. Маленький коренастый человек, одетый в ливрею, выбрался из машины и прошел в холл отеля. Малих напрягся.

Несколькими минутами позже этот же человек, в сопровождении Джулии, Гирланда и Раснольда, появился снова. За ними несли багаж.

— Они уезжают, — сказал Малих. — Тащи чемоданы! Линтц бегом скрылся в своем отеле.

Коротышка в это время говорил Гирланду:

— Вы будете ехать за мной. Замок совсем рядом. Не более часа пути.

— Хочу ехать в «мерседесе», — закапризничала Джулия. — Ты поедешь за нами... Хорошо?

— Нет, — коротко ответил Раснольд. — Ты поедешь со мной.

Гирланд, слыша этот разговор, сел в машину, запустил мотор и отъехал. Скорчив недовольную

гримасу, Джулия забралась в красный «триумф».

— Ты что, положила глаз на этого парня?

Джулия быстро посмотрела на него и покачала головой.

— Если я на кого-то и положу глаз, так это на графа... У него много денег.

Неприязненно взглянув на Джулию, Раснольд нажал на акселератор и поспешил за Гирландом.

Граф Ганс фон Гольтц сидел в старинном кресле перед Лу Силком, расположившимся на диване. Они находились в просторном холле замка, убранном с помпезной роскошью. Большие окна выходили в ухоженный парк. Точнее, даже не парк, а лес — такой он был большой и густой.

Граф фон Гольтц являлся племянником Германа Радница. Без помощи дяди фон Гольтц в свое время наверняка получил бы пожизненное заключение за изнасилование и убийство. В шестнадцать лет он жил со своими родителями в Саксонии, близ Гамбурга. Однажды он встретил юную австрийскую студентку, заблудившуюся в лесу их поместья. Поблизости никого не было, и молодой Ганс слишком настойчиво попытался познакомиться с нею. Та воспротивилась. После короткой борьбы Ганс все же изнасиловал девушку, а потом задушил. В страхе от содеянного он едва присыпал труп листьями и, помчавшись домой, сразу же во всем признался отцу. Герман Радниц как раз в это время гостил у своей сестры, матери Ганса. Фон Гольтц обратился к Радницу за помощью. Тот посоветовал пока ничего не предпринимать. Труп, разумеется, будет найден, но необходимо твердить, что Ганс неотлучно находился дома. Однако они не приняли в расчет одного из лесников, услышав крики девушки, он поспешил на помощь. Но опоздал, обнаружив лишь труп и часы убийцы. И тут же поднял тревогу. Когда на место преступления прибыла полиция, лесник, ненавидевший владельцев замка, отдал комиссару найденные им возле трупа часы, и Ганса сразу же арестовали. У него к тому же были исцарапаны руки, я это тоже стало уликой. Хотя он и утверждал, что его поцарапала кошка, никто ему, естественно, не поверил.

Дело бы приняло естественный оборот, если бы Радниц не принял свои меры. Он навестил лесника, и тот, соблазненный большими деньгами, изменил свои показания: дескать, хотел насолить фон Гольтцам и подбросил часы к трупу убитой.

После этого Радниц побеседовал с шефом полиции, стремившимся сделать политическую карьеру. Радниц пообещал содействие, и дело было закрыто.

Через год замок фон Гольтцев был разрушен бомбежкой, и родители Ганса погибли. Ганс служил в немецкой армии, и после демобилизации Радниц предложил отставному солдату стать управляющим его громадного поместья в Баварии. Фон Гольтц согласился и с того времени, то есть уже около пятнадцати лет, жил в одном из прекраснейших поместий Радница. Время от времени дядюшка навещал племянника, проверяя, как идут дела в поместье. Была у Ганса и другая обязанность. Он получал приказы съездить в Восточный Берлин и привезти оттуда объемистые пакеты для Радница. Однажды, выполняя дядино поручение, он даже побывал в Пекине.

Правда, такие поездки случались весьма редко. Чаще всего задания ограничивались делами на месте. Ганс добросовестно исполнял все приказы дяди, получая за это возможность жить в замке на широкую ногу — охотиться, принимать друзей, делая вид, что он тут хозяин.

Очередные инструкции дяди впервые заставили его испугаться. Радниц писал: «Возникла необходимость любыми средствами изъять три фильма у девушки. В помощь я посылаю Лу Силка, который займется этой проблемой. Тебе самому ни о чем не надо беспокоиться. Силк профессионал, хорошо оплачиваемый и достойный доверия. Твоя работа заключается только в изъятии фильмов. Но до тех пор, пока ты этого не сделаешь, Силк должен выждать».

— Я облегчил вам задачу, — заявил фон Гольтц дядиному посланнику, открывая шампанское. — Они приглашены сюда. Я отберу фильмы, а после этого вы сможете убрать всю их банду.

— Хорошо, — кивнул Силк. — Я не буду показываться до тех пор, пока фильмы не будут у вас. Кому-нибудь известно, что они едут к вам? Ведь в отеле наверняка знают, что эта троица приглашена в замок. Это может осложнить дело.

Фон Гольтц пожал плечами.

— Это уже ваши трудности. Моя задача — забрать фильмы.

— Ну что же, небольшое умственное упражнение может оказаться полезным мне, — Силк улыбнулся, поднимаясь на ноги. — А пока я испаряюсь. Будьте осторожны с Гирландом. Те двое совершенно безобидны, но Гирланд не подарок.

— Дядя тоже предупреждал по поводу него.

Силк вышел из зала и спустился по лестнице на второй этаж. Длинными галереями, украшенными охотничьими трофеями и средневековым оружием, он прошел в отведенные для него апартаменты. Заперев дверь на ключ и закрыв окно, выходящее на террасу парадного входа, он уселся в удобное глубокое кресло, закурил и принялся наблюдать за аллеей, ожидая гостей.

* * *

Дорога, ведущая к замку, свидетельствовала о богатстве хозяина. Поместье было обнесено семиметровым забором, украшенным наверху стальными пиками.

Железные ворота распахнулись перед черным «мерседесом» Гирланда, и он машинально отметил, что их половинки украшены затейливыми вензелями со стилизованными буквами "Г" и "Р". Это несколько удивило его. Почему не "Г" и "Г"? Он вдруг почувствовал непонятное беспокойство. Но идиллический пейзаж вокруг несколько успокоил. Подумалось, что это просто смешно — нервничать в таком прелестном месте. В зеркало Гирланд видел красный «триумф», идущий следом за ним. Три машины проехали еще километров пять, потом густой лес стал редеть, и они оказались на обширной поляне, вернее площади, украшенной фонтанами, клумбами с цветущими тюльпанами. На фоне голубого неба серо-белой громадой вырисовывался замок — величественное сооружение с башнями, башенками и террасами, многочисленными мраморными статуями. Парадный вход был столь широк, что в него могли въехать сразу, по крайней мере, два грузовика.

Джулия подбежала к Гирланду, который стоял рядом со своим «мерседесом».

— Ты только посмотри на это! — воскликнула она восторженно. — Какое величественное и впечатляющее сооружение. Никогда не видела ничего похожего!

К ним подошел Раснольд. Глядя на замок, он удивленно покачал головой.

Открылась тяжелая дверь, сделанная из мореного дуба, и на террасе появился фон Гольтц.

— Добро пожаловать, — проговорил он, улыбаясь и делая приглашающий жест рукой.

Пока двое слуг занимались багажом приезжих, они поднялись по мраморной лестнице на главную террасу.

— Какое замечательное место! — вновь воскликнула Джулия. — И вы живете здесь совершенно один? Но ведь здесь, по крайней мере, пятьдесят комнат!..

Фон Гольтц улыбнулся, но все же, видимо, польщенный ее восторгом, ответил:

— Здесь сто пятьдесят пять комнат. Это абсурдно, конечно... Такие апартаменты. Но мне нравится замок. Я живу здесь уже двадцать пять лет и не хотел бы его покинуть.

Гирланд окинул взглядом обстановку террасы. Все кресла были украшены маленькими гербами, на которых повторялся все тот же узор из двух стилизованных букв "Г" и "Р". Скрывая вопрос, он посмотрел на фон Гольтца, затем перевел взгляд на Раснольда и Джулию, любующихся ухоженной лужайкой перед замком.

— Фриц покажет вам ваши комнаты, — проговорил фон Гольтц, указывая на низенького человечка. — Вы, разумеется, хотите немного освежиться. Минут через тридцать будет подан завтрак. — Он сделал паузу. — Я разместил всех вас на первом этаже, в соседних комнатах, — он хохотнул: — В лабиринтах замка так легко заблудиться...

Минут через двадцать в огромную спальню Гирланда, главным украшением которой была необъятная постель, а из окон открывался вид на парк и темнеющий вдаль лес, ворвалась Джулия. На ней было простое белое платье и колье из голубых камней.

— Замечательно! — восторг исходился из нее. Она подбежала к Марку, потянула его от открытого окна. — Ты только посмотри на эту кровать... Она создана для любви!

Гирланд улыбнулся.

— Ну, это очевидный факт... Все постели созданы для любви, моя радость. Все зависит от того, кто на них.

— Моя комната за следующей дверью, — она понизила голос до шепота. — Я приду к тебе этой ночью.

Гирланд удивленно поднял брови.

— Что-то я не помню, чтобы приглашал тебя.

Она рассмеялась.

— Не надо дурачить меня, Казакова. Я же ведь прекрасно вижу, что ты меня хочешь... Все время. Я приду сегодня ночью.

— Там видно будет, — он посмотрел на нее. Она действительно была очень соблазнительной. — Где Раснольд?

— У себя. Давай спустимся вниз, я буквально умираю от голода.

Рука об руку они прошли через комнату. Прежде чем выйти, Джулия помедлила, привлекла к себе Гирланда и прошептала:

— Поцелуй меня!..

Едва он обнял ее, как в дверь постучали. Они отпрянули друг от друга. Гирланд открыл. На пороге возник Раснольд. Он внимательно посмотрел на Гирланда, затем его взгляд задержался на Джулии.

— А я уже гадал, где ты пропала!

— Ну вот ты меня и нашел. Я пришла посмотреть, как он здесь устроился... Посмотри, какой чудесный вид, не так ли? — восторженно повторила Джулия.

Раснольд подозрительно оглядел комнату, задержав взгляд на прибранной кровати, и покачал головой:

— Замок выглядит просто фантастично. Интересно, сколько это может стоить?

В коридоре послышался негромкий кашель, и в проеме двери возник Фриц.

— Завтрак готов, — сообщил он. — Прощу вас.

Стол был сервирован в огромном зале, способном вместить, по крайней мере, человек двести. Для начала подали икру с охлажденной водкой, затем дикую утку с вином урожая 1949 года. На десерт была земляника с шампанским.

Во время еды фон Гольтц умело поддерживал беседу, обращаясь главным образом к Джулии.

Гирланд снова отметил, что на всей серебряной посуде значились все те же загадочные инициалы "Г" и "Р". Это его вконец заинтриговало.

Когда они перешли в гостиную, где был приготовлен кофе с ликером, он не удержался и спросил об этом. Фон Гольтц пристально посмотрел на него, потом улыбнулся.

— Это делает честь вашей наблюдательности. По правде говоря, замок принадлежит моему дяде.

— Прекрасный обед, граф, — сказал Раснольд, усаживаясь в удобное кресло. Буквы и вензели его не интересовали. — Поздравляю вас. Ваш повар был бы нарасхват в лучших парижских ресторанах, и, имейте в виду, это не комплимент, а правда.

— Он француз, — уточнил хозяин замка, усаживаясь рядом с Джулией. Слуга сразу же подал напитки. Едва он отошел, как фон Гольтц повернулся к Гирланду.

— Мы разговаривали о моем дяде. Как я вижу, вы хотите знать, кто он.

Гирланд зажег сигарету. Сохраняя равнодушное выражение лица, он весь подобрался в ожидании ответа.

— Кто он?

— Это Герман Радниц.

Гирланд продолжал простодушно улыбаться, но сердце его екнуло: «Ловушка!» Так как молчать было невозможно, он сказал:

— Как я сразу не догадался! Мы как-то работали вместе. Как он поживает?

— Прекрасно.

— Мы его увидим здесь?

— Нет, — фон Гольтц закинул ногу на ногу и отпил кофе, изучающе глядя на Гирланда. — Думаю, нам нечего утаивать друг от друга. Вы думаете, что попали в ловушку, не так ли?

Гирланд отставил чашку с кофе и взял рюмку с бренди.

— Если Радниц действительно стоит за этим приглашением, то действительно не исключена такая возможность, — ответил он небрежно.

Джулия с изумлением слушала их разговор.

— Можно смеяться сейчас или?.. — спросила она. — Я что-то не понимаю ваш разговор.

— О, конечно, — ответил Гирланд, вытягивая свои длинные ноги. — Дядя графа один из влиятельнейших и богатейших людей мира. Если бы он не был так богат, то наверняка давно бы попал в тюрьму. Ведь его настоящее имя Генрих Кунцли. И богатство свое он сделал, снабжая нацистов и японцев мылом, маслом и порохом. При этом необходимо уточнить, что нацисты и японцы обильно снабжали его соответствующим сырьем: костями, волосами, жиром и зубами миллионов людей, убитых в концлагерях. А милый дядюшка нашего хозяина трупы евреев и других жертв последней войны перерабатывал в деньги. Не так ли, дорогой друг? — спросил он графа с легкой улыбкой. Фон Гольтц улыбнулся в ответ.

— Да... Я вижу, вы хорошо информированы, но это давняя история, — его глаза блеснули. — Какой вы въедливый человек, Гирланд. Все время суετε нос в чужие дела. Пора это оставить.

Гирланд отпил немного бренди и кивнул головой.

— О, мне это говорят уже не в первый раз. Но, признаюсь, это не мешает мне спать.

— Ради Бога, — воскликнула Джулия, — не объясните ли вы мне, что все это значит?

— Позвольте мне вам все объяснить, — сказал фон Гольтц. — Как мне известно, вы шантажируете своего отца. У вас имеются три порнографических фильма, которые вы угрожаете переслать его политическим конкурентам, если он не снимет свою кандидатуру на пост президента США. Вот мне и нужны эти три фильма... И я их возьму, — добавил он ледяным тоном.

Джулия вскочила на ноги. Кровь бросилась ей в лицо. Ее глаза зло сверкнули.

— Вы их не получите! — воскликнула она. — Пьер, мы уезжаем отсюда! Немедленно!.. Ну, чего ты сидишь, как идиот?! Уходим!

Раснольд взглянул на фон Гольтца, невозмутимо сидящего с рюмкой бренди в руке и улыбавшегося так, что Раснольд содрогнулся. Он перевел взгляд на Джулию.

— Лучше сядь и заткнись, идиотка! — сказал он злобно. — Разве ты не видишь, мы попали в

ловушку!

— Ловушка?! Он не сможет остановить нас... Я уезжаю отсюда! — топнув ногой, она помчалась к двери, открыла ее и побежала по громадному вестибюлю к выходу. Дверь была заперта. В бешенстве она повернулась и бросилась на террасу. Внизу сиротливо стоял красный «триумф». С возгласом облегчения она метнулась к мраморным ступеням, но вдруг замерла на месте. Две огромные немецкие овчарки, рыча и скаля зубы, поднялись на ноги, кровожадно поглядывая на нее. Она испуганно вскрикнула, отступила на несколько шагов и остановилась. Продолжая глухо рычать, овчарки начали медленно подниматься по ступенькам. Джулия бросилась назад в гостиную.

— Собаки!.. — запыхавшись, крикнула она и прикусила язык, так как фон Гольтц громко рассмеялся.

— Не могли бы вы сесть? — спросил он. — Вы не сможете уехать отсюда. Да, там собаки... И они немедленно разорвут вас, если вы будете настолько глупы, что сделаете попытку убежать. Где фильмы?

Джулия побледнела, но все же вскрикнула, блестя глазами:

— Вы их не получите!.. — она повернулась к Раснольд. — Сделай же что-нибудь! Скажи им... Не сиди, как остолоп! Сделай что-нибудь!

— Я предупреждал тебя. — Раснольд был бледным и встревоженным. — Я не сомневался, что это когда-нибудь случится. С меня достаточно...

Гирланд молча слушал все это. На некоторое время о нем как бы забыли. Между Джулией и Раснольдом разыгралась сцена, за которой заинтересованно наблюдал фон Гольтц.

— Он их не получит! — кричала Джулия, заламывая руки. — Он не сможет заставить нас отдать их! Он не может!..

— Вы ошибаетесь, — со вздохом промолвил Гольтц. — Когда я хочу чего-то, я всегда имею это. Желаете, чтобы я продемонстрировал свои способности убеждать?

— Пошел вон! — закричала Джулия, сверкая глазами. — Я ни за что не отдам пленки! Если вы нас не отпустите, я... я сообщу об этом в полицию!

Фон Гольтц смотрел на нее, как на капризного ребенка.

— Вы очень молоды и глупы. Интересно, каким же образом вы собираетесь предупредить полицию?

Джулия повернулась к Гирланду.

— А вы не можете сделать что-нибудь? — она вскочила, подбежала к нему и остановилась рядом. — Вы же настоящий мужчина и не можете просто сидеть здесь. Помогите мне уйти отсюда!

— Но, к сожалению, все козыри у нашего дорогого графа, — спокойно ответил Гирланд. — А я никогда не играю на верный проигрыш. Отдайте ему фильмы.

Джулия отвернулась от него с отвращением.

— Я их не отдам, — глухо проговорила она. — Понятно? Никогда не отдам!

Немец повернулся к Раснольд, поблескивая глазами от еле сдерживаемого бешенства.

— Вы, конечно, понимаете, у меня богатый набор средств, чтобы убедить вас обоих. Зачем лишние неприятности? Где фильмы?

Раснольд облизал сухие губы.

— Если ты ему скажешь, я тебя убью! — Джулия билась в истерике. — Он не сможет нас заставить...

Фон Гольтц с неожиданной быстротой вскочил с кресла и ударил Джулию по лицу так сильно, что она пролетела несколько метров, опрокинув по пути столик, и грохнулась на пол.

Гирланд опустил вниз сжатые кулаки. В создавшейся ситуации он ничего не мог предпринять, хорошо понимая, что при первой попытке дать отпор в зал влетят слуги.

Раснольд поднялся и посмотрел на Джулию, все еще лежащую на паркете, с прижатыми к пылающему лицу руками.

— Приношу свои извинения, — спокойно сказал фон Гольтц. — Я ненавижу подобные сцены, но эта маленькая идиотка никак не может понять, что к чему... Где пленки?

— В моем банке, в Париже, — ответил Раснольд.

— Сволочь! — Джулия вскочила на ноги. — Трус! Сволочь! — Она метнулась к Раснольду, но Гирланд перехватил ее.

— Спокойно, — прошептал он. — Не надо так волноваться. Вы же этим ничего не добьетесь.

Некоторое время девушка пыталась вырваться из его рук, потом посмотрела в лицо Марка, оттолкнула от себя и уселась в кресло, подальше от всех.

Гирланд вернулся на свое место, уселся на подлокотник, вытащил сигарету и закурил.

— Напишите письмо в свой банк, мистер Раснольд, — потребовал фон Гольтц. — И попросите, чтобы пленки передали подателю этого письма. Бумага и конверт лежат на столе. Когда мой посыльный вернется с пленками из Парижа, вы сможете беспрепятственно уехать отсюда.

Раснольд некоторое время колебался, потом пожал плечами и подошел к секретеру. Дрожащей рукой он написал записку, надписал, конверт и передал его фон Гольтцу.

— Отлично! Благодарю вас за понимание, мистер Раснольд. Через пару дней вы сможете уехать. А пока развлекайтесь, но я не советовал бы вам ходить на террасу. Понимаете, эти собаки очень злы. В замке имеется отличный бассейн, бильярдный зал. Прошу вас, почувствуйте себя как дома. Мы встретимся за обедом. Если вам что-нибудь понадобится, обращайтесь к Фрицу.

Держа письмо в руках, граф вышел, удовлетворенно улыбаясь.

Гирланд поднялся на ноги.

— После такого прекрасного завтрака мне хочется немного отдохнуть. — Он посмотрел на

Джулию. — Не встретиться ли нам через часок в плавательном бассейне?

Он вышел в холл, где на страже стояли слуги, спустился по ступенькам на первый этаж и ушел в свою комнату.

* * *

В четыре часа дня Гирланд вышел из своей спальни в купальных шортах и с полотенцем на правом плече. Фриц ожидал его в коридоре. Он поклонился и без слов проводил Марка в бассейн. Бассейн с подогреваемой водой находился в задней части замка под открытым небом. Вокруг него стояли столики, шезлонги и удобные лежаки.

Гирланд прыгнул с вышки, доплыл до противоположного бортика, некоторое время неподвижно лежал в теплой голубоватой воде, потом вернулся назад. Через несколько минут появилась Джулия в белом бикини. Она с разбегу врезалась в воду и поплыла, энергично работая руками. Гирланд проводил ее глазами. Держалась она, как заправский спортсмен-профессионал. Добравшись до края, села на бортик. Гирланд медленно подплыл к ней.

— Успокоились? — спросил он, улыбаясь.

— Оставьте меня в покое, — огрызнулась девушка. — Это совсем не смешно. Вам известно, что нас ожидает?

Он схватил ее за лодыжку и стянул в воду. Она свалилась, поднимая брызги, и замахнулась рукой, намереваясь ударить Марка.

— Осторожно, за нами наблюдают, — шепнул Гирланд, прижимая ее к себе, — Из окна второго этажа на нас смотрит какой-то тип.

Джулия высвободилась из объятий, еще раз переплыла бассейн, после чего вернулась к Гирланду.

— Кто это?

— Я ведь знаю не больше вашего. Вылезайте, погреемся. Говорите потише и перестаньте нервничать. Помните, за нами все время наблюдают.

Они растянулись на пляжных матрасах. Появился толстый фриц с сигаретами и зажигалкой. Поинтересовался, не требуется ли еще чего-нибудь. Джулия отказалась, но сигарету все же взяла. Когда Фриц ушел, Марк прошептал:

— Надеюсь, вы понимаете, как мы влипли?

Джулия повернулась к нему.

— Вы меня интригуете. Какую роль во всем этом играете вы?

— Ваш отец нанял меня, чтобы я раздобыл эти фильмы, — тихо ответил Гирланд, лежа на спине и глядя в небо. — Но меня удивляет, как может такая девушка, как вы, участвовать в подобных съемках.

— Так вы работаете на моего отца?

Она подхватила с матраса, потом с большим усилием подавила гнев и снова улеглась рядом.

— Но я работаю за деньги. Я, если говорить откровенно, не очень симпатизирую вашему отцу, а вас я не люблю тем более. Для меня это работа и все.

— Так вы не любите меня?! Да, действительно, в это можно поверить, особенно после прошлой ночи, — саркастически сказала Джулия, испепеляя его взглядом.

— Когда девушка без приглашения приходит ко мне в спальню и бросается на шею, к тому же достаточно красивая, я беру то, что мне предлагают. Но это еще не означает, что мне нравится эта девушка. Тем более нельзя ничего говорить о любви...

— О! Почему же я вам не нравлюсь?!

— Потому что вы шантажистка, — Гирланд сделал глубокую затяжку, докуривая сигарету. — А мне никогда не нравились шантажисты.

— Согласна. Я шантажистка, — проговорила она глухо. — Но как иначе я могу помешать моему отцу стать президентом? Ему ведь совершенно наплевать на меня. Ему ведь всегда было наплевать, что со мной, где я, и вообще на мое существование. Теперь же я сделаю все возможное для того, чтобы он не был избран. Я использовала единственное оружие, которое у меня имелось.

Гирланд повернул голову и некоторое время внимательно изучал ее.

— Скажите мне, почему вы хотите помешать ему стать президентом?

— Это понятно. Потому что он попросту недостоин такой чести. Он слаб духом, труслив и глуп. Потому что моя мать и он думают только о себе. Потому что они опьянены властью.

— Это сугубо ваша точка зрения. Я, разумеется, не говорю, что вы правы. Вы работаете с Раснольдом. И эта ваша организация «Нет войне!», она вам нравится?

— А почему бы и нет?

— О, это старая история, Джулия. Люди всегда хотят ловить рыбку в мутной воде. Если бы Раснольд и его организация ценили вас — а вы их, несомненно, весьма интересуете, так как на самом деле можете помешать одному из неугодных им людей стать президентом, — у вас не было бы всех этих неприятностей. Разве не из-за этой организации вы начали шантажировать отца?

— Да. Если вы так думаете, что... Мне наплевать. И вообще, из всего множества причин есть одна главная.

Он испортил мне жизнь. А теперь пришла моя очередь.

— А вы уверены, что это он испортил вам жизнь? А может быть, в том есть и ваша вина?

— Не смейтесь надо мной, — закричала она в бешенстве. — Мои родители никогда меня не хотели! Они сделали все, чтобы избавиться от меня! А теперь, когда я действительно могу отомстить им за все, вы хотите, чтобы я задумалась, правильно ли поступила. Послушайте, может быть, вы мне и не поверите, но мне было очень страшно сниматься в этих фильмах. Однако Пьер заверил, что если я снимусь, мой отец никогда не станет президентом. И я согласилась...

— Нет, — возразил Гирланд. — Я не верю вам. Лучше посмотрите правде в лицо, Джулия. Ведь вы теперь обыкновенная шлюха. Идеи этой дурацкой организации вам просто вбили в голову. Вам было лестно считать себя настолько значительным лицом, которое может даже помешать кому-то стать президентом США, пусть это и ваш отец. Но если бы не было Раснольда и его шайки, вам было бы в высшей степени наплевать, станет ли ваш отец президентом или нет.

— Вы отвратительны! Я вас ненавижу! Ведь вы сами не сказали ни единого слова правды! Граф, конечно, может забрать эти фильмы, но едва я вернусь в Париж, я снимусь в новых. Мой отец никогда не станет президентом!

— Вернетесь в Париж? — Гирланд закурил еще одну сигарету. — Кто вам сказал, что вы вернетесь в Париж?.. Неужели вы в это верите?

Она широко раскрыла глаза.

— Но... Конечно! Я вернусь в Париж. Что вы хотите сказать?

— Это просто невозможно, — спокойно сказал Гирланд, глядя на маленькое облачко, наплывавшее из-за высокой башни. — Вы глубоко заблуждаетесь, дорогая. Едва только фон Гольтц получит в свои руки эти злосчастные пленки, он определенно позаботится, чтобы никто из нас не вышел из этого замка. Так что вряд ли вам с Раснольдом удастся создать еще хотя бы один фильм.

Джулия некоторое время подавленно молчала, потом неуверенно сказала:

— Он не сделает этого! Вы увидите. Как только они будут у него, мы сможем уехать. А едва я вернусь в Париж, как тут же снимусь по новой.

— Вы никогда больше не вернетесь в Париж.

Джулия хотела заспорить, но вдруг, побледнев, уставилась на Гирланда.

— Вы думаете?..

— Никаких сомнений. Когда фильмы будут доставлены, наш милейший гостеприимный граф сразу же освободится от нас. — Гирланд поднял голову и огляделся, особое внимание уделив темнеющему вдаль лесу. — Как я вижу, здесь достаточно места для трех скромных могил.

— Как вы можете так говорить, — Джулия буквально подскочила на матрасе. — Чуть.

— Если это распоряжение его любимого дяди, а я уверен в этом, нет никаких сомнений, нас обязательно уничтожат.

— Но нельзя же убить трех человек просто так! — простонала она. — Вы ошибаетесь! В отеле знают, где мы. Если мы исчезнем, обязательно будет назначено следствие. Полиция... Он не может... Он не осмелится.

— Я видел что-то весьма интересное из окон моей спальни, перед тем как спуститься сюда, — усмехнулся Гирланд, устремив глаза к небу. — Один из слуг фон Гольтца выезжал из замка на «триумфе», а другой на моей машине. Мне кажется, ваш «триумф» будет найден на стоянке в аэропорту Мюнхена, а моя машина в любом другом месте. Разумеется, полиция придет сюда, но, не забываяте, фон Гольтц достаточно важная персона здесь. Он скажет, что мы провели у него ночь и уехали в Париж. Он даже может притвориться расстроенным. Вы же не думаете,

что полиция обыщет здесь буквально каждый метр, чтобы найти наши трупы.

Джулия задрожала.

— И все же я не верю. Вы просто пытаетесь запугать меня, потому что ненавидите.

Гирланд пожал плечами.

— Откровенно говоря, вы мне просто безразличны, Джулия. Вы просто бедная девушка с соответствующими комплексами. Признаюсь, девочки с комплексами меня утомляют. Послушайте: посыльный прилетит в Париж сегодня около десяти вечера. А за фильмами он пойдет только завтра утром, следовательно, сможет вылететь в Мюнхен не ранее двух дня. Сюда же он доберется только к шести часам. Таким образом, до завтрашнего вечера нам необходимо придумать, как выбраться отсюда живыми и невредимыми.

— А вы действительно уверены, что этот человек убьет нас всех, когда фильмы будут доставлены ему?

Гирланд поднялся на ноги, повесил полотенце на плечо и улыбнулся Джулии.

— А на его месте разве вы не поступили бы точно так же? — спросил он и ушел по террасе в направлении своей комнаты.

Джулия широко раскрытыми глазами рассматривала расстилающуюся перед ней нарядную лужайку. Поодаль от бассейна она заметила двух громадных черных псов, лежащих на земле. Собаки сторожили каждое ее движение. Дрожая от страха, Джулия схватила полотенце и бросилась вдогонку за Гирландом.

* * *

Из раскрытого окна второго этажа Лу Силк стряхнул пепел вниз и поднялся с кресла. Он посмотрел на собак, потом взял со стола винтовку с оптическим прицелом. Он очень любил это оружие. Положив ствол на подоконник, он прицеливался в одного из псов. Перекрестье оптического прицела остановилось на черепе с торчащими ушами. Силк слегка подкрутил резкость, голова отчетливо вырисовывалась в прицеле. Он с удовольствием прислонил винтовку к стене.

В дверь тихо постучали, и в комнату вошел фон Гольтц.

— Оба автомобиля отогнаны, — сообщил он, закрывая за собой дверь. — Вы уверены, что сможете освободиться от них без особого риска?

— Да... Никаких проблем, — Силк снова сел. Он зажал сигарету в своих тонких губах. — Где мы сможем избавиться от них?

— Совершенно безразлично, где, — сказал фон Гольтц. — Завтра утром подумаем над этим.

— Вы доверяете вашим людям?

Фон Гольтц некоторое время колебался.

— Да... Доверяю.

Силк в упор смотрел на фон Гольтца.

— Смотрите... Если вы уверены, то это ваше дело.

Фон Гольтц забежал по комнате.

— А как вы намереваетесь это проделать?

— Ну, скажем, небольшое упражнение в стрельбе... Это должно быть забавным. — Силк взял в руки винтовку двадцать второго калибра и прицелился. — Отличное оружие! Под каким-либо предлогом выманите их на лужайку, а уж я подстрелю эту троицу, как кроликов.

Фон Гольтц задрожал.

— Опасайтесь Гирланда.

Силк широко улыбнулся.

— Я его убью первым, — заверил он, кладя винтовку на стол.

* * *

Едва Гирланд вошел в спальню, как инстинктивно почувствовал, что здесь кто-то побывал. Это не было для него неожиданностью. Он запер дверь, достал чемодан и вывалил его содержимое на кровать. Внимательно осмотрев дно, удовлетворенно покачал головой. Тот, кто проверял чемодан, скорее всего был любителем, а не профессионалом. Гирланд нажал на крохотную, еле заметную кнопку, двойное дно поднялось, открыв спрятанные там восьмизарядный вальтер, нож с двумя лезвиями, отточенными, как бритва, и слезоточивую бомбу.

Всякий раз, когда Гирланду приходилось выполнять дела подобного рода, он прихватывал с собой этот набор.

Удовлетворенный, что никто не обнаружил секретное содержимое чемодана, он снова закрыл его, уложил вещи и засунул чемодан на прежнее место. Потом снял плавки, насухо обтерся полотенцем и облачился в халат. После этого вышел на балкон и удобно устроился в кресле. Отсюда лужайка просматривалась достаточно хорошо.

Под вечер, когда воздух заметно посвежел, Гирланд вернулся в комнату. Принял теплый душ и начал неторопливо одеваться, собираясь отправиться на ужин. Когда он уже завязывал галстук, дверь его комнаты внезапно распахнулась и в спальню влетела Джулия с перекошенным от страха лицом и вытаращенными глазами.

— Помешайте ему! — закричала она, хватая Гирланда за руку. — Он хочет удрать.

Гирланд среагировал мгновенно.

— Где он?

— Он спустился вниз на террасу.

Марк выбежал на балкон. Как раз в этот момент Раснольд спрыгнул на землю, рядом с бассейном. Он был вооружен средневековым клинком, явно снятым со стены в холле.

— Раснольд, не делайте этого! — кричал Гирланд.

Джулия не отставала от Марка, моля Пьера вернуться.

Раснольд не обращал на крики внимания. Спустившись еще на несколько ступенек, он, словно заяц, помчался по лужайке и вскоре исчез в надвигающихся сумерках. Слышен был только топот его ног.

Внезапно на крыше замка загорелся мощный прожектор. Луч ослепительного света уперся в фигуру Раснольда, бегущего по лужайке.

Из темноты выскочил пес. Раснольд остановился и повернулся к нему. Блеснуло лезвие клинка, и пес забился в судорогах на траве, а Раснольд побежал дальше. Из темноты вылетела вторая собака и бросилась на беглеца. Но Раснольду удалось увернуться. Пока она разворачивалась, Раснольд успел приготовиться. Вновь выпад клинком, и собака взвыла, пытаясь схватить себя за пораненную лапу. Джулия закричала и закрыла лицо руками. Гирланд, облокотившись о перила, наблюдал за развитием событий. Раснольд уже приближался к темнеющему лесу, и Марк было подумал, что он достигнет спасительных деревьев. Они были совсем рядом, и в этот момент на балконе второго этажа прозвучал еле слышный выстрел.

Лу Силк удовлетворенно опустил винтовку. Раснольд неподвижно лежал в высокой траве, его голова откинулась назад.

— Они же убили его! — простонала Джулия, широко раскрытыми глазами уставившись на неподвижное тело Раснольда. — Я говорила ему! Я предупреждала его, но он не поверил! Он не стал слушать меня! — причитала она.

Не обращая на нее ни малейшего внимания, Гирланд вбежал в спальню, схватил чемодан и вновь вывалил его содержимое на постель. Открыв двойное дно, схватил пистолет и сунул его в задний карман брюк. Кое-как упаковав содержимое, он захлопнул чемодан. В спальню, шатаясь, вошла Джулия, бледная от пережитого.

— Успокойтесь! — рявкнул Гирланд. — Нечего впадать в истерику. Где ваш паспорт?

— Паспорт? — она непонимающе уставилась на него.

— Где он?

— В моей комнате.

— Найдите его... Быстро!

— Они Пьера убили! — снова простонала она.

Гирланд схватил ее за плечи и встряхнул:

— Быстро тащите сюда паспорт!

Рыдая, она бросилась к себе. Гирланд пошел за ней. Когда он вошел, Джулия нервно рылась в сумочке. Он вырвал сумочку из ее рук, вытащил оттуда паспорт и, схватив Джулию за руку, вытолкнул в коридор.

— Ни звука!

По лестнице они поднялись на второй этаж. Гирланд осмотрел длинный коридор, и они поднялись этажом выше. Уже слышен был топот ног слуг фон Гольтца на первом этаже.

Перегнувшись через перила и свесившись немного вниз, Гирланд видел, как несколько слуг в ливреях бросились в его комнату. Стоя неподвижно, он ждал, что же последует дальше.

Один из слуг выскочил на площадку и заорал:

— Его там нет!

Когда зазвенел резкий звонок, Гирланд схватил Джулию за руку и увлек в темный коридор.

Глава 5

«Фольксваген-1500» стоял на обочине, неподалеку от ворот старинного замка. Мужчина гигантского роста с серебристыми волосами, одетый в поношенный костюм, копался в моторе. Другой человек сидел рядом на траве и курил сигарету. Время от времени мимо них проносились машины, направлявшиеся в сторону Мюнхена, но никто из водителей не остановился и не предложил помощь.

Малих уже в пятый раз отвинчивал свечу. Даже будучи уверенным, что за ним никто не следит, он, тем не менее, не полагался на случай. Когда он в очередной раз ставил свечу на место, ворота открылись и оттуда выехал красный «триумф».

Малих выпрямился и проводил машину глазами, направляющуюся, похоже, в Мюнхен. Он прекрасно знал, что машина принадлежит Раснольдту. Но сейчас за рулем сидел совсем другой человек, коренастый, со светлыми волосами, в плохо сшитом костюме.

Малих быстро принял решение. Он опустил капот и крикнул мужчине, сидевшему на траве:

— Следуй за ним!

Линтц мгновенно вскочил на ноги и скользнул за руль.

— А что будешь делать ты? — спросил он, запуская двигатель.

— Не беспокойся. Проследи весь его маршрут. Едва только узнаешь конечный пункт, сообщи мне.

Линтц кивнул.

Малих спрятался в лесу. Удобно устроившись под кустом, он стал терпеливо ждать. Вскоре из ворот замка появился черный «мерседес» Гирланда и двинулся в сторону Гермиша.

Малих задумчиво почесал щеку, размышляя, что и на сей раз он прав. Все трое, без сомнения, находятся в ловушке, и сейчас фон Гольтц освобождается от машин, прежде чем устранить их владельцев. И все же он пришел к выводу, что следует дожидаться ночи.

Два часа спустя, когда уже достаточно стемнело, Малих подошел к ограде замка и осторожно пошел вдоль нее. Найдя удобное место, вытащил из кармана стальную кошку на тонком нейлоновом тросе. Со второй попытки кошка надежно зацепилась за что-то наверху. Малих огляделся вокруг и быстро вскарабкался по шнуру на высокую стену. Поднявшись, он остановился и посмотрел вниз. Затем отцепил крюк, перебросил веревку на другую сторону и надежно закрепил ее. Спустившись вниз, он отцепил ее и, свернув, вновь положил в карман. После этого, вытащив маузер, снабженный глушителем, как тень двинулся по лесу, пока не добрался до начала лужайки. Луна спряталась за облаками, и в лесу стало совсем темно. В

окнах замка начали зажигаться огни. Прислонившись к дереву, он принялся терпеливо ждать.

Прошел еще час, и он стал свидетелем разыгравшейся драмы. Он заметил человека, бежавшего в его сторону.

Вдруг сильный луч осветил бегущего. Малиху оставалось только быть безучастным свидетелем борьбы Раснольда с собаками, и когда он уже надеялся, что тот вот-вот достигнет леса, послышался отдаленный звук ружейного выстрела.

Спрятавшись за деревом, Малих видел, как двое слуг подняли труп и унесли в замок.

* * *

Лу Силк и фон Гольтц, стоя на освещенной террасе, смотрели в сторону леса. Фон Гольтц держал в руке мегафон. Время от времени он медленно и четко увещевал:

— Вы не сможете нигде спрятаться. Не приближайтесь к стене, к ней подведен ток высокого напряжения. Возвращайтесь назад. Мистер Раснольд ранен, но ничего серьезного. Возвращайтесь!

Силк нетерпеливо переминался с ноги на ногу.

— Вы уверены, что они не смогут бежать?

Фон Гольтц ответил:

— Несомненно... Они не смогут уйти отсюда сейчас... Стена и ворота смертельно опасны, и все же в темноте мы вряд ли их найдем. Если бы у меня были собаки, но без них...

— У вас их больше нет?

Фон Гольтц с сожалением покачал головой.

— Эти две были специально выдрессированы для охоты на людей. Это были прекрасные сторожевые собаки и к тому же они никогда не задавали лишних вопросов. Что ж, когда станет светло, придется пойти на охоту в лес. Это будет весьма занятная охота. Я уверен, эти двое не смогут выбраться отсюда... Но если они все же попытаются перелезть через стену...

Фон Гольтц снова включил мегафон и повторил предостережение об электрическом токе.

Слыша это, Малих мрачно улыбался.

Гирланд, находящийся на балконе нависающего над террасой третьего этажа, пользуясь темнотой, чувствовал себя в безопасности; он втянул Джулию с балкона в темную, захлавленную старой мебелью комнату и закрыл окна.

— Полный порядок, — прошептал он. — Они, как я и предполагал, думают, что мы в лесу. — Он зажег небольшой электрический фонарик и осмотрел помещение. — Глядя на все это, можно подумать, что мы на железнодорожной станции, — пробормотал он, беря Джулию за руку. Пробираясь между пыльной мебелью, они отыскивали какую-то дверь. Гирланд осторожно толкнул ее и прислушался, направив луч фонарика в темноту.

— Мы устроимся здесь, — решил он. — Пока лучшего места не отыскать.

Дрожа от страха, Джулия опустилась на пыльную кровать. Гирланд закрыл дверь и подошел к ней.

— Что мы будем делать? — прошептала она. — Ведь если нас обнаружат, то наверняка убьют, да?

— Пусть вначале обнаружат, — Гирланд мрачно улыбнулся. — Они наверняка будут ждать рассвета и только после этого начнут охоту в лесу. Когда это произойдет, я спущусь вниз и попытаюсь найти телефон. Нужно предупредить кого-нибудь из военных в Мюнхене. Они сразу же начнут действовать, и с их помощью мы вскоре будем на свободе. Нечего беспокоиться об этом. Дождемся первого завтрака и...

— Позвать армию? Да вы с ума сошли! — воскликнула Джулия, пытаясь в темноте разглядеть выражение лица Гирланда. — Почему вы хотите, чтобы именно военные занимались этим? Не лучше ли обратиться за помощью к полиции?

— Нет... Только американская армия, — сказал Гирланд. — Не нужно забывать, что вы дочь будущего президента США. Едва я сообщу им, что вы в опасности, что вас похитили, как все наличные вооруженные силы в Германии, включая танки и вертолеты, примчатся спасать вас.

— Нет! — в испуге закричала Джулия. — Я никогда не воспользуюсь именем своего отца.

Гирланд устало вздохнул.

— Вы в этом уверены?

— Да... Я никогда...

— Порядок. Порядок, не надо на меня орать. Итак, вы не хотите, чтобы вас спасала армия Соединенных Штатов?

— Нет!

— А жаль... Было бы весьма занятно посмотреть, как танки генерала разламывают эти решетки. Ну хорошо, вот что вы сделаете. Вы спуститесь вниз, найдете графа, мило расскажете ему, что не хотите иметь ничего общего со своим папочкой, и попросите сделать небольшую любезность — перерезать вам горло.

Джулия окаменела от ужаса.

— Вы изверг! — воскликнула она. — Вы ничего в этом не понимаете!

— Я только понимаю, что вы девчонка, которая слишком быстро развилась физически, но тем не менее осталась ребенком в умственном смысле. Мы зря теряем время. Вы уверены, что не хотите обратиться за помощью к американской армии?

— Лучше умереть...

— Совсем не исключено, совсем не исключено... Что ж, в таком случае я буду выбираться сам. Вы же можете оставаться здесь и дожидаться, пока вас найдут. Мне ведь не нужна армия, чтобы выбраться отсюда. Салют, девочка!

Он хотел подняться, но Джулия вцепилась в его руку.

— Не оставляйте меня!

— Увы, придется это сделать. Нужно заботиться и о своей шкуре. А девчонка с политическими амбициями — всегда обуза. Я даю вам десять минут на размышления: либо вы остаетесь здесь, либо сразу же опускаетесь вниз к графу. Кто знает, вдруг он и сжалится над вами, а может, даже и женится на вас. Но, готов держать пари, он просто перережет вам горло.

— Вы отвратительны! Как можно меня покинуть в такой момент!

— Не нужно нервничать, девочка. Вы должны выбрать... Есть, кстати, и третий путь... Мы можем договориться. Я вытащу вас отсюда, не обращаясь за содействием к армии, но прежде мы заключим одно небольшое соглашение.

— Какое?

— Вы должны пообещать мне, что оставите в покое вашего отца и больше не будете участвовать в этой дурацкой организации. И, само собой, не сниматься в порнографических фильмах.

Она выпрямилась и вздохнула.

— Вы действительно наемник моего отца?

— Нет, моя радость. Я работаю только на себя. Этим делом я занялся исключительно ради денег. Мне ровным счетом наплевать на него. Но если я берусь выполнить какую-то работу, то всегда довожу ее до конца. Если вы дадите мне слово, я помогу вам. Честно говоря, Джулия, мне в высшей степени безразличны политические амбиции вашего отца, как и ваше поведение. Если вы серьезно думаете, что сможете сами выкрутиться из этой ловушки и вернуться в Париж, чтобы снова делать эти свинские кадры. Бог вам судья.

— Но это же самый настоящий шантаж, — проговорила Джулия, несколько успокоившись.

— Ну и что с того? Разве это противоречит вашим принципам? У нас еще есть немного времени, так что подумайте над моим предложением, а я пока полюбуюсь пейзажем.

Гирланд поднялся, открыл дверь и вышел на балкон. Луч прожектора по-прежнему шарил по лесу. На лужайке суетилась группа слуг в ливреях. Вновь раздался металлический голос, предупреждающий об электрифицированной ограде. Надежно скрытый темнотой, Гирланд стоял на балконе, радуясь, что собак больше нет и не надо их опасаться.

Тем временем людей на лужайке стало значительно больше. Точно пересчитать их было невозможно, так как они то появлялись, то исчезали из луча прожектора. Наконец Гирланд решил, что дал Джулии достаточно времени на размышления. Если она откажется, он ее все равно не оставит. Но он все же надеялся, что его блеф даст нужный эффект. Марк вернулся в помещение.

— Итак, что же мы скажем друг другу на прощание?

— Если я дам слово, какая гарантия, что вы вытащите меня отсюда?

— А какая гарантия, что вы сдержите свое слово? — вопросом на вопрос ответил Гирланд, усаживаясь рядом с ней.

— Когда я даю слово, я всегда его держу, — запальчиво сказала Джулия. — Пусть я шлюха и ничего не стою, но я всегда держу свое слово.

— Если вы этого не сделаете, ничто в мире вам не поможет.

— Прекратите меня запугивать! — закричала она зло. — Я же сказала, что держу слово. Сколько можно это повторять? Но есть ли хоть малейшая возможность вытащить меня отсюда?

Марк пожал плечами.

— Я не могу этого утверждать, Джулия. Внизу, по крайней мере, тридцать человек. Все вооружены. К тому же эта стена... Существует еще снайпер, хорошо знающий свое дело. Нельзя забывать и о графе, который из кожи вылезет, чтобы выполнить приказ своего дорогого дядюшки. Без вас я бы наверняка вырвался, но вы заметно осложняете задачу. Все это, конечно, трудно, но не невыполнимо. Только совершенно необходимо, чтобы вы подчинялись всем моим требованиям. Это будет нелегко для вас, но ничего не поделаешь...

— Согласна... Я дала слово и сдержу его.

— Я удовлетворен. А пока... Пока у нас впереди целая ночь.

— Вы что, собираетесь спать?

— Почему бы и нет? У нас еще есть время.

— А нельзя ли попытаться выбраться сейчас?

— Мне нужны эти фильмы. Когда я передам их вашему отцу, он выдаст мне десять тысяч. Поэтому нужно оставаться здесь и дожидаться, пока привезут фильмы. Мы уйдем только после этого.

— Вы с ума сошли! Вы же не сможете их достать! Они никогда не позволят вам это сделать!

— Спокойно, Джулия. Доверьтесь мне. Я не уйду отсюда без этих фильмов. Я же сказал, что у нас есть шанс выбраться отсюда. Доверьтесь мне. А сейчас я хочу спать.

* * *

Видя, что слуги направляются как раз к тому месту, где он прячется, Малих забрался поглубже в заросли. У каждого из охотников имелся мощный электрический фонарь, но это нисколько не беспокоило Малиха. Лично он никогда не отдал бы приказ производить ночные поиски в лесу. Он поднял глаза и на одном из деревьев обнаружил толстый сук. Через минуту он уже удобно устроился на нем. Внизу мелькали лучи фонарей, под ногами преследователей трещал хворост.

Поиски продолжались около часа. Потом до кого-то, видимо, дошло, что они зря теряют время. Было уже около пяти часов утра, и Малих, глядя вслед удаляющейся поисковой группе, невольно подумал о завтраке. Он видел, как все слуги скрылись за дверью черного хода, и только низенький, коренастый человек, тоже одетый в ливрею, взбежал по ступенькам террасы и что-то сказал двум сидящим в креслах мужчинам, ожидавшим его.

— Ну? — сухо спросил фон Гольтц.

— Совершенно невозможно, господин граф, — ответил слуга. — Нет никаких шансов

обнаружить их в темноте. Утром, может быть, но сейчас...

— А вы уверены, что сможете найти их завтра?

Слуга поклонился.

— Понадобится какое-то время, но ведь у них нет никакой возможности убежать отсюда. К тому же к завтрашнему утру им захочется есть и пить.

Фон Гольтц жестом отослал его. Когда слуга ушел, Лу Силк допил виски с содовой и посмотрел на графа.

— Вы удовлетворены?

Граф пожал плечами.

— Мои люди сделали все, что могли, — заметил он. — Но они правы, в темноте их найти невозможно. Едва рассветет, мы их быстро обнаружим. Гирланд не вооружен, это я знаю точно. Когда он был в бассейне, мои люди обыскали его вещи. Так что обнаружить их — не более чем вопрос времени.

Появился дворецкий и объявил, что кушать подано.

Фон Гольтц и Силк уселись в обеденном зале за обильно сервированный стол. Граф немного обиделся, увидев, что Силк едва притронулся к еде.

— Может быть, попробуете это, — спросил он, пододвигая к гостю еще одну тарелку.

— Благодарю, с меня достаточно. Я не голоден, — буркнул Силк, отодвигая кушанье.

Фон Гольтц раздраженно сделал знак слуге, чтобы подали новое блюдо.

— Что вас беспокоит? — спросил он у Силка.

— Поговорим позднее.

Принесли баранину, но к этому времени и фон Гольтц уже потерял аппетит. Волнение передавалось и ему. Радниц предупреждал же его, что Гирланда надо опасаться. А ведь американец, похоже, ускользнул. На паре сотен акров леса можно найти множество укромных убежищ. Хотя фон Гольтц был уверен, что Гирланду не удастся преодолеть ограждение замка, он допускал, что тот еще долго может прятаться в каких-нибудь зарослях.

Рубильник, включающий ток в проводах, находился в помещении охраны. Утром его обязательно отключают, чтобы впустить в замок приходящую службу. Если Гирланд догадается об этом, он в укромном месте сумеет беспрепятственно перебраться через ограду. Но откуда он может знать это?

Совершенно потеряв аппетит, фон Гольтц отодвинул тарелку и приказал слуге, неподвижно застывшему у него за спиной, прислать старшего охраны.

— В чем дело? — спросил Силк, глядя на графа.

— Гирланд, — фон Гольтц поднялся. — Мысль о том, что он где-то прячется, не дает мне покоя. Я знаю, что он не может удрать, но...

Вошел начальник охраны.

— Что происходит на галерее? — спросил фон Гольтц.

— Все в порядке, экселенц, — заверил охранник. — Трое будут дежурить все время.

Фон Гольтц немного расслабился.

— Прекрасно. Пусть они будут начеку.

— Разумеется, экселенц, — охранник поклонился и вышел.

— Может быть, немного сыра? — предложил граф, снова садясь за стол. Хорошие вести вернули ему аппетит. Он уже почти жалел, что приказал убрать баранину со стола.

— С меня достаточно, — отказался Силк и, поднявшись, подошел к открытому окну. Некоторое время он осматривал полутемную террасу, затем перевел взгляд на темнеющий вдали лес.

Фон Гольтц, пережевывая сыр, раздумывал, не приказать ли принести вновь баранину, но решил присоединиться к Силку. Он недолюбливал его. Этот невозмутимый американец, выходец из самых низов общества, со своими манерами профессионального убийцы, всегда расчетливый и беспощадный, внушал ему отвращение. Но он вынужден был терпеть его. Силк пользовался полным доверием дяди. А это значило, что если Силк даст ему, Гансу, нелестную характеристику, его могут изгнать из замка. Когда Радниц был недоволен кем-то, того немедленно увольняли, или, еще хуже, бедняга таинственно исчезал.

— Что еще? — нервно спросил он у Силка.

— Я пытаюсь поставить себя на место Гирланда, — медленно сказал Силк, зажигая сигарету. — Я начинаю думать, что он обманул нас. Мы исходим из предпосылки, что раз Раснольд предпринял попытку убежать, Гирланд поступил точно так же. Мы предполагали, что когда Раснольд отбивался от собак, Гирланд с этой девкой спокойно могли удрать в противоположную сторону и без помех достичь леса. Ведь все внимание было сосредоточено на Раснольде. Но если допустить, что они не сделали этого? Если они попросту поднялись выше? На месте Гирланда я поступил бы именно так. Ведь в замке очень много укромных уголков, чтобы хорошо спрятаться. Можно потратить несколько дней на безуспешные поиски в лесу, а они в это время будут скрываться в самом замке.

Фон Гольтц замер.

— Уж не думаете ли вы, что Гирланд настолько глуп, чтобы остаться в доме? У него была прекрасная возможность убежать, и он, естественно, воспользовался ею.

— Это вы так думаете? Но ведь он не мог знать, что у вас только две собаки. Нет, я уверен, он до сих пор находится в замке вместе со своей девкой. И мы это скоро узнаем. Я обшарю весь дом сверху донизу. Даже если их здесь и нет, это хоть как-то займет ваших людей.

— Что ж, это неплохая мысль. Я согласен с вами.

Они вернулись в обеденный зал.

— Что ж, я, пожалуй, съем немного сыра, — сказал Силк, садясь за стол.

Фон Гольтц вновь послал за старшим охраны.

Тот в это время только принялся за еду. Услышав приказ, выругался и отбросил вилку, зная, что граф не любит, если его приказы не выполняются немедленно. Слуги, с которыми он ужинал, едва скрыли улыбки. Начальник охраны не пользовался у них уважением.

— Возможно, — сказал фон Гольтц, накладывая себе большую порцию сыра, — беглецы не в лесу... Они вполне могут прятаться внутри замка. Возьмите своих людей и обыщите каждую комнату.

Охранник с тоской подумал о своем так и не состоявшемся ужине.

— Как прикажете, экселенц, — сказал он, поклонившись. — Но позвольте заметить, верхние этажи захламлены старой мебелью. Там нет нормального освещения. Будет весьма трудно искать при свете фонарей. Рискну все же посоветовать, экселенц, отложить поиски на утро. Утром мы откроем ставни.

Фон Гольтц вопросительно посмотрел на Силка. Тот пожал плечами.

— Хорошо. Но на всякий случай все же поставьте по одному вооруженному человеку на каждом этаже. Пусть караулят всю ночь. Едва рассветет, немедленно возобновляйте поиски.

Заверив, что все будет исполнено, охранник поклонился и вернулся к прерванному ужину. Но перед этим отдал подчиненным нужные распоряжения.

* * *

Гирланд тем временем решил, что будет безопаснее, если они поднимутся еще выше, на пятый этаж. Он знал, что в замке было восемь этажей. Их он на всякий случай пересчитал еще тогда, когда они только подъезжали. Выбирая пятый, он тем самым оставлял в резерве еще три, на всякий случай.

Держа Джулию за руку и освещая фонариком ступени, он осторожно прошел к лестничной клетке. Толстый ковер заглушал шаги. Было слышно только прерывистое дыхание Джулии, да из кухни доносился негромкий звон переставляемой посуды.

Поднявшись, они на мгновение замерли, глядя на шестой этаж, тоже полностью погруженный в темноту. Гирланд прислушался, но все было тихо. Не зажигая фонарика, он проскользнул в коридор. Здесь пахло гнилью и сыростью.

Крепко держа Джулию за руку, он прошел мимо четырех дверей и осторожно толкнул пятую.

Немного постояв прислушиваясь, он зажег фонарик и направил луч внутрь. Это была достаточно просторная комната с наглухо закрытыми ставнями. В углу стояла широкая кровать. Они вошли и закрыли за собой дверь.

— Это вроде нам подойдет, — заметил Гирланд.

— О, как мне хочется поскорее выбраться из этого проклятого замка, — вздохнула Джулия.

— Придется подождать до завтра. Вы голодны?

Он почувствовал, как она задрожала.

— Нет.

— А я страшно голоден. Что ж, немного попостимся. А теперь давайте спать.

— Я не могу уснуть, я страшно боюсь.

Гирланд молча улегся, заставив Джулию прилечь рядом.

— Жаль, что вы не побоялись сниматься в этих фильмах, — заметил он, беря ее за руку. — Неужели вы не отдавали себе отчета, какому риску подвергаете себя, пытаясь таким образом шантажировать отца?

— Если бы потребовалось повторить, я, не задумываясь, снова сделала бы это, — заявила Джулия, хотя и не очень убедительно. — Оставьте меня в покое.

— Извините, я забыл, что вы женщина зрелая и со сложившимися убеждениями.

— Довольно! Вы просто отвратительны!.. Послушайте, а если действительно пойти к графу, отдать ему эти фильмы и пообещать не сниматься в новых? Может, тогда он выпустит нас отсюда. Как вы думаете?..

— Блестящая идея! — деланно восхитился Гирланд. — Так или иначе, но пленки без вас будут завтра в руках графа. И почему вы уверены, что он вам поверит? Да еще и отпустит?

— Но... Вы же поверили мне!

— О, я... Это совсем другое дело. Давайте спать.

Гирланд отвернулся от Джулии и закрыл глаза. Через пару минут он уже посапывал.

Джулия продолжала смотреть в невидимый потолок, вспоминая прошлую жизнь. Она всегда, сколько помнила себя, ненавидела своих родителей, но сейчас все же сожалела о содеянном. Она признала, что Гирланд был абсолютно прав, и эта организация, «Нет войне!», конечно же, совершеннейший блеф. Она вступила в нее лишь постольку, поскольку это могло разозлить отца. Она вспомнила о Раснольде и с удивлением отметила, что ей совершенно безразлично, жив он или нет. Он был ее демоном. Если бы не он, она никогда не снялась бы в этих мерзких фильмах. Она почувствовала, как краснеет от запоздалого стыда. Как она могла так поступить! Видимо, из-за наркотика. Раснольд заставил ее принять что-то. Иначе она никогда бы не согласилась. Сейчас она была в этом совершенно уверена. Если ей удастся выбраться из этой передраги, — пообещала она себе, — она кардинально изменит свой образ жизни. Пусть отец становится президентом, пусть американцы получают то, что они заслужили. Мысли ее текли непрерывным потоком. Придется оставить так полюбившийся ей Париж, потому что организация никогда не отстанет от нее. Придется переехать в Лондон. В посольстве США работает ее двоюродный брат, он поможет устроиться на работу.

Она слушала ровное дыхание Гирланда и завидовала этому человеку. Вспоминая о ночи, проведенной в его объятиях, она поняла, что с таким человеком ей бы понравилось жить... Но это было невозможно, он никогда не согласится...

Внезапно она напряглась и с бьющимся сердцем села на кровати. Ей послышались голоса. Рука Гирланда лежала на ее руке. Марк сразу же проснулся.

— В чем дело?

— Мне послышались голоса.

— Не шевелись! — она, хотя и не видела его, но почувствовала, как ослабли пружины кровати.

— Не оставляй меня! — прошептала она.

— Не шевелись! — свистящим шепотом повторил он. Это было сказано тихо, но достаточно внятно.

Гирланд осторожно подошел к выходу и прислушался. Не уловив ничего подозрительного, осторожно приоткрыл дверь. С лестничной площадки в коридор проникал слабый свет. Потом послышался мужской голос, говоривший по-немецки:

— Все в порядке у тебя там, Райнер?

Внизу другой голос что-то ответил, но Гирланд не смог разобрать, что именно.

— У меня? — вновь прозвучал первый голос. — Пока все в порядке. Правда, сидеть всю ночь на ступеньках не очень большое удовольствие.

Послышался смех, затем наступило молчание.

Гирланд осторожно вышел в коридор. Он увидел крепко скроенного мужчину в ливрее, примостившегося на ступеньках лестницы с винтовкой, зажатой между колен. Это встревожило Гирланда. Что ему здесь надо? Неужели граф догадался, что он и Джулия не в лесу, а прячутся в замке? В таком случае, почему он немедленно не организовал повальный обыск? Гирланд некоторое время поразмышлял, потом пришел к выводу, что в такой темноте это было бы трудно. Видимо, граф ожидает утра, чтобы все обшарить при дневном свете.

Гирланд закрыл за собой дверь и вернулся на постель. Он рассказал Джулии, что видел, и о своих догадках относительно дальнейшего развития событий.

— Вы хотите сказать, что они знают, где мы находимся? — прошептала Джулия испуганно.

— Наверняка они этого не знают, но подозрения имеются. Не надо только пугаться раньше времени, у нас достаточно места для маневра. Если вы будете выполнять в точности все то, что я вам буду говорить, они никогда нас не найдут. Но если вы потеряли голову, то мы определенно пропали.

— Что же мы будем делать?

— Ожидать. У нас пока еще есть время.

Джулия уже было открыла рот, чтобы запротестовать, но, поразмыслив, смирилась. Снова воцарилась тишина. По совету Гирланда она попыталась было расслабиться, но ей это не удалось. Даже лежать неподвижно было не в состоянии.

Текли нескончаемые минуты. Вдруг она услышала, что ритм дыхания Гирланда изменился. Он спал! Она снова позавидовала его полному презрению к опасности. И в этот момент услышала доносившийся из коридора звук, напоминающий легкий храп.

— Вы слышите? — прошептал Гирланд. — Охранник уже уснул.

— А я думала, вы спите.

— У меня очень чуткий сон.

Она почувствовала, как Гирланд встал, приоткрыл дверь и взглянул на охранника. Тот, закрыв глаза и открыв рот, дрых, сидя на прежнем месте.

Гирланд вновь закрыл дверь и зажег фонарик.

— Ну, Джулия, за работу! — сказал он, отворяя ставни.

Она соскочила с кровати и подошла к нему.

— Хватайся за эти шторы и тяни вниз.

Едва только она взялась за тяжелые бархатные шторы, как Гирланд повис на шнуре. Шнур некоторое время держал его, потом оборвался. То же самое Гирланд проделал и со второй шторой. Через несколько минут они имели шесть кусков прочной веревки. Гирланд связал их за концы.

— Зачем это?

Он открыл окно, распахнул ставни, вышел на балкон и посмотрел вниз. На нижних этажах по-прежнему было темно. Луна освещала лужайку серебристым светом, а лес виднелся темной громадой.

Гирланд опустил веревку вниз, стараясь, чтобы она прошла, по возможности, мимо окон.

— Не хватает, — прошептал он. — Ждите здесь, я пойду поищу.

— Я пойду с вами!..

— Делайте то, что вам велят! — рассердился он.

Открыв дверь, Марк убедился, что их страж спит. Он тенью проскользнул в соседнюю комнату. Через несколько минут вернулся, неся еще два куска шнура. Он подвязал их к уже имеющимся, и на сей раз веревка достигла земли. Закрепив ее за балюстраду, вернулся в комнату.

— Может быть, это введет наших тюремщиков в заблуждение, — сказал он. — Но даже если они и не поверят, это позволит нам выиграть время.

— А мы не можем сами спуститься?

Гирланд покачал головой.

— Я-то могу, но вы — вряд ли.

Она взяла его за руку.

— Если мы благополучно выйдем отсюда, я обещаю, что оставлю в покое отца.

— Bravo! Но вначале еще нужно выбраться. А сейчас пошли. И снимите туфли, я хочу осмотреть другие помещения.

Они разулись. Гирланд открыл дверь, посмотрел на стража и, убедившись, что тот все еще спокойно храпит, увлек Джулию в коридор. В глубине они обнаружили еще одну дверь. Гирланд на мгновение включил фонарик.

— Подождите! — предостерегающе прошептал он и прильнул ухом к двери, потом осторожно открыл ее и еще раз прислушался. Было тихо. Луч фонарика осветил просторное помещение, служившее раньше, по всей видимости, банкетным залом. Вдоль стен стояли какие-то смутные фигуры. Присмотревшись, Гирланд понял, что это рыцарские доспехи и охотничьи трофеи. Гирланд и не подозревал, что перед ним прекрасная коллекция средневекового западноевропейского оружия и доспехов, скупленных Радницем во всех уголках Европы. Гирланд повернулся к Джулии.

— О, у нас появилась компания. Входите, мне кажется, что лучше мы вряд ли найдем.

Они вошли в зал, и Гирланд бесшумно прикрыл за ними дверь.

Человек на лестнице не пошевелился.

* * *

Со своего дерева Малих видел манипуляции Гирланда. Луна ярко освещала ночной фасад замка, и Малиху не нужно было даже пользоваться своим ночным биноклем. Прислонившись спиной к стволу дерева, он ждал. Появился Гирланд, подвязал дополнительный кусок веревки и надежно закрепил ее за балюстраду.

«Итак, он решил бежать, — подумал Малих. — Но ведь спуск с девушкой очень опасен».

Он с интересом ждал развития событий. Но ничего не изменилось. Деревянные ставни оставались полуоткрытыми, а балкон пустым. Прошло полчаса. Малих понял, что опущенная веревка — ложный след. Он одобрительно покачал головой. Ему уже неоднократно приходилось сталкиваться с Гирландом, и каждый раз он все больше и больше восхищался им. На этот раз Гирланд, похоже, решил остаться в замке, стараясь убедить преследователей, что он вместе с девушкой убежал в лес.

Малиху этот план понравился. Еще с полчаса он пробел на дереве. Все огни в замке давно погасли. Охота, скорее всего, начнется лишь утром.

Малих некоторое время размышлял. Гирланд вынужден рассчитывать только на себя, девушка для него скорее обуза, нежели помощник. Малих вспомнил тот день, когда Гирланд совершенно свободно мог разделаться с ним, но, к удивлению, не сделал этого. Мало того, он вернул ему пистолет и, обращаясь к девушке, которая намеревалась его убить, сказал: «Спокойно, бэби. Мы с ним просто по разные стороны занавеса. Мы профессионалы и занимаемся одинаковой работой. Придет время, когда можно будет забыть мелких сволочей, дергающих за веревочки сверху...»

С тех пор он, Малих, часто вспоминал этот эпизод. Он сознавал, что сам бы никогда не сказал такого человеку, которого считал своим врагом. Слова Гирланда произвела на него неизгладимое впечатление.

«Придет время, когда можно будет забыть мелких сволочей, дергающих за веревочки сверху...»

Малих подумал о Ковски, кабинетном интригане в заношенном костюме, его ненависть ко всем и ко всему направлялась только во зло... Маленькая сволочь... Да, Гирланд был прав. А сейчас он вместе с этой девушкой находится в ловушке. Малих решил, что настал тот час, когда он сможет заплатить долг Гирланду. Он вспомнил фразу, которую ему вбили в голову преподаватели английского языка: «One good turn deserves another» — «Доброе дело никогда не пропадает». В русском языке тоже существовала похожая поговорка: «Закинешь спереди,

найдешь сзади». Сколько раз он повторял ее, усваивая произношение. Это, конечно, общая фраза, но общие фразы как раз чаще всего бывают удивительно конкретны.

Он бесшумно спустился с дерева и, осторожно передвигаясь от ствола к стволу, добрался до края лужайки. Остановившись, внимательно изучил фасад замка. Его затея могла оказаться весьма рискованной. Хотя в замке и не было видно освещенных окон, нельзя было поручиться, что оттуда за ним сейчас не следят чьи-нибудь глаза. Его рука сжалась на рукоятке маузера. Он вытащил пистолет, бегом пересек лужайку и затаился.

Перед лестницей на террасу Малих остановился и прислушался. Ничто не нарушало тишины. Удовлетворенный, он поднялся на террасу и прошмыгнул мимо столиков и шезлонгов к веревке. Спрятав пистолет в карман, попробовал, выдержит ли его веревка. Она казалась прочной. Опираясь ногами о стену, Малих начал медленно подниматься. Для него такой подъем был нетрудным и обычным делом. Малих сохранял прекрасную форму, и мысль о том, что веревка может оборваться и он упадет с высоты нескольких метров, даже не приходила ему в голову.

Добравшись до второго этажа, он ухватился за перила балкона и, поставив ноги на голову дракона, украшавшего стену в этом месте, прислушался.

Затем полез выше. На пятом этаже он перелез через перила и замер возле полуоткрытой двери. Хотя он и старался подниматься как можно тише, сбрасывать со счетов тонкий слух Гирланда было нельзя. Наверняка уже засек, что кто-то поднимается. Поэтому сразу входить в комнату — значило подвергнуться лишней опасности. Он постоял немного на балконе, прислушиваясь. Гирланд вполне мог находиться рядом, думая, что по веревке поднимается кто-либо из людей графа.

— Гирланд... Это я, Малих, — прошептал он по-английски. — Гирланд... Это Малих.

Он ждал. Было тихо. Малих медленно подошел к двери и зажег фонарик. Луч света пробежал по комнате. Она была пуста. Малих зашел внутрь.

Итак, Гирланд действительно сделал отвлекающий маневр, привязав веревку, а сам покинул комнату. Очень хорошо, но где же они теперь?..

Малих бесшумно подошел к двери, приоткрыл ее и замер, увидев свет на лестничной площадке. Там преспокойно дрых сторож, зажав ружье между колен. Малих вышел в коридор. Слева и справа тянулась анфилада комнат. «Они где-то здесь, на этом этаже, — думал Малих. — Они определенно здесь».

Он понимал, что надо соблюдать предельную осторожность — вдруг проснется. Нельзя было и проверять комнату за комнатой, окликая Гирланда. Но, с другой стороны, было бы глупо войти в комнату и ничего не сказать, рискуя получить пулю в грудь от спрятавшегося там Марка.

В конце концов Малих решил уйти как можно дальше от спящего сторожа и поискать надежное укрытие. Стараясь не производить лишнего шума, он добрался до последней Двери. Это было сооружение из мореного дуба. Немного постояв на пороге, прислушиваясь, он вошел в темный банкетный зал.

Глава 6

Из-за горных вершин поднималось солнце, осветив вначале верхушки деревьев, а уж потом и башни замка.

Ганс фон Гольтц нервно шагал из угла в угол своей просторной спальни. Окна были широко распахнуты. Майский воздух был свеж и приятен. Первые лучи солнца, проникая в комнату, ласкали древние украшения на стенах и персидский ковер, расстеленный на полу.

На столике стоял завтрак. Для графа процесс принятия пищи всегда был достаточно серьезным делом. Он поднял серебряную крышку и с удовольствием вдохнул дразнящий аромат жареного мяса. И лишь потом приступил к трапезе. Но не успел покончить с первым яйцом, как в дверь постучали. Нахмурившись, он разрешил войти.

В дверном проеме появился Сандер — старший слуга.

— Ваша светлость... Извините меня, пожалуйста, но вы, вероятно, захотели бы узнать, что с балкона пятого этажа свисает веревка.

Фон Гольтц вскочил, схватил бутерброд и поспешил на балкон. Откусывая кусочек за кусочком, он внимательно осмотрел висящую веревку. Затем вернулся в спальню.

— Вы сообщили об этом мистеру Силку?

— Нет, ваша светлость.

— Сообщите и пригласите его сюда. Немедленно.

Понимая, что позавтракать нормально вряд ли удастся, граф торопливо затолкнул остатки бутерброда в рот. Когда в спальню вошел Силк, он так и не успел дожевать. Лу был в черной рубашке, черных шерстяных брюках и черных туфлях. Фон Гольтцу показалось, что это само воплощение смерти. Силк остановился возле двери и холодно посмотрел на графа своим единственным глазом.

— Вы видели веревку? — спросил фон Гольтц.

— Разумеется, я ее видел. Еще полчаса назад.

— Итак, вы были правы. Они действительно были здесь, а потом убежали в лес.

— Возможно, — Силк сел и закурил сигарету. — Уже достаточно светло. Будет лучше, если вы велите начать поиски.

Фон Гольтц забежал по комнате. Торопливый завтрак грозил ему несварением желудка. Он не привык питаться урывками.

— Раз они в лесу, незачем тратить время на поиски в замке.

— Начинайте! — Силк выпустил из ноздрей дым.

Фон Гольтц открыл дверь и позвал Сандера из коридора.

— Пошлите людей в лес, — распорядился он. — Думаю, вам не нужно объяснять, что делать. Найдите их!

— Правильно, — одобрил Силк и вдруг втащил графа обратно в спальню, закрыв дверь. — У меня есть идея. Я хочу, чтобы вы тоже ушли в лес со всеми.

Фон Гольтц изумленно уставился на Силка.

— Что все это значит?

Силк резким движением погасил сигарету в пепельнице.

— Я думаю, они все еще здесь, — объяснил он. — И мы их отыщем значительно быстрее, если заставим думать, что замок пуст.

— Еще здесь?

— Почему бы нет? — в голосе Силка звучали нетерпеливые нотки. — Вы осмотрели веревку? Мужчина, разумеется, мог воспользоваться ею, но женщина вряд ли. Мы поставили сторожей на каждой площадке, так что по лестнице они уйти не могли. Кстати, можно спуститься как-то иначе?

— Нет.

— Следовательно, они в замке.

Фон Гольтц в задумчивости массировал себе затылок.

— В таком случае я пошлю на пятый этаж людей, и они их схватят. Зачем терять время на бесполезные поиски.

Силк улыбнулся фон Гольтцу.

— Мы не потратим бесполезно время, мы просто проявим элементарную осторожность.

— Но я совершенно ничего не понимаю. Если вы уверены, что они все еще на пятом этаже, то у меня достаточно людей, чтобы схватить их.

— А потом?

Двое мужчин посмотрели друг на друга.

— И все же я ничего не понимаю, — недоумевающе проговорил фон Гольтц.

— В вашем распоряжении около сорока человек, может быть, больше...

— Тридцать восемь мужчин и пять женщин. Так что я должен делать?

— Я хочу, чтобы все вы ушли отсюда в лес, — сказал Силк, зажигая очередную сигарету. — Женщины тоже. В замке не должно остаться никого, — его тонкое жесткое лицо было невозмутимым. — Пусть Гирланд поверит в это.

— А что намерены делать вы?

— Освободиться от него. Девушку желательно оставить в живых, пока не будут на месте фильмы. Не исключено, что Раснольд соврал. Когда фильмы будут у нас в руках, мы освободимся и от нее.

— Так вы хотите остаться здесь совершенно один? — недоверчиво спросил фон Гольтц. — Разумно ли это? Ведь Гирланд очень опасен.

Силк рассмеялся.

— Он же безоружен. Я могу его совершенно не опасаться. Едва только все уйдут из замка, я займу удобный пост и буду незаметно следить за лестницей. Он нуждается в двух вещах: еде и телефоне. Следовательно, он обязательно появится на лестнице. Вот и попадетсЯ.

— Может быть, оставить в вашем распоряжении пару-тройку слуг?

Силк посмотрел на графа.

— Вы уверены в их молчании?

Фон Гольтц пожал плечами.

— Ну... — Он подумал немного. — И все же это большой риск... Когда вы освободитесь от Гирланда, что вы сделаете с ним?

— С телом? — Силк улыбнулся. — Я изучил план замка, любезно предоставленный вами. Есть ли вода в колодцах?

— Да. Они никогда не используются, но все же там достаточно много воды.

— Трудно найти более подходящее место. Позже туда вслед за Гирландом отправится и девушка.

Фон Гольтц вытер вспотевшие руки носовым платком. Ледяная невозмутимость этого убийцы его шокировала.

— Хорошо... Поступайте, как считаете нужным.

— А как вы намерены усладить женский персонал?

Фон Гольтц на некоторое время задумался, потом посмотрел на Силка.

— Сегодня в Гермише праздник. Я могу послать их туда.

— Очень хорошо... Действуйте.

Граф посмотрел на часы.

— Сейчас восемь тридцать. Понадобится некоторое время. Вы же знаете женщин.

— Потом пошлите мужчин в лес. Вместе с ними отправляйтесь и вы, — сказал Силк нетерпеливо.

Фон Гольтц вышел в коридор и отдал соответствующее распоряжение Сандеру. Услышав, что женщины должны ехать на праздник, Сандер вытаращил в изумлении глаза.

— Но ваш обед... И потом уборка...

— Никаких причин! Я хочу, чтобы все ушли отсюда. Быстро!

Зная, что совершенно бесполезно, да и опасно возражать графу, Сандер поспешил исполнить приказ.

Особенно был недоволен указанием фон Гольтца шеф-повар, когда узнал, что он тоже должен

искать исчезнувших гостей. Толстый француз заявил, что он ни за что не пойдет туда, ему необходимо готовить обед и он совсем не желает провести в лесу весь день.

Сандер вынужден был напомнить, что на то существует повеление графа.

Взбешенный шеф-повар снял белый халат и нарядился в зеленую ливрею.

Через полчаса из всех уголков замка начали выходить мужчины, собираясь на лужайке. Сандер, весь в поту, поднялся к графу, чтобы доложить о выполнении приказа. Фон Гольц велел слуге подождать в коридоре. Он закрыл дверь и повернулся к Силку, продолжавшему невозмутимо курить.

— Итак, я вас оставляю.

— Да. Уходите.

— Вы совершенно уверены, что я должен уйти?

— Это необходимо.

— Я хочу, чтобы операция закончилась успешно.

— Не говорите об этом, — Силк сверкнул своим единственным глазом. — Вы что, хотите стать соучастником преступления?

Фон Гольц побледнел. Он вспомнил свое прошлое, когда так его выручил Радниц и чего это ему стоило. Ни слова не говоря, он круто повернулся и присоединился к Сандеру.

— Пойдем посмотрим, что делают наши люди, — сухо сказал он слуге.

Силк тем временем поднялся в свою комнату, вынул люгер, зарядил его и взвесил в руке. Затем спустился в гостиную, оставив приоткрытой дверь с таким расчетом, чтобы была видна лестница. Он знал, что ожидание будет долгим, но это входило в его замысел. Рано или поздно Гирланд будет вынужден появиться здесь. И уж тогда он определенно попадет к нему на мушку.

* * *

Гирланд услышал, как медленно приоткрывается дверь в зале. Звук был настолько тихим, что Джулия не обратила на него внимания. Гирланд предупредительно взял ее за руку, а другой прикрыл ей рот. Он абсолютно ничего не видел в темноте. Отпустив руку Джулии, его пальцы сомкнулись на рукоятке пистолета. Он услышал, как дверь снова закрылась.

Последовала продолжительная пауза, затем голос прошептал из темноты:

— Гирланд... Это я, Малих.

В первый момент ошеломленный Гирланд не мог произнести ни слова. Малих! Здесь? И все же этот голос был ему знаком. Он толкнул Джулию за спину и, вытащив пистолет, спустил предохранитель. Щелчок явственно прозвучал в тишине просторного помещения.

— Не шевелись! — приказал Гирланд. — Я вооружен.

— Ты что, не узнаешь меня, Гирланд? — спросил Малих. — Тебе не понадобится оружие.

Гирланд включил фонарик и направил луч света на голос. Возле двери стоял Малих с поднятыми кверху руками.

Джулия вскрикнула. Гирланд опустил фонарик, чтобы не слепить Малиха.

— Вы были последним человеком, которого я ожидал здесь увидеть, — сказал он, — что вы здесь делаете?

— Мне показалось, что вы нуждаетесь в помощи.

— А-а, — улыбнулся Гирланд, глядя в сторону Малиха. — И с каких пор у вас возникло желание помочь мне?

— Я ваш должник.

Услышав это, Гирланд смутился, потом улыбнулся.

— Понимаю... В последний раз, когда мы расставались, вы обещали поставить стаканчик водки при новой встрече. Ведь это была ваша идея насчет выпивки?

— Можете это назвать так. Я здесь, чтобы помочь вам. Гирланд, идя через зал, светил фонариком под ноги Малиху до тех пор, пока не подошел вплотную. Затем засунул пистолет в карман и протянул руку.

— В последнее время я не у дел. Я слышал, вы тоже.

Мужчины обменялись рукопожатием.

— Вы совершенно правы. По крайней мере, так было до последнего времени, пока я не получил приказ следить за вами.

Они разговаривали так тихо, что Джулия, стоя у стены, не могла разобрать и слова. Этот гигант с серебристыми волосами пугал ее. Она видела, как Гирланд подошел к незнакомцу и они пожали друг другу руки, но ее страх от этого не исчез.

— Будет лучше, если я вас познакомлю с Джулией Шерман, — сказал Гирланд, подводя Малиха к девушке.

— Джулия, позвольте представить вам моего старого врага, работающего в советской разведке. Его зовут Малих, и это имя одно из известнейших.

Джулия смотрела на Малиха с ужасом. Тот равнодушно скользнул по ней взглядом своих зеленых глаз, отчего Джулия стала белее стены.

— Малих, это Джулия Шерман, дочь будущего президента США, — продолжал он. — Пожмите же руки и не смотрите так серьезно друг на друга.

Джулия постаралась отодвинуться от Малиха как можно дальше, а Малих спрятал руку в карман.

— Я знаю все о ней, — Малих разговаривал по-немецки. — Я хочу поговорить с вами, Марк, — он замолчал, потом спросил: — Она понимает немецкий?

— Нет... Французский да, но не немецкий.

— Прекрасно, — Малих зажег фонарик, прошел половину зала, уселся в одно из вместительных кресел и закурил.

— Он хочет сказать мне несколько слов, — сказал Гирланд Джулии. — Перестаньте дрожать от страха. — Он усадил ее в кресло, стоящее возле стены.

— Я боюсь этого человека... Он ужасен.

— Можете не беспокоиться. Я знаю его немного дольше, чем вы. Его совершенно нечего бояться. Сидите спокойно.

— Вы так уверены, — зло прошептала Джулия. — А я вам говорю, что это плохой человек.

Гирланд ощупью нашел ее лицо, взял за подбородок и поцеловал. Какой-то момент она боролась с желанием оттолкнуть его, потом поцеловала в ответ.

— В другое время... В другом месте, — сказал Гирланд, отодвигаясь. Он зажег фонарик и, подойдя к Малиху, уселся рядом.

— Сигарету? — любезно предложил Малих.

Гирланд взял русскую сигарету, и оба закурили. Несколько секунд они молчали, затем Малих сказал по-немецки:

— Вы должны знать, Гирланд, что я работаю вместе с вами и только поэтому я здесь.

Эта новость совсем не удивила Гирланда. Из различных источников он знал, что Малих сейчас в немилости, отстранен от оперативной работы. Для такого человека, как Малих, это сильнейший удар по самолюбию. Ведь он был опытным агентом: решительным, безжалостным и очень хитрым. Однако сейчас было не до сентиментальных воспоминаний.

— Я все время думаю о том, что вы сказали мне при нашей последней встрече, — голос Малиха доносился из темноты. — Мы — профессионалы, а маленькие сволочи, дергающие за ниточки, не более чем любители. Я часто думал о ваших словах. Мы зарабатываем себе на жизнь, выполняя приказы своих начальников. Но придет момент, и мы рассчитаемся с ними сполна. Вы не работаете больше на Дорна... Я думаю, что теперь и у меня появилась возможность поквитаться с Ковски.

— Товарищ Ковски... Как он поживает? — спросил, смеясь, Гирланд.

— Сегодня лучше, чем завтра, — скривился Малих. — Он поручил мне выяснить, зачем Шерман прилетал в Париж, для чего Дорн вручил вам кинопроектор и по какому случаю вы так спешно вылетели в Баварию.

— Ну и как успехи на этом поприще? — с иронией спросил Марк.

— Приличные, — Малих глубоко затянулся, и на какое-то мгновение его лицо осветилось огоньком сигареты. — Эта девушка снялась в порнографических фильмах и в настоящее время шантажирует этим своего отца. К тому же она член некой антивоенной организации, которую возглавлял Раснольд, фотограф. Я видел, как его застрелили. Шерман обратился к Дорну за помощью. Дорн сразу понял, что не сможет воспользоваться своими людьми иначе, чем дав ход официальному расследованию. Тогда он связался с вами. Вы примчались за этой парочкой сюда в Гермиш. Каким-то образом об этом деле пронюхал Радниц. Кстати, это его замок. Вы

были приглашены... Приняли приглашение, и вот что из всего этого вышло. Я последовал за вами сюда. Я видел человека, выехавшего из замка на машине Раснольда. Я перебрался через стену, и вот я рядом с вами.

Гирланд улыбнулся в темноте.

— Прекрасная работа, Малих, — признал он. — Вы правы во всем. Человек, воспользовавшийся автомобилем Раснольда, отправился за фильмами... Их три. Когда фильмы будут у этой банды, они тут же постараются избавиться от девушки. На этом операция подойдет к логическому завершению.

— Но они устранят также и вас.

— Разумеется.

— Зачем же ждать? Мы можем выбраться отсюда немедленно, — сказал Малих. — Можно спуститься по той же веревке. И выйти. Вход охраняют три человека, рубильник, отключающий напряжение на стене, в дежурке. Вдвоем мы без особого труда справимся с ними. К тому же у меня пистолет с глушителем.

— Девушка не сможет спуститься по веревке.

— Она не в счет. Почему бы не оставить ее здесь?

— Нет... Не будем обсуждать этот вопрос... — Гирланд снова улыбнулся. — Существует еще одна, хоть и небольшая, сложность. Я не уеду отсюда без этих фильмов. Вместе с девушкой мы останемся здесь, пока их не привезут. Человека, поехавшего за ними, следует ждать не раньше шести часов вечера.

— Понимаю. Шерман за все платит, не так ли?

— А вы как думаете? Разве в противном случае я взялся бы за эту работу?!

Малих бросил сигарету на пол и растер ее ногой.

— Вы всегда были равнодушны к деньгам.

— А вы?

— Нет... В моей стране нельзя заработать слишком много денег. И они не имеют для меня большой ценности. Итак, вы будете дожидаться здесь этого курьера. И что потом?

— Возьму их и смоюсь.

— Но как вы это сделаете? — Малих не понимал уверенности Гирланда.

— Пистолетом заставлю кого-либо из слуг вывести нас отсюда.

Малих молчал несколько минут.

— Что ж, тогда и мне придется задержаться здесь до восемнадцати ноль-ноль.

— Но ведь вас никто не заставляет делать это.

— Я же сказал, что хочу помочь вам. Сами вы ни за что не справитесь, имея на руках девушку. Нужно, чтобы кто-то прикрывал вам спину, а не то очень легко получить пулю. В замке находится наемный убийца. Прекрасный стрелок. Видели бы вы, как он метко достал Раснольда. Прямо в голову. У вас не будет ни единого шанса выскользнуть.

Гирланд потер щеку.

— Но я во что бы то ни стало должен заполучить фильмы. Они стоят для меня по меньшей мере десять тысяч долларов. Я их все же подожду.

Малих зажег фонарик и бросил взгляд на часы. Было два часа ночи.

— Нам ждать еще часов шестнадцать, — сказал он.

— Около того.

— Без еды.

— Попозже придется спуститься вниз и что-нибудь поискать.

— Не забывайте о наемнике. Он первоклассный стрелок.

Гирланд встал.

— Итак, вы остаетесь со мной?

— Да.

— Я действительно нуждаюсь в вашей помощи... Спасибо. Пошли спать. В соседней комнате имеется кровать. Поспим немного.

— Я не нуждаюсь во сне, — покачал головой Малих. — Идите, я постерегу.

Гирланд, который весьма любил прикорнуть лишний часок, не стал спорить. Он подошел к Джулии.

— Пошли поспим. Малих нас посторожит, — сказал он ей.

Она послушно двинулась за ним, обходя сторонкой Малиха. На пороге зала они остановились и, убедившись что сторож продолжает храпеть, проскользнули в соседнюю с залом комнату.

— Я ничего не понимаю, — прошептала Джулия, укладываясь позади Гирланда на постель, — Это что, действительно русский агент?

— Это без сомнения лучший их агент.

— Но что он делает здесь?

— Просто русские не хотят, как и вы, чтобы папочка стал президентом. Не ломайте над этим голову, я устал.

Джулия приподнялась.

— Но как русские смогли узнать обо мне?

— Русские всегда интересуются столичными делами. Но вам не надо беспокоиться об этом. Ложитесь.

Он уснул задолго до Джулии, которой в голову все время лезли мрачные мысли.

Ночь прошла спокойно. В шесть тридцать первые лучи солнца, поднявшегося над лесом, проникли сквозь неплотно притворенные ставни. Гирланд проснулся. Он потянулся и сел на кровати.

Джулия тоже собралась подняться.

— Подождите немного, — прошептал Гирланд и, подойдя к двери, осторожно приоткрыл ее. Страж исчез. Зато в большом зале Гирланд увидел Малиха, сидящего в кресле. С сигаретой во рту.

— Охранник ушел полчаса назад, — буднично сообщил он. — Напротив ванная комната. Я здесь уже все обследовал. — Он подошел к Гирланду.

— Ничего не случилось? — спросил тот.

Малих покачал головой.

— Я считаю, что ваш блеф их ни в коем разе не введет в заблуждение. Они обязательно обыщут замок сверху донизу.

— Поживем, увидим.

Сделав свой туалет, Гирланд вернулся в спальню и послал Джулию в ванную.

— Все слуги ушли, — сказал он ей. — Вы можете освежиться, но делайте это быстро.

Она уже скрылась в ванной, когда с нижних этажей донесся какой-то шум. Гирланд подошел к лестнице и наклонился над перилами. Но смог увидеть только площадки четвертого и третьего этажей. Их сейчас тоже никто не охранял. Голоса звучали на первом этаже, но о чем именно шла речь, разобрать было невозможно. Он повернулся к Малиху.

Из ванной появилась бледная Джулия. Она была явно перепугана.

— Они уже наверняка обнаружили веревку, — сказал Гирланд. — Сейчас, когда лестница свободна, мы можем подняться повыше. Они наверняка придут сюда.

Малих кивнул.

Они прошли по коридору и задержались на площадке. Гирланд, не выпуская из рук пистолет, начал осторожно подниматься. Убедившись, что все спокойно, махнул рукой. Джулия и Малих поднялись вслед за ним.

На следующей площадке Гирланд присел на ступеньку и прислонился спиной к стене. Остальные последовали его примеру.

— Подождем здесь и понаблюдаем за развитием событий. Я с удовольствием выпил бы сейчас чашечку кофе и съел яичницу с беконом, — вздохнул он.

Малих посмотрел на него, но ничего не сказал. Он всегда осуждал простые человеческие

слабости. Джулия, услышав о яичнице, буквально передернулась. В том паническом состоянии, в котором она пребывала, сама мысль о еде была ей сейчас невыносима.

Примерно в восемь утра они слышали громкую немецкую речь:

— Я хочу, чтобы вы все ушли в лес на розыски. Вооружайтесь, и побыстрее. Нужно найти этих двоих. В лес должны пойти все.

Малих и Гирланд переглянулись. Затем Гирланд встал на ноги.

— Следите за лестницей, — прошептал он, открывая дверь и выходя в коридор. Толкнув первую же дверь, он оказался в небольшой, лишенной мебели комнатке, в которой был ход на лестницу, ведущую к башенке. Марк осторожно поднялся наверх. Через небольшую амбразуру можно было совершенно спокойно наблюдать за лужайкой и лесом. Минут через пять он увидел, как первые люди фон Гольтца пересекли лужайку и углубились в чащу. Он начал считать их. Пятнадцать... Двадцать три... Тридцать. Подходя к лесу, они рассыпались цепью. Гирланд продолжал ждать. Вскоре появилось еще пять человек, за ними семенил толстяк, в котором Гирланд узнал повара. Еще минут через пять из ворот замка выехала машина. В ней сидели пять женщин. Машина направилась в сторону Гермиша.

Наконец Гирланд увидел фон Гольтца. Граф вместе со старшим слугой тоже направился к лесу. Подождав еще минут десять, Гирланд убедился, что больше никого не предвидится, и вернулся к Малиху.

Малих, наклонясь над перилами, прислушивался к шуму внизу. При появлении Гирланда он выпрямился и повернулся к нему.

— Ну?

— Тридцать восемь человек ушли в лес на поиски, а женщины покинули территорию замка на машине. Граф тоже вместе со слугами в лесу. Что произошло здесь?

Трое поднялись на пятый этаж. Они отвязали веревку и вернулись вниз.

Мужчины переглянулись.

— По всей вероятности, это тоже ловушка, — пробормотал Гирланд. — Блеф. Наверняка в замке остался убийца. Он ожидает, что мы обнаружим себя, успокоенные уходом слуг. И тогда он легко возьмет нас на мушку.

Малих кивнул.

— Да. Спустимся вниз и поищем его сами.

Джулия безмолвно слушала этот разговор. Ее глаза, не отрываясь, следили за мужчинами.

— Не обязательно он находится внизу. К чему ненужный риск, ведь у нас еще есть время. Дадим ему понервничать часок-другой. Ведь он не уверен, находимся мы здесь или нет. Так что пусть подождет.

Малих снова кивнул.

— Я останусь здесь, а вы подниметесь на башенку. Нужно быть уверенными, что поиски в лесу не прекратились и слуги не вернулись в замок.

Гирланд повернулся к Джулии:

— Пойдем со мной. — Он привел ее в маленькую комнатку с башенкой и сказал: — Я поднимусь туда, а вы пока посидите на ступеньках или на полу. Ждать придется довольно долго. Попробуйте отвлечься. Подумайте о том хорошем, что вы сделали в своей жизни... Если сможете вспомнить хорошее, само собой... Пока, красавица, думаю, это вас немного развлечет.

Джулия покраснела.

— Временами мне хочется вас убить. Вы обращаетесь со мной, как с девчонкой.

— Нет, Джулия... не как с девчонкой!..

Одно мгновение Гирланд внимательно вглядывался в ее лицо, потом, не сказав больше ни слова, повернулся и начал взбираться в башню.

Самое неприятное для Джулии заключалось в том, что она думала о себе почти то же самое, что и Гирланд. И ей ничего не оставалось, как расплакаться.

* * *

Лу Силк неподвижно сидел в кресле, держа пистолет на коленях. Тишина, царившая в замке, была утомительной, но Силк привык к тишине. Он привык к ожиданию в течение многих часов и был уверен, что рано или поздно, но Гирланд спустится вниз и тогда...

Сидя, Силк попытался вспомнить, когда в последний раз он так долго ожидал свою жертву. Когда это было? Три года назад? Он напряг память. Да, три года назад!

На строительстве крупного объекта, принадлежавшего Радницу, профсоюзный лидер, некто Джек Адамс, начал подбивать рабочих на забастовку, требуя повышения зарплаты. Радниц тут же вызвал Силка и приказал убить Джека Адамса.

Адамс жил в двухкомнатной квартире неподалеку от Бруклина. Он понимал, что подвергается серьезной опасности, став поперек дороги такому могущественному человеку, как Радниц, но не принимал никаких мер предосторожности.

Силк снял комнату через дорогу от многоквартирной коробки, где жил Джек Адамс. Он прибыл туда рано утром и занял наблюдательный пост на кухне, приоткрыв окно. Он был вооружен винтовкой, снабженной оптическим прицелом. На протяжении всего дня голодный и злой Силк поджидал свою жертву, но та не спешила.

Силк вспоминал, как долго ему пришлось тогда сидеть. И он дождался своего часа. Адамс все же появился, когда почти стемнело. Едва он открыл дверцу своей машины, как перекрестье прицела замерло точно на его голове. Затем был выстрел, положивший конец профсоюзной карьере Адамса.

И теперь Силк готов был ждать Гирланда хоть весь день. По договоренности с графом тот был обязан задержать своих людей в лесу до вечера. Даже если Гирланд и будет подозревать ловушку, даже если попытается использовать в качестве оружия одну из многочисленных шпаг или кинжалов, в изобилии развешанных на стенах в залах замка, Силк этого не боялся. Он был уверен, что никто в мире не сможет устоять против него, если он держит в руке пистолет.

Силк очень хотел закурить, но понимал, что это опасно. Поднявшись, он некоторое время

переминался с ноги на ногу, не спуская взгляда с полуоткрытой двери.

В вестибюле громадного холла находились старинные часы, и их громкое тиканье эхом отдавалось в сводах коридоров замка. Мало-помалу часы начали раздражать Силка. Непреодолимое желание остановить их крепло с каждой минутой. Но и это было слишком опасно, ибо Гирланд тоже мог слышать тиканье, и, если их остановить, это сразу насторожит его.

Часы мелодично пробили девять. Потом десять. Хотя у него и были стальные нервы, через два часа ожидания Силк почувствовал себя уже не так уверенно.

Дважды на протяжении этого времени ему казалось, что он слышит какой-то посторонний шум. Крепко сжав пистолет, он подбежал к полуоткрытой двери. Но не обнаруживал ничего. Проклиная Гирланда, он возвращался в кресло. Курить хотелось все больше и больше, и он с тоской вспоминал, что когда ожидал Адамса, он мог, по крайней мере, смолить сколько влезет.

Он вновь начал думать о Гирланде. Как-никак это был экс-агент ЦРУ. Так что он прошел суровую школу выживания. Тонкий рот Силка скривился в гримасе. Его первое задание состояло в устранении именно сотрудника ЦРУ, сумевшего раздобыть доказательства противозаконной деятельности Радница. По ним тот мог пожизненно угодить в тюрьму. В то время Силк был молод и уверен в себе, даже слишком уверен. И заплатился за это. Убить все же удалось, но после этого он сам провалялся почти полгода в госпитале — агент успел выстрелить ему в лицо. Это тогда Силк лишился одного глаза. С тех пор он подсознательно боялся агентов ЦРУ. Однако со временем этот промах стал забываться, ибо последующие жертвы походили скорее не на серьезных противников, а на беззащитных овечек, с которыми справиться не составляло никакого труда.

Радниц советовал быть ему особенно осторожным с Гирландом, и Силк не забывал это. Почему-то на память сейчас пришли слова фон Гольтца: «А вы уверены, что вам не надо оставить парутройку моих людей?» И признавал, что с ними ему было бы легче.

Старинные часы мелодично начали вызванивать одиннадцать. Встревоженный Силк поежился.

* * *

Гирланд спустился вниз. Три долгих часа он наблюдал за лесом, но не увидел и тени людей фон Гольтца.

— Джулия... Будьте хоть немного полезной. Поднимитесь в башенку и, если увидите хотя бы одного человека, выходящего из леса, немедленно дайте знать. Мне необходимо сказать пару слов Малиху.

Она послушно поднялась наверх, а Гирланд спустился к Малиху.

— Я думаю, не пора ли нам предпринять что-нибудь, — прошептал он на ухо Малиху. — Ничего не слышали?

— Ничего.

— Вооруженный убийца поджидает нас где-нибудь в засаде. И я думаю, если это действительно так, то он скорее всего в большом зале. Только оттуда можно следить за лестницей. Я спущусь на веранду и загляну туда.

Малих покачал головой.

— Это слишком рискованно. Вы не сможете спуститься без шума, к тому же слуги унесли веревку. Он увидит и услышит вас раньше. — Некоторое время он размышлял. — До какого этажа можно спуститься незамеченным?

— До третьего.

— Тогда двинулись. Поиграем на его нервах. Я выйду на балкон и постучу по перилам. Это небезопасно, но надо же что-то предпринимать.

Мысль понравилась Гирланду. Он одобрительно кивнул.

— А что делать мне?

— Оставайтесь пока на лестничной площадке. Если я увижу, что он вышел на террасу, то быстро ударю два раза. Тогда мгновенно спускайтесь. Нужно оказаться на втором этаже, прежде чем он успеет вернуться.

Мужчины, как тени, спустились на третий этаж. Гирланд остался на площадке, а Малих вышел на террасу. Окна зала находились несколько ниже, справа. Малих лег плашмя на пол, так, чтобы наблюдать за окнами через решетку балкона, и дулом пистолета принялся стучать по решетке. Он стучал с неравными интервалами. Тук-тук-тук. Долгая пауза, и вновь: тук-тук-тук.

Встревоженный непонятным шумом, Силк весь напрягся. Вскочив с кресла, как кошка, держа оружие наготове, он прислушался. Звук так же внезапно прекратился, как и возник. Осталось лишь тиканье часов.

Он еще немного подождал, прислушиваясь, и решил, что, в конце концов, это просто случайность. Силк провел ладонью по вспотевшему лицу. Снова потянулись томительные минуты. Мучительно хотелось курить.

Вдруг постукивания возобновились. Силк подошел к балконной двери и выглянул на залитую солнцем террасу. Может быть, это ветка дерева? Нет, звук очень уж металлический. И идет явно изнутри.

Силк сделал еще один шаг к окну. Удары зазвучали чаще. Силк теперь уже был уверен, что это где-то сверху, на балконе. «Там что-то есть! А вдруг это девушка?» Он подошел к окну, потом оглянулся, не выпуская из виду лестницу, просматривавшуюся в открытую дверь. Но там, казалось, все было спокойно.

Постукивание прекратилось так же внезапно, как и возникло. Снова наступила тишина. Силк сделал еще несколько шагов, но ничего не услышал. И в тот момент, когда он уже решил вернуться, непонятный шум возобновился. Фон Гольцц уверял, будто Гирланд не вооружен. Так что можно было бы без опаски выяснить, что там нарушает тишину.

Он стремительно проскользнул на террасу, держа оружие наготове. Едва только Малих увидел его, как быстро дважды ударил по перилам и тут же спрятался.

Гирланд услышал сигнал и мгновенно сбежал этажом ниже. Дверь в зал была открыта, и перед ней стояло пустое кресло. Усмехнувшись, Марк спрятался в коридоре.

Силк поднял глаза на балкон, но не увидел ничего подозрительного. Его нервы были так

напряжены, что, совершенно забыв об осторожности, он начал осматривать фасад замка.

Малих улыбнулся, на этот раз удовлетворенно, и поднял пистолет. Стрелять было трудно, балконная решетка мешала прицелиться.

Силк шестым чувством уловил опасность. Он выстрелил навскидку, и пуля впилась в камень над головой Малиха. Осколки штукатурки брызнули ему в лицо. Малих вскочил, и Силк, зная теперь, где находится его противник, бросился назад. Теперь он понимал, что пора кончать с игрой в «кошки-мышки», ведь Гирланд не вооружен и прячется на третьем этаже. Больше Силк не колебался. С пистолетом в руках, не таясь, помчался вверх по лестнице.

Гирланд побежал за ним. На середине лестницы Силк услышал, что его кто-то преследует, и сразу же остановился. Но было поздно. Гирланд схватил его за руку и сильно рванул на себя. Силк упал, однако потянул за собой Гирланда. Они покатались по ступенькам. Гирланд сориентировался первым. Не давая Силку опомниться, ребром ладони он ударил его по шее, и удар был неожиданным и мощным. Силк потерял сознание.

Слетевший с третьего этажа Малих застал Гирланда склонившимся над телом поверженного Силка. Увидев кровь на лице Малиха, Гирланд встревожился.

— Вы ранены?

— Пустяки, — Малих носовым платком вытер лицо, — Кто это?

— Я не знаю... Но выглядит неплохо, не так ли? Присмотрите за ним, а я поищу веревку понадежнее.

Марк зашел в одну из комнат и повторил несложную манипуляцию со шторой. Затем вернулся и связал Силка.

— Берите мерзавца! — Они внесли неподвижное тело Силка в комнату и бросили в постель.

— Пусть парочку часов полежит здесь, — сказал Гирланд, для верности закатывая Силка в ковер. — Я просто умираю с голоду. Нужно поискать чего-нибудь съестного. Да и Джулию не мешает позвать.

Десятью минутами позже они уже сидели за громадным кухонным столом и уминали холодную курицу.

— У меня есть идея, — вдруг объявил Малих с набитым мясом ртом. — Нам совершенно незачем ждать посыльного здесь. Поедем навстречу ему в аэропорт. Вдвоем мы легко отнимем фильмы. И к полночи вернемся в Париж.

— Это слишком рискованно. А вдруг мы его упустим?

— Я его очень хорошо рассмотрел... Так что вряд ли упущу.

— А как же ток на стенах?

Малих вытер пот тыльной стороной ладони.

— Нужно взять машину. В гараже их четыре. Подъедем к домику охраны, нейтрализуем ее, выключим напряжение и спокойно уедем.

Гирланд некоторое время обдумывал предложение. Он посмотрел на часы. Ближайший самолет из Парижа прибудет не раньше пяти часов. У них еще было время.

— Хорошо, согласен. — Он повернулся к Джулии: — Вы умеете водить машину, бэби?

— Разумеется. Но не называйте меня бэби.

Гирланд рассмеялся.

— Идите и поскорее собирайте свой багаж, — он повернулся к Малиху. — Вы пригоните машину, Малих?

Десятью минутами позже Гирланд, неся чемоданы Джулии и свой, спустился по лестнице. Их уже ждал белый «Мерседес-200».

— Вы поведете машину, — напомнил он Джулии, забрасывая чемоданы на заднее сиденье и залезая туда вместе с Малихом.

Джулия села за руль.

Машина устремилась по длинной пыльной аллее. Не доезжая нескольких десятков метров до домика охраны, Гирланд приказал остановиться.

— Дальше пойдем пешком. Когда я свистну, подъезжайте к воротам.

— Будьте осторожны, — простонала Джулия. Ее страх вновь вернулся.

— О, разумеется. Только не беспокойтесь и ждите сигнала.

Малих и Гирланд быстро подошли к павильону, остановившись у дверей.

— Я пройду через вторую дверь, — сказал Малих, вытаскивая пистолет. — Подождите пару минут...

Но их предосторожность была излишней. Трое охранников в этот момент безмятежно завтракали. Все их внимание целиком было поглощено огромным блюдом с мясом.

Ударом ноги Гирланд распахнул дверь. Охранники с изумлением и страхом уставились на пистолет. Малих ворвался в дежурку с противоположной стороны.

— Выключите ток! — проревел он, сверкая своими зелеными глазами.

Один из охранников быстро поднялся и дернул рубильник. Еще через несколько минут все трое были надежно привязаны к стульям.

Пока Малих открывал огромные ворота, Гирланд вышел на середину дороги и свистнул.

* * *

Когда Гирланд подрулил к автостоянке в мюнхенском аэропорту, Джулия воскликнула:

— Вот он, наш «триумф»!

И действительно, знакомая им маленькая красная машина была здесь. Малих, сидевший сзади,

наклонился вперед и сказал:

— Ну что же, похоже, мне придется заняться этим. Посыльный вас знает, а меня он не видел. Вот что будем делать...

* * *

Рейсовый самолет из Парижа подрулил к зданию аэропорта. Фриц Кирст, слуга графа, расстегнул ремни безопасности. Он не очень был доволен тем, что так скоро вернулся. Утешало лишь то, что задание оказалось не таким уж трудным. Да и плюс к тому в его распоряжении оказалась целая ночь. Фриц служил у графа уже около двух лет и был не очень доволен своим положением. Платили плохо, постоянно унижали. Кирст намеревался поискать другое тесто. Поездка в Париж как-то компенсировала неприятности, но стоила денег — он потратил гораздо больше, чем предполагал. Но Париж есть Париж.

Едва Кирст вышел из здания аэровокзала, как перед ним возник мужчина громадного роста с совершенно белыми волосами.

— Ваше имя?

Властный тон и холодные зеленые глаза сразу же подавили его волю, вызвав к жизни уже выработанный рефлекс автоматического подчинения приказам.

— Фриц Кирст, господин, — ответил он.

Малих кивнул головой.

— Прекрасно. Твой хозяин приказал мне встретить тебя. Следуй за мной, — не проверяя, выполняет ли приказ Кирст, Малих направился к белому «мерседесу». Кирст был вынужден почти бежать за ним. Он размышлял, кто бы это мог быть и почему граф послал за ним. Но когда он увидел знакомую машину, все его сомнения рассеялись.

Малих сел за руль, а Кирст устроился рядом. На его коленях лежал кожаный портфель. Едва Малих немного отъехал от аэропорта, он отважился робко спросить:

— Извините меня, господин, но...

— Я не люблю разговаривать за рулем, — отрезал Малих.

Кирст послушно замолчал. Этот седой гигант внушал ему трепет. Они быстро миновали Мюнхен и выехали на дорогу в Гермисш. Случайно взглянув в зеркало заднего вида, Фриц увидел нечто такое, что вновь ввергло его в страх. За «мерседесом» ехала маленькая красная машина. Кирст сразу же узнал водителя и девушку, сидящую сзади. Ведь именно этих двоих граф задержал в замке. А их автомобиль? Именно он по приказу графа отогнал его на стоянку в аэропорт!

Мурашки пробежали у него по спине. Он осторожно скосился на Малиха, тот глядел прямо перед собой, казалось, не обращая на Кирста ни малейшего внимания.

— Сиди тихо и не шевелись, — прорычал Малих, заметивший, однако, его движения.

Вскоре Малих свернул налево на узкую проселочную дорогу и, немного проехав, остановился.

— Я вижу, ты привез пакет из парижского банка, — повернулся он к Фрицу. — Отдай его мне!

«Триумф» остановился рядом с «мерседесом», и из него выскочил Гирланд. Подбежав к машине, через стекло смотрел на Кирста.

— Он отдал вам пакет?

— Нет еще. Но отдаст.

Кирст колебался только секунду, потом дрожащей рукой открыл портфель и вытащил запечатанный пакет. Малих взял его и внимательно осмотрел.

Гирланд осторожно вытащил пистолет из кобуры. Несмотря ни на что, он не очень-то доверял Малиху. Это движение не ускользнуло от внимания последнего. Он посмотрел на Гирланда и улыбнулся.

— Вы, как я вижу, совершенно никому не доверяете, — сказал он, перебрасывая пакет через Кирста.

Гирланд поймал его левой рукой.

— Простите меня. Это уже сила привычки, — он спрятал пистолет и, подойдя к «триумфу», показал пакет Джулии. — Он?

— Да, — Джулия сделала попытку выхватить пакет из рук Гирланда, но Марк был проворнее. Она умоляюще посмотрела на него. — Отдайте его мне. Он мой!

Гирланд покачал головой.

— Не будем все начинать сначала, Джулия. Вы же дали слово. Этот пакет для вашего отца.

Она побледнела.

— Нет! Пожалуйста! Я покончу с жизнью, если буду знать, что он видел их. Уверяю вас!

Гирланд внимательно посмотрел на нее.

— Но, Джулия, вам бы следовало подумать об этом, прежде чем сниматься в подобных фильмах. К тому же, их вы собирались послать его политическим противникам, не так ли?

— О, конечно, нет! Пожалуйста, поверьте мне! Я просто блефовала. Конечно же, я ни за что никому не послала бы эти фильмы. Я умру от мысли, что кто-нибудь посмотрит их.

— Не держите меня за простака, Джулия! Ведь вы уже послали одну пленку отцу.

— Не я! Это все Пьер! Он послал его и только потом сообщил мне. Я была готова убить его! Кроме того... Эти три... Они совершенно непристойные! Я умру, если кто-нибудь увидит... Вы что, не понимаете этого? Разве вы не знаете, что я это делала опьяненная наркотиками? — спрятав лицо в ладонях, она разрыдалась. — О, вы не сделаете этого!..

Гирланд взвесил пакет в руке, затем перевел взгляд на Джулию.

— Эта маленькая штучка лично для меня стоит десять тысяч долларов. Почему я должен лишиться этих денег?

Джулия зарыдала еще сильнее.

Гирланд заметил, что Малих вышел из «мерседеса» и с любопытством наблюдает за этой душераздирающей сценой.

Все еще держа пакет в руке, Гирланд спросил:

— Ну и что мы будем делать с нашим другом Фрицем?

— Думаю, нужно связать его и оставить здесь. Рано или поздно его кто-нибудь найдет. Зато у нас будет время добраться до аэропорта и без помех вылететь в Париж, если мы, конечно, поспешим.

Гирланд взглянул на Джулию, которая, всхлипывая, с надеждой смотрела на него, и покачал головой.

— Джулия... Кончайте комедию. Вы, конечно, понимаете, что меня это нисколько не трогает. К тому же, как мне кажется, Раснольд не единственный виновник. Без вас он вряд ли сделал бы то, что сделал. Но я добрый человек, и это когда-нибудь меня погубит... Ладно, забирайте!

Оставив пакет на капоте «триумфа», он вернулся к «мерседесу», вытащил чемодан Джулии и забросил в «триумф».

Джулия продолжала всхлипать, не отрывая рук от лица. Гирланд еще раз глянул на нее, пожал плечами и вернулся к своей машине.

— Не пора ли нам ехать? — сказал он.

— Вы забыли пакет, — заметил Малих, садясь за руль.

— Такой я человек, товарищ, — пожал плечами Гирланд. — Вперед!

Малих доехал до следующего поворота и остановился. Он вытащил из машины Кирста. В этот момент мимо них на предельной скорости промчался красный автомобиль. Малих посмотрел ему вслед.

— Она уехала.

— Да.

— И увезла фильмы...

— Естественно.

Малих связал ноги Кирста, поднял его и, как куль, перебросил через изгородь.

— А мне почему-то всегда казалось, что деньги для вас превыше всего, Гирланд, — сказал он. — Разве Дорн щедро не заплатил бы вам за эти фильмы?

— По крайней мере, он обещал сделать это. — Гирланд забрался на место пассажира. — Не пора ли и нам?..

Малих развернул машину и выехал на главную дорогу. Хотя они мчались по шоссе на приличной скорости, след красного «триумфа» словно простыл. Джулия удирала еще быстрее.

Так как в самолете было всего шесть пассажиров, Малих и Гирланд сели вместе. Погруженные

каждый в свои мысли, они долго молчали.

Спросил Гирланд неожиданно:

— Вы, разумеется, можете не отвечать мне, Малих, но я хочу задать вам один вопрос. Почему вы отказались от этих фильмов? Я был уверен, что ваше задание — раздобыть их. Вы произвели бы фурор среди своих и вернули бы былой авторитет. Ваши люди обязательно воспользовались бы ими, и Шерману пришел бы конец. Разве ваша работа вас больше не интересует?

Малих с мрачным видом смотрел на свои громадные руки. Гирланд уже подумал, что он не ответит на его вопрос, но услышал:

— Все время, пока я работал на КГБ, я никогда не считался со своими собственными интересами. Работа была для меня превыше всего. В то время как вы сначала думали о собственном благополучии, а уж только потом о работе. Но с некоторого времени я принял вашу точку зрения. Пока такие, как Ковски, остаются у власти, я не могу действовать с полной отдачей. Сидеть в бюро и перебирать бумажки — это не для меня! В настоящее время у меня появилась возможность как следует насолить этому прохвосту, и я не упущу свой шанс. Как только Ковски слетит со своей должности, я вернусь к активной работе. Вот тогда мы снова станем врагами.

— Но мы, скорее всего, больше никогда не встретимся снова, — ответил Гирланд, пожимая плечами. — Я ни за что не взялся бы за это грязное дело, если бы Дорн не пообещал так много. А каким же образом вы думаете освободиться от товарища Ковски?

Снова Малих долго молчал. Наконец сказал:

— Завтра, когда я явлюсь для отчета, то скажу, что вы уничтожили фильмы, прежде чем я сумел до них добраться. И еще я обрадую его, что если бы он последовал моему совету и сообщил полиции о Шермане, путешествующем с фальшивым паспортом, карьера Шермана была бы окончена уже тогда. Послав телеграмму, мы наверняка воспрепятствовали бы избранию его президентом. Но, как последний идиот, Ковски отказался это сделать. Естественно, я не утаю, что наш разговор записан на пленку и отправлен в Москву. — Малих вновь посмотрел на свои руки и улыбнулся. — У него был момент... слушаться моих советов. А сейчас поезд ушел.

Гирланд покачал головой.

— Могу себе представить. Дорн будет весьма доволен.

Малих с равнодушным видом пожал своими могучими плечами:

— Многие будут довольны, — он посмотрел на часы. — Мы приземляемся через несколько минут. Я бы не хотел, чтобы нас видели вместе. Дрина наверняка толчется в аэропорту. Бдит, мерзавец. Вы выйдете первым. А я несколько позже, когда Дрина побежит докладывать о вашем прилете.

— Согласен.

Когда самолет зашел на посадку, Малих глянул в упор на Гирланда.

— Теперь я говорю вам «прощайте». Надеюсь, мы не встретимся на узкой дорожке. Не пройдет и месяца, как я вернусь к активной работе. Мы квиты сейчас... Вы понимаете?

Гирланд рассмеялся.

— Я понял ваш намек. Я тоже надеюсь, что мы больше не встретимся соперниками. Я благодарен вам за помощь. Да, теперь мы квиты. — Он подал свою руку, и Малих сжал ее, как тисками.

Самолет приземлился и подрулил к зданию. Мужчины отстегнули ремни безопасности.

Гирланд был разочарован, когда в приемной Дорна не увидел Мэвис Пол на своем месте. Подойдя к столу, он сам нажал кнопку интеркома.

— Да? — услышал он вопросительный тон Дорна.

— Ваш бывший лучший агент пришел отчитаться за проделанную работу. Можете вы меня принять?

— О... Вы? Входите!

Гирланд с невозмутимым видом пересек просторный кабинет и опустился в удобное кожаное кресло для посетителей. На нем был прекрасный серый твидовый костюм, темно-красный галстук и темно-коричневые туфли. На Дорна его нарядный вид произвел соответствующее впечатление.

— Надеюсь, вы рады мне? — спросил Гирланд с легкой иронической улыбкой.

Дорн не пожелал участвовать в представлении.

— Фильмы у вас?

Гирланд покривился, пренебрежительно пожал плечами и, прежде чем ответить, выдержал небольшую паузу.

— И да, и нет. Я их раздобыл и уже держал в руках, но бедный маленький ребенок так плакал, так убивался, когда я сообщил, что передам пленки папе, что я не выдержал слез и отдал фильмы ей:

Дорн вскочил.

— Что это вы себе позволяете? Объясните! Не заставляйте меня напрасно тратить время!

— Если вы мне не верите, то позвоните в советское посольство и попросите Малиха. Без его помощи я вряд ли сумел бы добраться до фильмов. Когда я не выдержал потока слез и решил отдать пленки бедной девочке, Малих как раз был свидетелем этой сцены.

— Другими словами, вы не выполнили обещание! — возмутился Дорн, и лицо его перекопилось от злобы.

— Ну нет, уважаемый шеф. Я всегда выполняю порученную мне работу. Я держал пленки в руках, и вы совершенно определенно можете сказать своему дружку, что ему нечего бояться собственной доченьки. Он может выставить свою кандидатуру на президентских выборах. Фильмы уничтожены! Джулия обещала мне в дальнейшем быть благоразумной и не докучать своему папочке. Так что, как видите, все условия соблюдены.

— И вы хотите, чтобы я поверил в этот бред? — кричал Дорн. — Вы в любом случае были

обязаны привезти пленки мне! Прекратите издеваться! Отдайте их мне, если они у вас!

— Я знаю, что вы постарели, но никогда не думал, что к тому же еще и глухи, — Гирланд откровенно насмехался. — Девчонка уничтожила фильмы. И обещала никогда не сниматься в будущем.

— Как вы можете ручаться за нее? Вы что, видели, когда она их уничтожала? Обещание шлюхи! Чего стоят такие обещания?! — в порыве гнева Дорн ударил кулаком по столу.

— Вы знаете, что Шерман поручил Радницу убрать свою дочь? — быстро спросил Гирланд.

Дорн моргнул и в упор посмотрел на Гирланда, невозмутимо сидевшего напротив него. По глазам Марка Дорн понял, что это вовсе не шутка.

— Я начинаю думать, что вы должны рассказать подробнее о своих действиях, — сказал он уже более спокойным тоном.

— А чем же я занимаюсь? Какого же черта я нахожусь здесь?! А чем занимался ваш друг детства, когда ушел от вас?

— Хотите знать точно? Из-за недостойного поведения дочери он много времени провел дома. Но ведь нельзя же сидеть дома и проводить предвыборную кампанию.

Гирланд широко улыбнулся.

— Вот это действительно хорошая новость! Благодаря Джулии он не смог провести нормальную избирательную кампанию, не так ли? Значит, он не будет президентом?

— Я бы не сказал так, но, видимо, это уже случилось. Нельзя просидеть дома десять дней и оставить все без последствий.

— Так эта мелкая сволочь не станет президентом после всего этого?

— Это не ваше дело, Гирланд. Но это уже случилось.

Гирланд взял со стола Дорна сигарету, закурил и, удобно устроившись в кресле, обстоятельно изложил Дорну события последних дней.

Дорн слушал его молча, не прерывая и не задавая дополнительных вопросов. Даже когда Гирланд сообщил об убийстве Раснольда, Дорн сжал губы, но не прервал рапорт.

— Итак, когда эта девчонка буквально утопила меня в океане слез, — закончил Гирланд свое повествование, — я подумал, что наиболее гуманно и порядочно вернуть эти фильмы ей... Что я и сделал. Может быть, вы поступили бы иначе?

Некоторое время Дорн сидел молча, нахмутив брови и глядя на Марка.

— Но это никак не доказывает, что Шерман замешан в похищении дочери, — сказал он наконец.

— А я и не нуждаюсь в доказательствах. Ведь Шерман и Радниц два сапога пара... Джулия, надеюсь, не будет больше нарушать общественный порядок. А какой путь она выберет, это уж ее дело. В одном я твердо уверен, она обязательно сдержит свое слово.

Дорн немного расслабился.

— Но, надеюсь, вы понимаете, Гирланд, что раз я не смогу передать Шерману эти три фильма, он ничего вам не заплатит за проделанную работу.

— Я знал об этом, когда отдавал Джулии пленки, — Гирланд невесело улыбнулся. — Десять тысяч долларов я заработал и оставляю их себе. А в дальнейшем я не приму ни единого доллара от Шермана, даже если он на коленях будет умолять меня об этом. Тот, кто утверждал, что деньги не пахнут, определенно ошибался, ибо не знал Шермана. Я прекрасно знаю, что его деньги воняют.

Дорн безнадежно махнул рукой.

— Бывают такие моменты, когда вы абсолютно ничего не понимаете, Гирланд, — упрекнул он. — Мне всегда казалось, что деньги для вас все, и совершенно безразлично, откуда они и чем пахнут.

— Жизнь идет, и мы учимся понемногу, — с иронией сказал Гирланд. — Да, кстати, у меня есть новость и для вас. — И Гирланд сообщил Дорну, что, по всей видимости, Ковски вскоре впадет в немилость.

Дорн выслушал это и равнодушно покачал головой.

— Это не очень хорошая новость, Гирланд. Зная Ковски, я был бы гораздо более спокоен, если бы он сохранил свой пост. Но если на его место придет Малих, я бы не сказал, что буду спать спокойно.

Гирланд пожал плечами.

— Я, собственно, никогда не думал об этом. Но хочу обратить внимание на то, что это личная месть Малиха, а мне совершенно наплевать, как будут развиваться события. К тому же я больше не работаю на вас, так что вряд ли мне угрожает еще одна встреча с Малихом. Но я все же советую, на всякий случай, предупредить своих парней, а то в последнее время они настроены очень уж благодушно.

Дорн некоторое время задумчиво смотрел на Гирланда, потирая щеку.

— Откровенно говоря, мне хочется верить, что вы совсем не мечтаете уходить от нас, Гирланд. У меня как раз в производстве весьма любопытное дело в Танжере, словно специально созданное для вас, — проговорил он, подталкивая Марку досье, лежавшее на столе. Весьма любопытное. Две женщины, к тому же очень красивые. Это как раз для вас...

Гирланд удивленно поднял брови.

— Да вы просто сирена-соблазнительница. Ну а как с деньгами?

— Раз это официальное задание, вам и заплатят по действующему официальному тарифу, — в голосе Дорна прозвучала ирония.

Гирланд встал с кресла.

— Нет, благодарю вас. В настоящий момент у меня имеется десять тысяч долларов, и я могу позволить себе роскошь некоторое время пожить спокойно. — Он помахал Дорну рукой. —

Пока, Дорн. Но если у вас случайно вновь появится работа тысяч на десять, не меньше, я, может быть, и соглашусь. Я ведь всегда говорил, что мыслить надо широко. Воспользуйтесь моим советом.

С этими словами он вышел и плотно прикрыл за собой дверь. Лицо его сразу просветлело, когда он заметил Мэвис Пол, сидящую за пишущей машинкой.

Она увидела его, покраснела, но тем не менее продолжала печатать.

— Ни слова приветствия? — упрекнул Гирланд, наклоняясь над столом и посылая девушке самую обольстительную из своих улыбок. — Ни малейшего возгласа радости и удовольствия?

Мэвис заколебалась и сделала ошибку в тексте. Она с укоризной посмотрела на него.

— Разве вам никто не говорил, что у вас глаза, как звезды, а рот специально создан для поцелуев? — продолжал Гирланд. — Я как-то прочитал нечто подобное в рекламе парфюмерной фирмы.

— Выход находится прямо за вами, справа, — произнесла Мэвис, правда, без прежней настойчивости.

— И все же, может быть, вы поужинаете со мной у Лассара: мягкая музыка, прекрасная пища, бархатные вина. Я как раз заработал кучу денег, и мне не терпится потратить их вместе с вами. Как вы смотрите на то, чтобы встретиться в девять часов?

Мэвис внимательно посмотрела на него. Она подумала, что он выглядит просто блестяще. И с ним чудесно можно провести время. Она подумала о своей жизни, наполненной только заботой и одинокими вечерами.

— Спасибо... Да...

— Моя мать всегда внушала мне, что необходимо быть настойчивым и тогда всегда добьешься своей цели, — счастливо рассмеялся Гирланд. — Мы проведем с вами самый замечательный вечер в нашей жизни, это я вам обещаю. Итак, в девять у Лассара!

Она снова улыбнулась и застучала пальчиками по клавишам.

Гирланд подошел к двери. Едва он взялся за ручку, как машинка за его спиной замолкла. Он повернулся и удивленно уставился на девушку.

Ее глаза блеснули, и она вдруг спросила:

— У вас до сих пор бухарский ковер?